

Юрий Яньшин

Холодное блюдо мести

Юрий Витальевич Яньшин

Холодное блюдо мести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70543771

SelfPub; 2024

Аннотация

Настал момент, когда России надоело терпеть агрессивные выпады коллективного Запада против себя и она, выполняя обещания, сделанные Главой хунты, наконец решилась на ответные действия. Все, кого Россия приговорила к смерти, должны быть умерщвлены. Прочь сентиментализм и либеральные сопли! (обложка создана автором с помощью нейросети Кандинский 3.0).

Юрий Яньшин

Холодное блюдо мести

Книга шестая

*Моему горячо любимому соавтору и критику,
моей маме – Морозовой Тамаре Павловне
посвящается*

*«Русские всегда приходят за своими деньгами.
И когда они придут – не надейтесь на подписанные
вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие.
Они не стоят той бумаги, на которой написаны.
Поэтому с русскими стоит или играть честно,
или вообще не играть».*

Отто фон Бисмарк

Вступление

Лишь на четвертые сутки первый военно-транспортный Ил-76 смог приземлиться на полосу в Белушьей. А до той поры силами «малой авиации» через Нарьян-Мар доставлялся новый персонал аэродромного обслуживания. За несколько часов своего пребывания на Новой Земле враги нанесли такой урон местной инфраструктуре, что приведение ее

в минимально пригодный вид потребует весомых усилий и немалого времени. Аэродромная структура пострадала больше всех. Здание самого аэропорта с диспетчерской вышкой, складскими ангарами и обслуживающей техникой были практически уничтожены все. Впрочем, Бог с ней с этой технической составляющей! Главный урон, который понесла Белушья, заключался в невозвратных людских потерях. Русские в очередной раз отбились от нашествия западных варваров. И теперь, после боя, им предстояло подсчитать потери.

Урон был страшный. Из всего персонала аэропорта в живых остался лишь один человек – спрятавшийся между уцелевшими контейнерами и насмерть перепуганный техник, работавший на автопогрузчике. Все остальные, включая майора Семихватова, погибли в неравном бою. Погибла и вся рота капитана Нигматуллина, высланная Виттелем на встречу диверсантам, чтобы хоть как-то задержать их продвижение к поселку. Все 102 бойца во главе со своим командиром сложили головы, но не отступили, окупив своими жизнями драгоценное время для эвакуации гражданского персонала. Прикрывая отход мирного населения к спасительному бункеру, погибло большинство из роты капитана Смирнова. Погибли все спецназовцы, охранявшие академика Вострецова. Погиб, прикрывая своим телом ученого и его главный телохранитель – генерал-лейтенант Всеволод Владимирович Иванов. От подлой руки предателя погибли опе-

раторы РЛС «Подсолнух», а вслед за ними и вся дежурная смена центрального поста охраны, включая дозорных, находившихся в «секретах». Как ни странно, но среди гражданских безвозвратные потери были невелики – что-то около десятка человек. Раненых тоже было сравнительно немного. Объяснялось это тем, что целью диверсантов, все же были не их уничтожение, а готовых к эксплуатации установок, ну и, разумеется, непосредственные создатели «супер-оружия». Три дня и три ночи никто в поселке не сомкнул глаз ни на минуту. Все – от мала до велика, оплакивали своих защитников, павших в бою. К концу третьих суток все же удалось достаточно точно подсчитать павших, коих оказалось более четырехсот человек.

И все-таки главной своей цели диверсантам, несмотря на все свои усилия, достичь не удалось. Хоть «летающая лаборатория» и была ими уничтожена в первые же минуты активной фазы операции, но стационарная установка протонного ускорителя, как и оба ее создателя, уцелела. Уцелело производство и за редким исключением весь персонал занятый ее созданием. А это главное, ведь, как известно – кадры решают все. Оставшихся в живых семерых диверсантов, под предводительством командера Роумэна, разъяренные от потерь охранники базы уже хотели забить прикладами до смерти, и только вмешательство майора Гусарова помешало свершиться священному акту мести. Тот, несмотря на свой невеликий чин, здраво рассудил, что в развернувшейся на их

глазах «большой политической игре» эти незадачливые «попаданцы» смогут сыграть существенную роль, хотя бы в качестве разменной монеты. Поэтому их, скованных по рукам и ногам, поместили под недреманную охрану в гарнизонном карцере. Впрочем, те и сами прекрасно сознавали, что, по большому счету, деваться-то им, собственно говоря, и некуда в этом белом заполярном безмолвии.

Да, Россия в очередной раз заплатила за свое существование большой кровью. Однако в этот раз потери сопредельной стороны, оказались сопоставимыми с нашими. Мало того, что прекратила свое существование элита штатовского спецназа в лице ее «морских котиков», считавшихся до этого события во всем мире легендарными и непобедимыми, так и потери в технике были для Пиндосии просто умопомрачительными. Помимо уничтоженного бомбардировщика, несшего к нашим берегам ядерную крылатую ракету и за штурвалом которого сидел сам Тимоти Рэй – генерал и Командующий Глобальным ударным командованием, также впервые в истории был уничтожен и знаменитый АВАКС со всем своим экипажем, состоящим из высококлассных специалистов в деле электронного шпионажа. Экипажи этих двух воздушных «геркулесов» составляли не менее трех дюжин офицеров военно-воздушных сил. Это был даже не щелчок по лбу. Это была полноценная и увесистая пощечина всему Воздушному Флоту Залужья. Правда, и с нашей стороны не обошлось без потерь. В ходе стычки был сбит наш МиГ-31. Од-

нако экипаж нашего перехватчика успел катапультироваться, и был успешно вытасчен из воды спасательной амфибией Бе-12. Да и стоимость нашего самолета не шла ни в какое сравнение убытками американской стороны. Еще более внушительные потери понес флот заокеанского супостата. Кроме зажатого в прямом и переносном смысле, созданного по стелс технологии «Морского Коня» вместе со всем своим экипажем в сорок с лишним человек, Штаты умудрились потерять самую современную свою атомную подводную лодку проекта «Сивулф», тоже, кстати, со всем экипажем. Как минимум восемь миллиардов долларов за какие-то доли секунды превратились буквально в пар одним движением руки дядечки с вечно запотевавшими очками, который даже в армии никогда не служил по причине своей сильной близорукости. А это уже была не пощечина. Это был зубодробительный нокаутирующий удар, после которого еще очень долго придется приходить в себя.

Благополучное приземление в Белушьей транспортного Ила, доказало возможность налаживания безопасного воздушного коридора с Большой Землей. И уже к концу дня, целая стая военных транспортников заполонила собой все места стоянок. Нужно было срочно доставить новую навигационную аппаратуру, вместо утраченной, снабдить материалами, оборудованием. Ко всему прочему была и печальная необходимость вывезти для погребения тела всех погибших. И, конечно же, в первую очередь необходимо было эвакуи-

ровать на материк всех раненых, у которых не было противопоказаний к длительной транспортировке. В число таковых раненых попал и полковник Виттель. Ошибаются не только люди, но даже и медведи, несмотря на свое обостренное чутье. Мария Потаповна ошиблась, когда предрекла старому полковнику неминуемый конец. Могучее природное здоровье, закаленное в экстремальных условиях проживания, не дало осечки. Получив два проникающих осколочных ранения в спину, он, вопреки медвежьим прогнозам выжил. Его срочно прооперировали прямо там – в бункере, и теперь он ослабленный от большой потери крови лежал на носилках, укрытый до самого подбородка толстым пуховым одеялом, в ожидании сигнала на посадку в самолет. Честь полковника, быстро пришедшего в себя после операции, не позволяла покидать расположения вверенной ему воинской части. И он, как мог, сопротивлялся, решению медицинских работников отправить его на Большую Землю. Внутренним чувством он осознавал, что, если сейчас даст на это согласие, то его возвращение сюда будет почти невозможным делом. Однако медицина, в лице заведующего хирургическим отделением, сумела все же настоять на своем. Данное решение она мотивировала тем, что в условиях Заполярья физическая реабилитация пациента, находящегося к тому же в преклонных годах пройдет быстрее и несравненно успешней в условиях более комфортных, чем она могла ему предложить на месте. А значит и его возвращение в строй будет более реальным

делом, если он согласится с их условиями. Разумеется, он ни на йоту не верил словам местных эскулапов. Но учитывая то состояние, в каком он пребывал сейчас, спорить было довольно сложно, поэтому поупиравшись, он все же сдался под напором очевидных аргументов, тайно лелея надежду на свое возвращение, если и не в прежней должности, то хотя бы в чине вольнонаемного каптенармуса. Уж больно прикипела его мятежная душа к этим суровым, но ставшими родными краям. Вместе с ним на Большую Землю отбывала и его супруга, не скрывавшая радости от того, что покидает, хоть и нажитое, но так и не полюбившееся место. Возможность чаще воочию общаться с детьми и внуками она считала для себя приоритетной задачей. Стоит ли винить пожилую женщину за это? Несмотря на всеобщую скорбь от многочисленных жертв, прощание с Митричем было торжественным. По распоряжению Гусарова, как старшего по званию после полковника (в отношении майора Хворова было заведено дисциплинарное дело) весь оставшийся в наличии гарнизон (за исключением тех, кто находился в наряде) прибыл на аэродром для того, чтобы проводить своего командира к месту дальнейшей реабилитации. Разумеется, проводы не обошлись без присутствия на них спасительницы полковника. Большая белая медведица пришла на аэродром вместе со своим медвежонком, чтобы еще раз оказать знаки внимания своему Двуногому другу. Не смущаясь присутствия большого количества людей, она по-хозяйски подошла к носилкам

и шумно дыша, протерла своим фиолетовым языком лицо друга, от чего у того невольно навернулись старческие слезы. Он выпростал руку из-под одеяла и благодарно погладил свою подружку по морде. Медвежонок тоже счел своим долгом оказать внимание и попрощаться с Двухногим приятелем. Поэтому привстав на задние лапы, тоже сунулся своей мордочкой в заросшее бородой лицо Митрича, вызывая в том новый приступ сентиментальности. Он не переставая поочередно, гладил своей чуть поддрагивающей рукой и медвежонок и его мамашу. За ее судьбу можно было не слишком волноваться, во всяком случае, так говорил майор, заглянув к Митричу в больницу. Все последние дни, что медведица непосредственно находилась среди большого количества народа, окончательно сломали преграду между ней и персоналом базы. Она показала себя вполне спокойной, покладистой в общении и непривередливой в питании. Впрочем, люди, ставшие непосредственными свидетелями ее героического поведения в то злосчастное утро, и так изо всех сил старались подкормить косолапую сверх положенного рациона. Да и она, уже вполне освоившись среди людей, перестала выказывать недовольство, даже тогда, когда они начинали заигрывать с ее малышом.

– Петрович, – обратился в очередной раз полковник к майору дрожащим и растроганным донельзя голосом, – ты уж не оставь ее, а то ведь она не выживет на воле. Привыкла, вишь, к людям-то.

– Михал Дмитрич, ну, что вы право такое говорите?! – отвечал Гусаров, склонившись к носилкам. – Разве можно бросить такую красавицу, да еще после того, что она совершила. Мы вон даже собираемся ходатайствовать перед администрацией Архангельской области о присвоении нашему поселению герба с изображением медведицы с медвежонком. Поэтому, еще раз повторяю: не волнуйтесь, мы все сделаем для ее комфортного пребывания среди нас. Тем более она уже показала и доказала свое неконфликтное поведение среди человеческого социума.

– Я вот еще чего хотел у тебя попросить, Виктор, – тихо произнес Митрич.

– Да, я вас слушаю, – опять нагнул Гусаров к носилкам.

– Чую, что военная моя стезя подошла к своему финалу, – пересилив себя, проговорил Виттель. – Погодь, Петрович, не перебивай, – заметив порыв отрицания со стороны майора, произнес бывший комендант. – Так вот что я хотел сказать. На ноги-то я, конечно встану. Здоровьишком, предки не обидели, а только вот, на службу вряд ли удастся вернуться, хоть я и приложу к этому все силы. Не удастся вернуться в качестве военного, так я вернусь в качестве гражданского лица. Ты уж, хатенку мою побереги пока. Присматривай за ней. А я, глядишь, к Новому году и приковыляю.

– Да в уме ли ты старый?! – решила вмешаться в диалог Фроловна находящаяся возле своего супруга неотступно. – О чем лопочешь-то?! Куда вернуться?! Зачем?! Ай, не на-

служился?! Дети, внуки ждут!

– Ша, мать! – сдвинул кустистые брови Его Величество. – Тебе слова не давали. У детей и внуков своя жизнь и свои дороги в ней. А я, как старый пенёк посередине тропинки буду им только помехой. Планида моя таковая – быть навсегда казенным человеком. А ты, мать, вольна в своих поступках. Я все сказал, и ты меня с этой позиции никак не сдвинешь.

Тут прозвучал сигнал, означавший начало посадки в самолет. Дюжие молодцы, отряженные исполняющим обязанности коменданта базы и руководителя поселка, для переноски раненых в самолет, ступая в ногу, дабы не сильно раскачивать носилки, двинулись по направлению к борту МЧС. Следом за ними быстро перебирая коротковатыми старушечьими ногами, семенила расстроенная вконец словами супруга Фроловна. Уже возле откинутой аппарели Митрич сделал попытку приподняться на локтях, чтобы в последний раз окинуть взглядом, оставленный им и ставший родным поселок, но рана в спине не дала ему этого сделать. Он, морщась от нестерпимой боли, бессильно рухнул назад, прикрывая глаза. Что ожидает его в дальнейшем? Этого не знал сейчас никто. А сам он даже не хотел думать об этом.

Этим же бортом возвращался в Москву и Вострецов, которого последние события подвигли к мысли об еще большем ускорении процесса вывода на орбиту космической версии установки. Делать ему тут уже было нечего, так как «летающая лаборатория, для которой он доставил гироскопы,

была практически уничтожена, а в Москве его «пробивной» характер будет наиболее пригоден для интенсификации производства. Боголюбов, провожавший своего товарища и наставника, в этом был полностью с ним солидарен.

Глава 53

I.

07.09.2020г., Москва., ул. Кожевническая, д.1Б

В это утро диктатор Всея Руси опять проснулся не в своей постели. Вернее будет сказать так: ставшей уже своею, но не в своем доме. Да, сегодня опять пришлось заночевать в квартире у Вероники. Четыре дня назад он, как и обещал, устроил для своих домашних нечто вроде смотрин своей (теперь он уже не сомневался, что своей) любимой женщины. Был выходной, поэтому визит был приурочен к обеду в семейном кругу. Семейный круг был невелик: он сам, любимая дочь Настенька и новообретенный зять – Петр Вальронд, незаметно ставший не только любящим мужем для дочери, но и верным соратником самому Афанасьеву. Валерий Васильевич сам заехал домой к Керженцевой, чтобы отвести ее в свою загородную резиденцию. Пока ехали, оба несказанно волновались. За зятя он не слишком беспокоился, чуя в нем мужскую солидарность, а вот насчет дочери у него были весьма веские сомнения. Несмотря на разлад с матерью, она все-таки лю-

била ее и, как могла, старалась, по мере сил, поддерживать с ней кое-какие контакты. Зная это (любящая дочь ничего от отца не скрывала), он всерьез опасался ее реакции на появление в доме посторонней, да к тому же еще и молодой женщины. Вероника, в свою очередь, тоже сильно волновалась, ожидая встречи с домочадцами Афанасьева. Перед тем, как Валерий Васильевич заехал к ней, она долго выбирала себе наряд из немудреного своего гардероба, так и этак прикидывая, как произвести положительное впечатление на потенциальных родственников. В конце концов, ничего так толком и не придумав дельного, махнула на все рукой и облачилась в простой джинсовый костюм – тот, в котором она неделю назад встретила своего избранника. Косметикой молодая женщина тоже злоупотреблять не стала, ограничившись легким припудриванием лица и обозначением губных контуров. От покойного мужа оставался шикарный флакон «маленького черного платья», которым она очень дорожила, крайне экономно используя драгоценные капли, поэтому только слегка мазнула пальчиком за ушными раковинами. Всю дорогу, пока они ехали до резиденции, она не могла скрыть своего волнения – нервно хрустела пальцами рук, отвечая даже на элементарные вопросы порой невпопад, то и дело, заливаясь краской от смущения. Валерий Васильевич, как мог, старался приободрить свою спутницу рассказами о том, как сорок с лишним лет назад вот так же волновался перед встречей с будущей тещей. Кондратьич в этот раз не стал опускать стек-

ло между собой и салоном, принимая посильное участие в подбадривании невесты перед смотрящими. Михайлова и на этот раз не было с ними, потому как, все-таки в выходной и бессменному старшему адъютанту требовался отдых, но больше из-за опасений со стороны Афанасьева о том, что тот опять может наговорить черт-те знает чего. В общем, старались они на пару изо всех сил, но это не слишком помогало. Когда уже прибыли на место, Вероника вообще впала в паническое настроение, и Валерию Васильевичу опять пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее выйти из машины. Наконец, при помощи тихо произносимых увещеваний попеременно с подбадриваниями ему удалось это сделать. Она вышла из машины и вместе с ним начала подниматься по ступеням крыльца. Он, как настоящий кавалер тут же выставил локоть руки, и она не преминула воспользоваться его любезностью, просунув свою руку в образовавшийся проем. На деревянных и негнущихся ногах она поднялась по широким и мраморным ступеням крыльца. К чести дочери Афанасьева можно отнести то, что она не стала дожидаться, когда отец со своей возлюбленной поднимется вверх, где находились их личные апартаменты, а встретила счастливую парочку прямо в холле первого этажа. Зять маячил позади Анастасии, всем своим видом излучая радушие и гостеприимство. Дочь была одета в скромное шифоновое платье, в котором обычно ходила в школу. Следов косметики на ее лице не наблюдалось вовсе. И хотя обе женщины бы-

ли примерно одного возраста, на фоне златокудрой Вероники дочь Афанасьева сильно проигрывала. По тому, как она натянуто улыбалась и поминутно облизывала свои пересохшие губы, было видно, что Вероника – не единственная, кто волновался в этот момент. После полагающихся ритуальных представлений Валерия Васильевича дочери своей избранницы (с Вальрондом Вероника мельком уже была знакома, когда он вчера утром приезжал за своим тестем) на секунду возникла пауза, которую Анастасия постаралась быстро смикшировать:

– Здравствуйте, Вероника ... эээ, – слегка замялась она, не зная отчества потенциальной мачехи, однако улыбаясь и любезно протягивая обе руки для пожатия.

– Степановна, – подсказала та, принимая руки хозяйки дома для пожатия и тоже улыбаясь в свою очередь. – Но зовите меня просто – Вероника, тем более, что мы с вами вроде как ровесницы.

– Ну, раз так, то давайте перейдем на «ты», – подхватила Настя при явном, хоть и молчаливом одобрении обоих мужчин, стоявших рядом.

– Конечно-конечно! – заторопилась согласиться Вероника.

Казалось, лед от неловкости первых минут встречи моментально улетучился, но тут Петр, желая проявить аристократические манеры, после представления его персоны, вздумал приложиться губами к ручке будущей тещи, изо-

гнувшись чуть ли не вдвое из-за своего роста, чем порядком подпортил атмосферу первого знакомства. Вероника сразу-то и не сообразила, чем это может ей грозить в дальнейшем, но когда увидела нехороший прищур в глазах Насти, было уже поздно, что-либо исправлять. А мужчины по природной своей толстокожести, кажется, даже не обратили внимания на произошедший неприятный инцидент. В общем, благодаря «медвежьей услуге» зятя, только-только зародившаяся теплота общения вновь потухла. И на всех четверых действующих лиц этого спектакля опустился занавес отчуждения и настороженности. Совместный обед, к всеобщему разочарованию, тоже не смог развеять тучки взаимного недоверия между ними. Отчуждение женщин перекинулось незаметно и на их мужчин, никак не бравших в толк, что могло такого вдруг случиться, чтобы намеченные дружеские посиделки сразу обернулись неким прообразом международных переговоров по вопросам ядерной разрядки. Стороны обменивались дежурными любезностями, задавали друг другу ничего не значащие вопросы и давали в ответ односложные и малоинформативные ответы. В общем, обед был скомкан и не принес удовлетворения ни одной из сторон. О том, чтобы провести время в обновленном семейном кругу, совместно отужинать и оставить гостью до утра не могло быть и речи. Тем более, что она и сама теперь ни в какую этого не хотела. У нее, вдруг, обнаружились, к вящему удивлению Афанасьева, какие-то неотложные дела, о ко-

торых она ранее и не заикалась. Анастасия, в свою очередь, тоже ни с того ни с сего озаботилась проверкой успеваемости своих второклашек, поэтому, извинившись, покинула «высокое собрание» сразу после десерта. Афанасьев, в расстроенных чувствах кинулся вслед за уходящей прочь Керженцевой. Уже, когда оба сидели в машине, она смогла после настойчивых расспросов с его стороны полушепотом поведать подоплеку наметившегося разлада между ней и Настей. Валерий Васильевич, выслушав версию неожиданной размолвки, не нашел вразумительных слов для комментария, однако красноречиво треснул себя ладонью по лбу. Этот его впечатляющий жест никем не режиссированный, а сделанный от души, несколько разрядил порядком взвинченную Веронику, и она невольно прыснула в кулачок, в очередной раз, удивляясь и умиляясь мужской тупости. Его реакция на ее смех развеселила молодую женщину еще больше:

– Боже, мой! Бедный Петя! Я сейчас представляю, что его ждет, пока меня нет дома!

Не сговариваясь, они оба засмеялись так громко, что Кондратьич в искреннем недоумении уставился на них в смотровое стекло заднего вида. Отсмеявшись вволю, он все же рискнул у нее спросить:

– Ну и что мне дальше с вами делать?!

– Не знаю, – пожалала она беззаботно плечами, а затем добавила, – наверное, надо еще немного подождать и не форсировать события. Пусть все пока останется по-прежнему.

– Зато я знаю, что делать, – усмехнулся он.

– Что?

– Нужно организовать ответный визит или что-то наподобие этого. Ты, как, не против?

– Согласится ли она после сегодняшнего инцидента? – выразила Вероника свои сомнения.

– Конечно, согласится, – уверенный в своих мыслях кивнул Афанасьев.

– Почему ты так думаешь? – опять засомневалась она.

– Потому что ревность ревностью, а женское природное любопытство еще никто не отменял, – хитро улыбнулся он ей в ответ.

Ответный визит решили приурочить к ближайшим выходным. А пока он опять остался ночевать у нее, доставляя своей охране немало головной боли.

С тех пор прошло четыре дня. Ровно в половине шестого утра она его легонько толкнула в бок:

– Валер, проснись. В двери звонят.

– А? Что? – не сразу понял со сна, что случилось, пробормотал Афанасьев.

– Вставай. Кто-то звонит в двери. Не иначе что-то случилось.

Он пару секунд еще похлопал не вполне проснувшимися глазами, прежде чем вскочить с постели. Так, со сна, даже не соизволив надеть штаны, прямо в трусах пошлепал босыми ногами в прихожую.

– Халат-то накинь! – бросила она ему вслед, но он только отмахнулся.

Спрашивать, кто звонит, Афанасьев не стал, ибо кто кроме своей охраны начнет звонить спозаранку? Молча отворил дверь. У порога стоял один из дежурных адъютантов из-за плеча, которого маячила фигура Коржика.

– Товарищ Глава Высшего..., – громким голосом начал тот, но диктатор перебил в самом начале.

– Че орешь? Весь подъезд переполошил! Давай короче и проходи, не торчи тут, – сварливым голосом проговорил он, потянув адъютанта за рукав.

Затем, когда тот переступил порог, посторонился, пропуская в прихожую бравого военного в чине капитана. Коржик не последовал за ним в квартиру, а значит, краем сознания отметил Афанасьев, самого страшного не случилось. Испуганная неожиданным визитом Вероника, накинув халат, опасливо выглядывала из-за дверного косяка, не ожидая ничего хорошего от подобных визитов спозаранок. Прошли в комнату. Стоять в трусах перед подчиненным генералу было неловко, поэтому он присел на диван, машинально прикрывая свою нижнюю часть тела свисавшим покрывалом.

– Выкладывай, что стряслось? – спросил он капитана, несколько, казалось, не смущаясь своего полуобнаженного и растрепанного вида.

– Товарищ Верховный, – уже ровным голосом начал докладывать тот, полчаса назад со стороны Украины подвергся

массированному ракетному налету город Белгород. По первичным данным по городу было выпущено не менее пятнадцати баллистических ракет класса «Точка-У». Имеются жертвы, количество которых пока точно не выяснено. В городе наблюдаются массовые возгорания. Повышение радиоактивного фона не наблюдается.

Где-то сзади тихонько пискнула в кулачок Вероника.

– Т-а-а-к, – растянул диктатор. – Дождались, мать их... У тебя всё? – устало опустил плечи Валерий Васильевич.

– Так, точно, – козырнул капитан.

– Машину мне, – буркнул Афанасьев, ища глазами стул, на который вчера вечером положил свою одежду.

– Машина уже ждет вас у подъезда, – отчеканил адъютант.

– Ступай, я сейчас спущусь, – кивнул ему, а заодно и Веронике, чтобы та проводила гонца.

Когда за капитаном закрылась входная дверь, он провел рукой по лицу, снимая остатки сна, и простонав не столько от артрита в суставах, сколько от очередного удара судьбы, привстал с дивана и начал одеваться. Проводив адъютанта, Вероника вернулась в комнату.

– Что же теперь будет, Валера? – тихо спросила она, подойдя сзади и приобнимая его за плечи, в то время как он застегивал пуговицы на рубашке.

Он посопел, но оборачиваться не стал, продолжая свое дело.

– Завтракать будешь? – спросила она, не дождавшись от-

вета на свой предыдущий вопрос.

Афанасьев повернулся к ней всем корпусом и, заглядывая в самую глубину глаз любящей женщины, произнес извиняющимся голосом:

– Спасибо, Вера, но сейчас не могу. Тороплюсь.

– Я заверну тебе бутерброды? – просительным тоном обратилась она.

Он не хотел напрасно обижать ее отказом, поэтому просто кивнул и потянулся за кителем. Вероника упорхнула на кухню и там принялась стучать ножом по разделочной доске, нарезаая хлеб и колбасу. Уже в прихожей, когда он, кряхтя, надевал туфли, она вновь подошла к нему со свертком в руках, опять обращаясь к нему чуть виноватым голосом:

– Извини, кофе сварить не успела.

– Ничего, Михайлов расстарается, – успокоил он любимую.

– Мне ждать тебя или ты сам позвонишь? – спросила она, заглядывая ему в глаза, как преданная собака.

– Позвоню, непременно позвоню, – откликнулся он, принимая сверток с бутербродами, но вдруг остановился, будто вспоминая, что-то важное.

Решительно положил сверток на тумбочку, что стояла в прихожей, затем резко привлек, почти рывком, к себе женщину и, стиснув ее в объятиях, впился своими губами в ее мягкие и чуть солоноватые губы. Она всем телом прикинула к нему, вжимаясь в его все еще крепкий торс, одновременно

отвечая на его страстный порыв. Они постояли так, где-то с полминуты, затем он все так же решительно отпрянул от нее и, не говоря больше ни слова, повернулся к ней спиной, схватив сверток, а потом рванул на себя незапертую входную дверь.

– Будто на войну проводила, – прошептала она ему вслед, тихонько всхлипывая.

II.

07.09.2020г., Россия, г. Москва, Фрунзенская набережная 22, Национальный центр управления обороной РФ.

Дежурный водитель – мужчина средних лет был ему незнаком, ну да это и неудивительно, так как за все время своего нахождения на вершине власти, ему еще ни разу не приходилось так неожиданно и рано срываться с места. Ни вечно все знающий Михайлов, ни разговорчивый Кондратьич, ни его вечно отмалчивавшийся сын на смену еще не заступали, поэтому в этот раз пришлось делить салон с абсолютно незнакомым ему человеком, дежурным адъютантом, которого он еще плохо знал и угрюмым Коржиком. Адъютант по своей наивности сунулся было в салон к Афанасьеву, но подполковник решительно отстранил бойкого капитана, молча указав ему глазами на место рядом с водителем, а сам, чувствуя на себе благодарный взгляд диктатора, сам

уселся напротив него, составив компанию.

– Ну, что скажешь, Андрей Ильич? Ты-то уж наверняка в курсе всех деталей произошедшего? – обратился Афанасьев к обладателю «вкусной» фамилии, как только они вырулили с тесного дворика.

Кавторанг дернул щекой, и застарелый шрам на его лице неприятно покраснел.

– А что говорить?! Ровно в пять утра хохлы с территории Харьковской области осуществили залп, по предварительным данным из мобильных установок «Точка-У». Стреляли специально по городу. Начинка – осколочно-зажигательная. Иначе, как объяснить множественность возгораний, плохо поддающихся тушению? Точно подгадали время, когда люди еще дома, в большинстве своем и ударили, чтоб, значит, побольнее было.

– И что это было, по-твоему? Мсть за уничтоженный в июне Генштаб?

– Трудно сказать, – попытался пожать плечами Коржик. – Если мстить, то надо, по крайней мере, по вражеской столице...

– Но-но, не накаркай мне там! – погрозил он кавторангу пальцем.

– И потом, почему именно сейчас? – продолжал свою мысль Андрей Ильич. – Время для эскалации абсолютно неподходящее. По всем закрытым аналитическим данным Украина еще не набрала потенциал для наступления. Нужно

еще, как минимум, месяца два, а то и три, чтобы накачаться оружием, переподготовить свежие кадры высшего звена и адаптировать, в конце концов, военную промышленность под реалии военного времени. А военное время непременно наступит, так как Россия обязательно явится на войну в этот раз.

– И какой вывод ты делаешь из этого? – с нескрываемым интересом к выкладкам своей «тени» поинтересовался диктатор.

– Выводов два. Первый – утопический, в соответствии с которым на Банковой абсолютно потеряли разум и чувство самосохранения.

– Этот вывод можно сразу взять за скобки. На Банковой даже дышат не иначе, как по команде из Вашингтона, – сразу отшел от себя Афанасьев первый вариант.

– Совершенно верно. Следовательно остается только второй вывод – срочный заказ из того же Вашингтона, – согласился Коржик.

– Остается только узнать об истинных мотивах окончательно сбрендившего Зеленского, – покрутил носом Афанасьев. – Что он хотел этим продемонстрировать?

– Или что-то прикрыть более важное, – закончил за генерала мысль кавторанг.

– В любом случае, это никак не оправдывает наших пэвэошников, проспавших массированный налет, – недовольно буркнул Валерий Васильевич.

– Да. Но еще больше меня удивляет, уж простите меня, пожалуйста, ваша более чем спокойная реакция на данный инцидент. Ведь, как ни крути, а это явный casus belli, – осторожно заметил Андрей Ильич.

– Не знаю, – поморщился Афанасьев на бестактность своей «тени». – Может я очерствел, находясь на этой должности. А может, просто, уже давненько ожидал нечто подобного. Уж больно пугающее затишье по нашим периметрам наблюдается в последнее время.

На этом их откровенный диалог и прекратился. Всю остальную дорогу они ехали в тягостном молчании.

Когда Афанасьев появился в стенах Национального Центра, то его от самого вестибюля встретила там необычная суета, что, в общем-то, не слишком вязалось с репутацией этого учреждения. Даже стоявшие в охране дежурные офицеры, всегда отличавшиеся неторопливой сосредоточенностью, на этот раз выглядели как-то суетливо и даже растерянно, будто бы получили какое-то тревожное послание и теперь не знают без посторонней помощи, как правильно на него реагировать. «Неужели вся эта нервозность вызвана обстрелом Белгорода?» – с нескрываемым удивлением подумал в первые минуты Валерий Васильевич. Шагая по коридору к своему кабинету, машинально кивая на приветствия встречавшихся генералов с озабоченными лицами и пребывая в размышлениях на эту тему, он еще издали приметил маячившую, среди кучки старших офицеров фигуру Михайлова.

«Ну, хоть что-то сейчас прояснится. А то прям какой-то разговор молчания, ей Богу!» – с облегчением подумал он. Михайлов тоже еще издали заметил своего шефа, косолапящего по красному полотну ковровой дорожки и, дождав-шись, когда тот подойдет достаточно близко, вытянулся во фронт:

– Здравия желаю, товарищ...

– Ладно-ладно, Борисыч, пойдем, доложишь все как есть, – пробурчал Афанасьев, кивнув всем сразу и более не обращая внимания на окружающих старшего адъютанта офицеров.

Войдя в кабинет, брякнулся в кресло и выжидательно уставился на своего верного помощника. Тот стоял смиренно вытянувшись и тоже молчал, видимо ожидая приказа говорить. «Что это с ним сегодня? – подумал Афанасьев. – Обычно трещит без умолку, а тут как будто боится слово молвить».

– По Белгороду есть новые сведения, о которых я еще не успел узнать в дороге? – решил прервать молчание Валерий Васильевич.

– В городе продолжаются очаговые возгорания. По данным местного МЧС по состоянию на 6 часов утра в местные морги доставлены тела более трех сотен погибших, среди которых имеются дети разных возрастов. Ракеты «Точка-У», выпущенные из района Харькова, а теперь в этом нет уже никаких сомнений, били хоть и не прицельно, однако почти все

попали в так называемые «спальные» районы города. Этим и объясняется такое большое количество жертв.

– Сколько было выпущено ракет? – угрюмо поинтересовался диктатор, нервно теребя в руках шариковую авторучку.

– Судя по взрывам – не меньше пятнадцатицати.

– Что докладывает в этой связи командующий ПВО округа? – недобро ощерился диктатор.

– Генерал-майор Саламатин пока еще ничего не докладывал, но сообщил, что прибудет с докладом лично на заседание оперативного штаба, – отвечивал Борис Борисович.

– А, что, он уже знает о формировании оперативного штаба? Даже я пока еще об этом не знаю, а он уже в курсе, – продолжал угрюмо скалиться Афанасьев.

– В таких случаях всегда принято первым делом формировать оперативный штаб, – попробовал погасить вспыхнувший гнев босса Михайлов. – Тем более, что штаб действительно уже начал формироваться.

– Вот как?! – вскинул брови Валерий Васильевич. – Может он уже и решения какие-то принял, пока я, грешный, почивать изволил? Может и руководитель штаба уже имеется? Кто его возглавляет, ты или может наша штатная уборщица тетя Галя?! – начал совершенно напрасно распалаться Афанасьев на ровном месте.

– Штаб возглавил генерал армии Рудов, он как раз сегодня был Ответственным Дежурным по Главному Оператив-

ному Управлению. Вы же сами, товарищ Верховный издали приказ еще два месяца назад об усилении дежурных смен начальниками управлений. Вот, как раз, сегодня Сергею Ивановичу и выпало дежурство, – слегка обиженным тоном сообщил Михайлов.

Афанасьев недовольно посопел, но на этот раз решил попридержать эмоции.

– Он у себя?

– Так, точно. Штаб заседает в левом крыле. Его члены ожидают вашего вызова на доклад, – отчеканил адъютант.

– Добро, – кивнул Афанасьев на рапорт Борисыча. – Однако, судя по суете в коридорах министерства, это не единственная дурная новость, случившаяся сегодня?

– Так, точно, товарищ Верховный.

– Да что ты все заладил, как попугай со своим «так точно»?! – опять начал злиться Валерий Васильевич. – Давай, вываливай мне на голову все, что там еще осталось у тебя в загашнике.

– Тут, в общем, такое дело..., – замялся Михайлов.

– Не мямли, – сморщился, как от кислого Верховный.

– Слушаюсь! – опять вытянул руки по швам адъютант. – Это не единственный инцидент, который произошел сегодня утром. Буквально за двадцать минут до вашего приезда была получена информация о воздушном боестолкновении между нашим звеном перехватчиков и американским АВАК-Сом над Баренцевым морем. Самолет противника ставил ак-

тивные радиопомехи, накрывающие территорию Российской Федерации. После неоднократных предупреждений, сделанных на международной частоте, о пагубности такого недружественного поведения, руководителем нашего звена было принято решение об открытии артиллерийского огня по курсу нарушителя.

– Вот, как? – выгнул бровь Верховный. – Продолжай.

– В ответ на наши предупредительные выстрелы, из кормовых пушек АВАКСа был открыт огонь на поражение одного из наших самолетов.

Михайлов примолк, переводя дух и собираясь с мыслями, чтобы поведать о главном.

– Говори, – процедил сквозь сжатые челюсти Афанасьев.

– В результате попадания наш самолет был сбит. Экипаж смог катапультироваться, но сведений об их дальнейшей судьбе пока не поступало.

– Т-а-а-к, а почему переполох на всех этажах? Неужели из-за этого?

– Никак, нет. Просто по данному инциденту пришло сразу два взаимоисключающих рапорта. Один от начальника штаба 10-й армии ПВО – генерал-майора Пятницкого, а другой от командира базы «Арктический трилистник» – полковника Удалова. Пятницкий утверждает, что Удалов самочинно и вопреки прямому указанию отдал приказ об открытии огня в сторону американца, находящегося в нейтральном воздушном пространстве.

– А Удалов?

– Тот заявляет, что выполнял инструкцию, а свой приказ согласовал с начальником штаба и тот не возражал против этого.

– Удалова знаю лично, он врать не будет, – заметил Афанасьев. – Только вот не пойму, в чем переполох? Американцы безобразно себя ведут на пороге нашего дома. А то, что они посмели сбить наш самолет это еще одна монетка в копилку нашей мести. Будем надеяться, что местное командование предпримет все усилия по спасению экипажа. Но ведь не из-за этого все стоят на ушах?! Или я что-то упустил? У истории имеется продолжение?

– Так, точно. Имеется, – понурил голову Борисыч.

– Говори, – прошелестел побелевшими губами Афанасьев.

– В ответ на поражение нашего перехватчика, командир базы приказал второму экипажу сбить АВАКС, – опустил очи долу Михайлов.

– И? – в нетерпении заерзал в кресле диктатор.

– Экипаж второго перехватчика выполнил приказ и расстрелял «гриб» из бортовых пушек. Самолет упал в море, где-то в пятистах километрах от Новой Земли. Выжить, естественно, никому не удалось. Это вся информация, которой мы располагаем на данный момент.

– Не вся, – послышалось от двери.

На пороге стоял командующий силами ПВО-ПРО – гене-

рал-лейтенант Юрий Николаевич Греков.

– Извините, что без доклада, – начал от порога главный пэвэошник страны, – просто в приемной кроме носителя «ядрёного чемоданчика» никого не было. Вот я и ворвался.

– Утро перестает быть томным, – процедил диктатор в ожидании новых неприятностей. – Докладывайте, Юрий Николаевич.

– Валерий Васильевич, вам лучше пройти в Ситуационный Зал, – четко и твердо произнес Греков. – Там вы получите всю исчерпывающую информацию в развернутом объеме, нежели из отдельных докладов. Ситуация вышла далеко за рамки банального столкновения не поделивших воздушное пространство соперников.

– Хорошо, – поднялся со своего кресла Валерий Васильевич, – будь, по-вашему. Идемте.

Через пять минут они уже расположились в «амфитеатре» Ситуационного Зала». Здесь уже собрались все высшие представители российского генералитета. Коротко поздоровавшись с Рудовым, Верховный занял свое место. Дождавшись, когда все усядутся, руководитель дежурной смены, вооружившись лазерной указкой, вышел на авансцену, где за его спиной на широком экране возникла интерактивная карта территории окружавшей Баренцево море. Дождавшись кивка от Верховного, разрешающего говорить, генерал начал свой доклад.

– В 3 часа 01 минуту в зоне опознавания арктической

базы «Трилистник» был зафиксирован пролет штатовского АВАКСа двигавшегося курсом 270° . В 4 часа 36 минут он, не выходя из зоны сопровождения, резко изменил курс и стал двигаться по направлению к архипелагу Новая Земля. Не входя в воздушное пространство Российской Федерации, и находясь в квадрате 35-11, принялся совершать петлеобразные маневры, что свидетельствовало о патрулировании им зоны, непосредственно примыкающей к архипелагу Новая Земля. В 4 часа 55 минут командующим базы – полковником Удаловым была предпринята попытка связаться с Рогачево для возможной координации действий по пресечению проникновения АВАКСа в наше воздушное пространство. Попытка не увенчалась успехом. База на запросы не отвечала. Одновременно с этим системами мониторинга начала фиксироваться активная постановка АВАКСом радиопомех, мешающих связи, как с Рогачево, так и с базой Белушья, что расположена в 25-ти километрах от нее к северу. В это же время, командир СПРН, расположенной в Оленегорске доложил о прекращении связи с аналогичной станцией в Белушьей. Национальный Центр обороны так же предпринял попытку связаться с Белушьей, которая не принесла результатов. Одновременно с этим, а именно в 4ч. 45мин. по московскому времени станциями обнаружения, находящимися на Кольском полуострове был зафиксирован взлет американского ракетносца Б-52 м норвежской базы в Тромсе с последующим курсом в тот же район 35-11. Командир базы,

на основании имеющихся данных и следуя инструкции, поднял в воздух дежурное звено МиГ-31БН. После неоднократных и безуспешных попыток головного экипажа связаться с АВАКСом на международной частоте и предупредить того о пагубности совершаемых им действий, Удаловым была дана команда на открытие предупредительного огня по курсу движения «воздушного хулигана». В своем докладе Командованию ПВО-ПРО он сослался на косвенное согласие со своими действиями начальника штаба 10-й армии. Магнитофонная запись беседы прилагается к рапорту. Начальник штаба 10-й армии в своем рапорте доложил о прямом запрете производить какие-либо активные действия в отношении АВАКСа. В 5ч.40мин. один из перехватчиков произвел предупредительные выстрелы из бортовой пушки по курсу АВАКСа, и тут же, без всякого предупреждения был обстрелян из пушки АВАКСа, расположенной в корме самолета. В результате прямых попаданий в двигатель, самолет получил критические повреждения и не смог продолжить полет. Экипаж аварийно катапультировался. На данный момент времени у нас имеются сведения, что экипаж благополучно приводнился и был подобран спасательными службами Северного Флота. Состояние экипажа – удовлетворительное. В ответ на это полковник Удалов принял решение об уничтожении вражеского самолета. Второй экипаж звена в 5ч.45мин. выполнил приказ и расстрелял неприятеля из бортовой пушки. После уничтожения самолета, ставившего помехи нашей

связи выяснилась следующая картина. В 5ч.00мин. при поддержке самолета АВАКС большая группа диверсантов, используя малозаметное судно под названием «Морской Конек», а также атомной подводной лодки «Джимми Картер», высадилась в районе Белушьей. Часть десанта была направлена на уничтожение СПРН, а часть на уничтожение секретного объекта, расположенного на территории бывшего ядерного полигона. В результате нападения имели место многочисленные жертвы, как со стороны военнослужащих, несущих охрану объекта, так и со стороны гражданского персонала базы, полностью уничтожена инфраструктура местного аэродрома, персонал которого, по всей видимости, тоже уничтожен. Нарушена работа взлетной полосы. Несмотря на громадные потери с нашей стороны, диверсантам не удалось уничтожить объект, находящийся глубоко под землей. Благодаря умелым действиям командира базы полковника Виттеля, командира СПРН полковника Вершигоры, а также начальника внутренней охраны объекта майора Гусарова, десант был полностью уничтожен. Семеро из оставшихся в живых нападавших, включая предводителя, взяты в плен. Кроме того, были уничтожены плавсредства доставившие диверсантов к месту событий. Десантное судно было уничтожено защитными средствами СПРН, а подводная лодка было уничтожена с помощью установки, проходящей серию государственных испытаний, что лишний раз доказало ее эффективность и правильность принятия в опытную эксплуатацию.

Получив такие сведения после восстановления связи с базой, полковник Удалов, видя, что стратегический ракетоносец Б-52 ложится на боевой курс для уничтожения улик пребывания на базе диверсионной группы, принял решение о его перехвате оставшимся в строю самолетом. Однако перехватить его сразу не удалось. Ровно в 6ч.00мин. Б-52 выпустил крылатую ракету, снабженную ядерной боеголовкой в сторону Новой Земли. Не надеясь на то, что зенитный дивизион, расположенный в Рогачево сможет перехватить низколетящую цель, командир МиГ-31—майор Дружинин принимает решение сначала перехватить выпущенную ракету, а затем и сам вражеский самолет. Крылатая ракета была перехвачена в 6ч.03мин., а сам самолет уничтожен второй, оставшейся в распоряжении перехватчика ракетой в 6ч.06мин. После поражения крылатой ракеты и самолета, выпустившего ее, наш МиГ-31БН успешно вернулся на базу. Теперь, что касается ракетного обстрела Белгорода с прилегающей территории...

– Я думаю, что эту часть доклада можно опустить, – раздался басок Афанасьева с амфитеатра. – И дежурная смена, и оперативный штаб, – тут он кивнул в сторону сидящего рядом Рудова, – и я в том числе, уже достаточно информированы на данный момент. Поэтому не стоит к этому возвращаться. Ситуацию по Белгороду мы обсудим с членами штаба в более развернутом режиме. А сейчас вы доложите, в связи с инцидентом на Севере, отмечена ли какая-либо ак-

тивность СЯС нашего уже не эвентуального, а самого, что ни на есть реального врага?

– Никак, нет, товарищ Верховный! Каких бы то ни было активных действий, указывающих на приготовление массивного или ограниченного ядерного удара, не наблюдается, согласно данным объективного контроля, – четко отрапортовал дежурный генерал.

– Вот с этого и надо было начинать, а то, понимаешь, развели суету на пустом месте и меня, старого, с панталыку сбили. Ну, утопили пиндосовскую подлодку в наших терводах, так и что с того? – развел руками Афанасьев, не обращая внимания на то, с каким неподдельным изумлением смотрят на него подчиненные. – Так, у вас все? Больше новостей нет?

– Никак, нет. Доклад окончил начальник дежурной смены – генерал-майор Бахметьев.

– Товарищ генерал, я надеюсь, что новости, связанные с инцидентом в районе архипелага Новая Земля, а также в небе над Баренцевым морем, не просочатся в ежедневный пресс-релиз Министерства обороны, – произнес Афанасьев, окатив Бахметьева многозначительным взглядом.

– Слушаюсь, товарищ Верховный! – едва не шелкнул каблуками генерал, демонстрируя служебное рвение.

И чтобы хоть как-то пояснить свое решение относительно замалчивания сведений о бойне на островах, Афанасьев добавил:

– Что-то мне подсказывает, что вокруг этого инцидента

еще будет немало дипломатических плясок, поэтому не стоит давать нашим врагам лишних знаний о нашей информированности.

– Так, точно! – опять взбрыкнул генерал-майор.

– Тогда озаботьтесь, – обратился Валерий Васильевич к нему, – чтобы все свободные плавсредства, находящиеся в районе Баренцева моря направились к Новой Земле с целью оказания всесторонней помощи местным. Из доклада стало понятно, что возможности местного аэродрома по приему тяжелых бортов полностью отсутствуют. Поэтому необходимо срочно организовать силами «малой авиации» переброску квалифицированных специалистов с материка для налаживания диспетчерской службы. А пока, сделайте запрос местным, в чем они срочно нуждаются, и обеспечьте им все необходимое посредством сбросов парашютами. В деталях этого инцидента мы еще будем досконально разбираться, чтобы наградить всех непричастных и наказать всех виновных, – закончил диктатор подводить итоги неумелой шуткой.

С этими словами он встал с кресла и уже обратился к Рудову:

– Сергей Иванович, пройдемте к вам в оперативный штаб, где сможем еще раз оценить все детали утренних событий.

– Да, конечно, идемте, – встал в свою очередь с кресла Начальник Главного Оперативного Управления.

– Борис Борисыч, – обратился Афанасьев уже к своему

адъютанту, – оповести всех членов Высшего Военного Совета о внеочередном заседании, назначенном на 14.00. Сегодня, разумеется.

– Есть, оповестить, – козырнул тот.

Уже на выходе из Ситуационного Зала, Афанасьев, подойдя к Коржику тихонько произнес:

– А ты, Андрей Ильич, оказался прав, когда предположил, что прилет в Белгород – всего лишь удобная ширма, чтобы отвлечь нас от того, что творилось на Севере.

– К сожалению, не ошибся, – слегка развел тот руками в ответ.

– Не думал еще перейти в аналитический отдел? Чай, хватит уже таскать за мной этот чемоданишко?

– Что, надоел уже?! – притворно шмыгнул носом кавторанг.

– Не то говоришь, Андрей Ильич, – нахмурился диктатор. – О твоём ведь карьерном росте забочусь. Тут тебе во век повышения в звании не заслужить. Подумай.

– Есть, подумать, – приложил тот к козырьку свободную руку.

Пока шли длинными коридорами в левое крыло здания, где находился оперативный штаб, между ним и Рудовым состоялся разговор не для посторонних ушей.

– Ты меня, конечно, прости, Валера, но я удивляюсь тебе, – дернул за рукав Афанасьева Сергей Иванович, чтобы тот слегка притормозил.

– И что тебя во мне так удивляет? – чуть сбавил шаг Верховный.

– Еще недели не прошло, как ты бурно реагировал на то, как погано обошлись телевизионщики с больными детьми, а сегодня в Белгороде погибло столько народу, и ты так поразительно спокоен. Как это понимать?

– Ты, кстати, не первый, кто это подметил. Сам не знаю, Сережа, – пожал на ходу плечами Валерий Васильевич. – То ли очерствел за эту неделю, то ли просто еще не до конца осознал масштаб человеческих жертв, что в Белгороде, что в Белушьей. Одно могу сказать твердо, в отношении Украины, я все это время ожидал нечто подобного. Просто не думал, что они решатся на прямое столкновение. Я искренне полагал, что они опять затеют возню с Донецком, да и то, не раньше ноября. А тут, видишь, «старшие товарищи» из Вашингтонского обкома надоумили их на такую самоубийственную авантюру.

– Точно ли самоубийственную? – решил уточнить Сергей Иванович.

– Можешь в этом не сомневаться, – кивнул на ходу Афанасьев.

– Ну, хорошо, а как ты объяснишь свое умопомрачительное спокойствие по поводу ЧП на Севере? Ведь мы, сейчас находимся всего лишь в паре шагов от ядерного Апокалипсиса.

– Не преувеличивай так сильно, Сережа, – поморщился

Афанасьев. – Случись нечто подобное еще пару месяцев назад, и я бы согласился с твоей оценкой происходящего. Но сейчас подобное развитие событий выглядит нереальным.

– Поясни.

– То, что сегодня произошло, было последней и отчаянной попыткой, хоть как-то затормозить нас на пути возрождения и возвращения к былому могуществу. Именно поэтому они и захотели прикрыться хохлами, чтобы в случае чего, отвлечь внимание мировой общественности к своему хулиганству. Я, в общем-то, уверен, что они на это решились, даже не уведомив своего президента. Ты пойми, если бы у них были действительные намерения раз и навсегда покончить с нами, то, они рискнули бы все это провернуть без оглядки на общественность. А сейчас, получив по носу, они просто затихарятся, ибо убедились в серьезности наших намерений. Сегодня мы запросто утопили их подлодку, а завтра, чем черт не шутит, можем решиться и еще на более дерзкий ответ.

– Думаешь?

– Уверен. Они убедились в том, что установка есть, и она отлично функционирует. И уж будь уверен, они смогли наверняка пронюхать об истинной ее мощи. Так что, они сейчас будут долго и нудно отходить от шока и переваривать полученную информацию, прикидывая, нельзя ли как-нибудь обмануть русских, раз уж не получилось их победить.

– Но ты же прекрасно знаешь, что они не оставят попы-

ток уничтожить нас тем или иным способом. А затаившийся враг, всегда опасней явного, – попробовал Рудов парировать слова Афанасьева.

– Согласен с тобой. Сейчас они находятся в глубоком нокдауне. И в ближайшее время нам нечего опасаться, потому что они еще некоторое время будут пребывать в неведении относительно нашего истинного военного потенциала. И нам надо, как можно эффективней использовать образовавшуюся паузу для наращивания нашей мускулатуры. Но вот чего я по настоящему боюсь, так это того, что они от методов прямой конфронтации перейдут к скрытым, надеюсь, прежде всего, взорвать нас изнутри. И это меня беспокоит больше всего, потому что к такому развитию, мы до сих пор не готовы, хоть и можем предвидеть. В любом случае прощупывать обстановку они примутся немедленно. А, значит, звонка от Трампа надо ожидать в ближайшее время.

– И все-таки, откуда ты черпаешь такое спартанское спокойствие? – не унимался Рудов.

– Не обижайся, Сережа, но дело в том, что ты мыслишь категориями сегодняшнего дня, а я категориями футуристического, пока еще для многих, будущего.

– Ты имеешь в виду машину времени? – сразу догадался друг и соратник.

– Тсс, – приложил палец к губам Афанасьев, подмигивая ему. – Пока рано, что либо, планировать. Все это еще очень сыро и находится в стадии не оформившихся в конкретику

размышлений. Однако я постоянно тереблю нашу бабушку в плане увеличения интенсивности работ по изготовлению действующего образца. Она уже жалуется, что я постоянно снюсь ей в кошмарных снах.

– Когда она обещает подготовить к демонстрации первый действующий образец? – полюбопытствовал Сергей Иванович.

– К концу месяца обещает все закончить.

III.

Там же

Когда они вошли в зал, отведенный под оперативный штаб реагирования на утренние события, там уже находилось довольно много народу. Военные и штатские чины сгрудились возле интерактивной карты, расположенной на стене и о чем-то довольно громко переговаривались друг с другом. Результатом этих громких разговоров была интенсивная работа секретариата штаба, беспрерывно куда-то звонящего и принимающего звонки с огромного количества телефонов, собранных на отдельном столе. В общем, обстановка была довольно шумная, как и полагается в любом штабе, работающем в авральном режиме. Среди генеральских мундиров, резко и на контрасте бросался в глаза строгий черный костюм руководителя МЧС – Вениамина Андреевича Нечипоренко, считавшего свою должность сугубо гражданской, в

отличие от своего предшественника. С генералами Афанасьев поздоровался, отделавшись общим кивком, а с Нечипоренко поздоровался за руку, как бы считая того, не просто почетным гостем в этих стенах, но и персоной, заслуживающей внимания более остальных. И для этого были все основания. Приняв пост министра по ЧС в результате стечения печальных обстоятельств унесших жизнь его прежнего начальника, Нечипоренко за эти два с небольшим месяца уже сумел проявить себя в качестве умелого руководителя, знающего свое дело специалиста, не прыгающего выше своей головы и лишённого политических амбиций. Впрочем, как успел приглядеться Афанасьев, в гражданском был не только министр. Было еще несколько незнакомых ему лиц, облаченных в гражданское.

– Ну, что же товарищи, – обратился сразу ко всем Афанасьев, – в общий курс дела обо всем случившемся, меня уже ввели, поэтому осталось только прояснить некоторые детали, дабы учесть горький опыт на будущее. Вениамин Андреевич, – обратился он к министру, – у вас имеется какая-нибудь дополнительная информация по трагедии в Белгороде, кроме той, что я получил из оперативной сводки дежурного по Центру десять минут назад?

– Информация постоянно обновляется, – кивнул тот в сторону груды, то и дело дребезжащих, телефонов.

– Давайте из последнего, – попросил Афанасьев, умахиваясь на один из стульев, расположенных по кругу стола.

– Количество жертв от нанесенного массированного удара постоянно растет. На эту минуту только зарегистрированных трупов жителей насчитывается двести восемнадцать, включая тридцать четыре ребенка. Некоторые трупы очень сложно идентифицировать, так как они сильно обгорели. Вражеская сторона, – тут он слегка запнулся, – если мне будет позволено так выразиться...

– Так оно и есть, Вениамин Андреевич. И нечего этого стесняться, – опередил, как всегда диктатора Рудов.

– Да, так вот, – продолжил Нечипоренко, – вражеская сторона, по предварительным данным экспертов, в качестве начинки боезарядов применила «белый фосфор», запрещенный всеми конвенциями к применению против мирного населения. Отсюда такое большое количество обгорелых до неузнаваемости людей. В городе продолжаются пожары разной степени интенсивности. Количество тяжелораненых, составляет семьдесят четыре человека. Получивших ранение средней и меньшей тяжести пока насчитывается около двухсот пятидесяти. Много людей остаются под завалами рухнувших зданий в исторической части города, застроенной преимущественно деревянными зданиями. Так что, количество жертв будет только расти, к сожалению.

– Что предпринимаете по своей линии? – поинтересовался Афанасьев.

– Первые наши части прибыли к местам поражений уже через три с половиной минуты. Однако в первое время ни-

чего не могли сделать, так как тушение пожаров, вызванных «белым фосфором» требует специальных реагентов. Но, несмотря на это наши сотрудники принялись разбирать горящие завалы даже при угрозе собственной жизни. Нужные реагенты, спасибо за оперативное содействие Игорю Анатольевичу, – кивнул министр в сторону генерал-лейтенанта Кириллина, командующего войсками РХБЗ, – прибыли к месту трагедии уже спустя сорок минут.

Афанасьев с нескрываемым чувством благодарности поглядел на хмурого Кириллина. А министр, тем временем продолжал:

– В город направлены все силы МЧС, находящиеся, как, непосредственно в области, так и с соседних территорий. Получив сообщение о случившемся, мы немедленно организовали четыре самолета, имеющиеся в распоряжении столичного отдела МЧС, специально приспособленные для обработки и реанимации пострадавших от ожогов. Через час они уже были на месте. С ними прибыли дополнительные бригады спасателей с собаками, для розыска людей оставшихся под обломками. Кроме этого мы снарядили три летающих госпиталя и укомплектовали их высококвалифицированными специалистами. Эти самолеты уже тоже приземлились сорок минут назад на белгородский аэродром. Зная, что при ожогах, требуется большое количество крови, мы обратились в Московский Центр крови имени О.К. Гаврилова о срочном выделении больших объемов из их запасов, вклю-

чая редкие группы и ресурсы. Самолетом Ан-124, любезно предоставленным нам командующим Военно-транспортной авиацией, – кивнул Нечипоренко в сторону скромно стоящего где-то сбоку генерал-лейтенанта Венедиктова, – кровь уже загружена и он вот-вот взлетит из Кубинки.

– Спасибо вам, Валентин Георгиевич, за проявленную оперативность, – с чувством произнес Афанасьев, чем ввел в краску тут же засмутившегося авиационного генерала.

– В ближайшее время нам остро понадобятся специальные кислородные барокамеры для интенсивной терапии, но, к сожалению, они все довольно громоздки и уже интегрированы в Ожоговые Центры. Мобильных барокамер наша промышленность до недавних пор не выпускала вообще. А из выпущенных промышленностью барокамер, имеется всего две, и они уже нами задействованы. Ума не приложу, что с этим делать, – беспомощно развел руками Нечипоренко.

– С Юрьевым, я, конечно, обязательно поговорю, сегодня на Совете об этой проблеме, чтобы он поторопил наших неповоротливых промышленников. Но сами понимаете, что это дело весьма далекой перспективы. А сейчас могу только посоветовать банальное использование мобильных барокамер для транспортировки особо тяжелых раненых в столичные больницы, специализирующиеся на подобных травмах – со вздохом произнес Валерий Васильевич. – Но продолжайте.

– Местным отделением МЧС предпринимаются меры по

временному размещению в палаточных лагерях всех потерявших жилье. Палаточные лагеря укомплектованы полевыми кухнями, – продолжал Нечипоренко. – Мы вот, привлекли Романа Захаровича из Госрезерва, и он обещал нам снабдить из имеющихся стратегических запасов всех пострадавших предметами первой необходимости.

По тому, как закивал на эти слова министра еще один одетый не в военную форму, Афанасьев понял, что это, видимо, и есть тот самый Роман Захарович.

– Не забывайте, что это вам не Таити, – шмыгнув носом диктатор, – оглянуться не успеете, как начнутся дожди и холода. Надо продумать, куда девать погорельцев.

Представитель Госрезерва сделал шаг вперед и, откашлявшись, произнес:

– Товарищ Верховный, мы только что обсуждали эту тему, поэтому разрешите мне прояснить ситуацию по данному вопросу?

– Прошу, – кивнул Афанасьев.

– Палатки, которые мы сейчас разворачиваем для временного размещения пострадавших, относятся к «арктическому» классу. Им не страшны, ни дождь, ни снег. Они способны поддерживать внутри себя температуру +20 градусов, даже если снаружи похолодает до -45. И естественно, что мы отдаем себе отчет, что это всего лишь временная и вынужденная мера. И способы решения данной проблемы у нас тоже имеются.

– Хмм, поведайте, – слегка добавил в голос сомнений Валерий Васильевич.

– У нас имеется сразу несколько вариантов решения данной проблемы. Во-первых, в хранилищах Госрезерва имеется на сегодняшний день, более двух тысяч комплектов сборных домов.

– Это тех, что разваливаются уже через пару-тройку месяцев? – съязвил Афанасьев, припоминая сочинскую трагедию, когда после наводнения тысячи людей остались без крова.

– Мы учли прошлый печальный опыт, поэтому в новую модель сборного дома внесли необходимые изменения, усиливающие все элементы конструкции. Недавние испытания подтвердили надежность новой модели сборного дома. В самое ближайшее время мы готовы отгрузить все имеющиеся в нашем распоряжении комплекты.

– Какова скорость постройки таких домов? – спросил Рудов, никогда не любивший отмалчиваться и считавший себя специалистом буквально во всех отраслях, начиная от строительства атомных реакторов и заканчивая способами грудного вскармливания младенцев.

– Одна бригада из семи человек возводит дом за один световой день. Мы готовы сформировать сразу пятнадцать таких бригад, – не полез за словом в карман Роман Захарович.

– Вы упомянули несколько вариантов решения жилищной проблемы, – напомнил с места Афанасьев.

– Да, – опять взял слово Нечипоренко. – Вторым вариантом являются жилищные сертификаты. Про них вам лучше расскажет Евгений Викторович – представитель Минфина.

Их толпы военных протолкался еще один гражданский.

– Загорский, заместитель министра финансов, – представился он. – Коллега, верно, подметил, – взял он сразу с места в карьер, – насчет жилищных сертификатов. Они уже не раз подтвердили эффективность своего существования. Просто я хотел добавить к этому то, что мы вышли с инициативой распространить действие подобных сертификатов не только в отношении строящегося и муниципального жилья, но и жилья приобретаемом на вторичном рынке. Это гораздо более упростит их обращение и освободит от забюрокративания процедуры оплаты. Естественно, министерство финансов принимает на себя гарантирование оплаты жилья на вторичном рынке, в рамках кадастровой стоимости и с учетом средневзвешенных цен по региону оплаты.

– Это хорошее дело, – скупно улыбнулся Афанасьев, – но этого все-таки мало для компенсации пострадавшим. Какие еще меры вы предусмотрели в этом плане? Ведь люди потеряли не только жилье, но и родных, а также имущество.

– Все верно, – согласился минфиновец. – Мы уже у себя в ведомстве приняли решение о выплатах всем семьям, в которых кто-то погиб. Такие выплаты предусмотрены в размере трех миллионов за каждого погибшего и полутора миллионов за каждого тяжелораненого. Само собой разумеется,

что все мероприятия по реабилитации раненых тоже будет за счет выделенных на это средств. Кроме того нами сейчас в «пожарном» порядке, простите за дурной каламбур, разрабатывается схема по компенсации за утерянное имущество, невзирая на то, застраховано оно или нет. Причем эта компенсация не должна отменять саму страховку, при ее наличии. Но в целом, мы считаем, что выплаты должны составить сумму не меньше полутора миллионов.

– Неплохо, – удовлетворенно кивнул Верховный.

– Конечно, неплохо, – опять же подхватил «эстафетную палочку» министр по ЧС, – если учесть, что стоимость жилья в Белгородской области едва ли не на порядок ниже московской. К тому же мы собираемся привлечь волонтерское движение к сбору средств, для пострадавших. Какая-никакая, я лишняя копейка в кармане никогда не помешает.

– Олигархов порастрасти малость не мешало бы, – снова встрял Рудов.

– Это дело мы, пожалуй, поручим нашему милейшему и скромнейшему Николаю Палычу, – широко улыбнулся впервые за всю беседу Афанасьев. – Поразительно, но попав к нему в кабинет, они сами, причем без всякого понукания со стороны, готовы поделиться с народом последней рубашкой.

– Которую они до этого и сняли с того же самого народа, – буркнул Сергей Иванович.

– Хорошо, – подвел итог беседы Верховный. – Я доволен проявленной вами оперативностью реагирования на форс-

мажорные обстоятельства и предложенными вами методами решения возникших проблем. Поэтому считаю совершенно излишним мое личное вмешательство в работу оперативно-го штаба, умело организованного товарищем Рудовым, за что ему отдельная благодарность. Однако мне бы хотелось лицеизреть главного виновника нашей с вами встречи.

– Вы имеете в виду генерал-майора Саламатина – командующего ПВО Западного Военного округа? – решил уточнить Рудов.

– Вот именно, – кивнул диктатор, нехорошо улыбаясь.

Рудов мельком глянул на циферблат своих наручных часов:

– По моим прикидкам он должен быть уже здесь.

– Борис Борисыч, – позвал Афанасьев Михайлова, который без лишних слов стремглав скрылся за дверями, мгновенно сообразив, что от него требуется.

Уже через десять секунд ворвался пушечным ядром назад со словами:

– Генерал-майор Саламатин просит разрешения войти.

– Ишь, скромник какой?! – насупился Валерий Васильевич. – Ну-ну, пусть войдет. А уж выйдет отсюда сам или его вынесут, это мы сейчас и решим.

Понурившийся Саламатин предстал пред грозные начальственные очи уже через пять секунд. Мундир на нем был измят и сидел, как будто был снят с чужого плеча, да и сам вид генерала – небритый и потасканный, вызывал стойкое чув-

ство из смеси жалости и брезгливости. Отдав, как и положено, честь представителям высшего генералитета в виде Афанасьева и Рудова, он не стал ничего говорить в свое оправдание, как ожидалось. Вместо этого он молча замер, тревожно бегая глазками из под козырька нахлобученной фуражки по лицам присутствующих, пытаясь по их выражениям предугадать свою дальнейшую судьбу. Первым нарушил тягостное молчание сам Афанасьев, начавший говорить ровным и не предвещающим бури голосом:

– Генерал Саламатин, – не стал величать его по имени отчеству Верховный, – вы помните, как мы с вами беседовали по видеосвязи на следующий день после донецких событий?

– Так точно! – подтвердил пэвэошник, опять прикладывая ладонь к козырьку.

– И что вы помните? – начал терзать его Верховный.

– Все помню, товарищ Глава Высшего Военного Совета, – продолжал Саламатин играть в исполнительного, но глуповатого служаку.

– А конкретней? – не унимался Афанасьев, слегка повысив раздраженный тон голоса.

Саламатин замялся, а его глазки забегали пуще прежнего.

– Вы говорили о повышении бдительности в связи с возможными ответными провокациями с сопредельной стороны, – проблеял он, как овца, отданная на заклание.

– Верно, – согласился, кивая, Валерий Васильевич. – И еще я велел обратить особое внимание на охрану жизнен-

но-важных объектов и мест проживания большого количества людей.

– Совершенно верно, товарищ Верховный, – опять принялся козырять проштрафившийся генерал, чем привел Афанасьева в крайнюю степень раздражения.

– Так за каким дьяволом я вам все это говорил, если у вас в одно ухо влетело, а в другое вылетело?! Проспали налет, сукины дети?! – взвился до небес на последней фразе Верховный.

– Никак нет! Не проспали, товарищ Верховный! – начал оправдываться командующий ПВО Западного Округа.

– А куда тогда смотрели ваши zenки, когда ракеты посыпались на город?! А?! – побелел от бешенства Афанасьев.

– Наши средства наблюдения отслеживали цели от самого их старта и на всем протяжении траектории, – дрожащим то ли от гнева, то ли от обиды голосом генерал-майор.

– То есть, как это отслеживали?! – вмешался Рудов. – Из чувства любопытства, что ли?!

– Никак, нет.

– Тогда почему, черт возьми, не стреляли?! – опять перехватил инициативу Афанасьев.

– Потому что не имели такой возможности, – в очередной раз навел тень на плетень зенитчик.

Афанасьев с Рудовым переглянулись, туго соображая, кто тут, собственно говоря, дурак, а кто им только претворяется.

– Вы отдаете отчет своим словам? – наконец после заты-

нувшейся паузы пришел в себя диктатор.

– Вполне.

– Поясните! – чуть не в один голос гаркнули Рудов с Афанасьевым.

– Всевысотный обнаружитель «Небо-У» сразу же засекает множественный старт ракет, осуществленный с сопредельной стороны. Данные, подтверждающие обнаружение целей записаны на устройства в соответствие с регламентом, – принялся пояснять Саламатин, сняв, наконец, свою фуражку и теребя ее в потных ладонях. – Массированный старт ракет произведен из поселка Мороховец, что находится менее чем в трех километрах от украинской границы. По прямой от Мороховца до Белгорода – двадцать девять километров. Маршевая скорость ракеты 9К79-1 составляет 1100 метров в секунду, что соответствует трем скоростям звука. Таким образом, время полета до цели составляет всего 27 секунд. С момента начала процесса фиксирования пуска, опознавание цели на предмет «свой-чужой», пока отдавалась команда на запуск противоракет, прошло 29 секунд, поэтому сделать что-то уже было поздно. Не хватило двух секунд, как минимум, для осуществления перехвата.

Афанасьев устремил свой вопросительный взгляд на Рудова, как будто тот был ходячим справочником по ТТХ всех образцов вооружения, и тот, поймав на себе немой вопрос, молча и нехотя кивнул, подтверждая правоту слов Саламатина. И хотя Сергей Иванович удостоверил правоту зенит-

чика, сам же не перестал к нему цепляться.

– И? – выгнул он вопросительно бровь.

– И я отдал приказ на отмену пуска, так как в нем уже не было никакой практической надобности.

– Самолично? – принялся уточнять Рудов, буравя взглядом, взмокшего от пота Саламатина.

Генерал замялся, но промолчал.

Но Рудов уже вцепился в него бульдожьей хваткой.

– В пять часов утра, вы, значит, лично находились на командном пункте? – в каждом зрачке Начальника Главного Оперативного Управления можно было без труда разглядеть по одному капитану СМЕРШа.

– Так точно, – повесил голову главный зенитчик округа.

– Чем вы объясняете запоздалую реакцию системы на масированный прилет вражеских ракет? – начал немного остывать Афанасьев после первого приступа бешенства.

– Несовершенством человеческой составляющей интегрированной в зенитный комплекс, – вскинул голову генерал-майор.

– То есть? – уставился непонимающим взглядом Афанасьев на кругом виноватого генерала.

– На вооружении нашего округа до сих пор стоят ЗРК С-300В4. Комплекс, в целом, неплохой. И по дальности действия и по скорости противоракет. Но он все-таки уступает С-400. Скорость его реагирования по эксплуатационному паспорту составляет тридцать одну с половиной секунду.

Судя по данным объективного контроля, мы и так превысили этот норматив на две с половиной секунды. А у С-400 по паспорту скорость реакции – одиннадцать секунд, к тому же он действует в автоматическом режиме. Нам уже два года обещают поставить С-400, но все время откладывают этот процесс, ссылаясь на затыкание брешей с более опасных направлений: то Севастополь, то Сирия, то КНДР.

Последняя фраза была явным вызовом обоим членам Президиума Высшего Военного Совета.

– Все, что удалось выцарапать за все эти годы, так это все тот же всевысотный обнаружитель, да и то, дали «Небо-У», вместо запрашиваемого «Ниобия», – закончил свою оправдательную речь Саламатин.

Афанасьеву нечем было ответить на слова зенитчика, но не таков был въедливый Сергей Иванович.

– Хорошо. Предположим, что все так и было, как вы говорите, – сделал он вид, что соглашается с доводами обороняющейся стороны. – Но тогда объясните, почему в дело не вступили ракетные комплексы ближнего боя, такие, как, например, «Тор-М2» или «Панцирь» в своей последней модификации? Их система обнаружения вполне себе могла обнаружить пуски ракет с такой дистанции. Или скажете, что и этих комплексов у вас не было в наличии? – нехорошо прищурился он, даже не скрывая едкой усмешки.

– Комплексы есть, – не стал отпираться генерал. – Операторов только нет. Вернее, будет сказано, есть, но в количе-

стве почти, что вдвое меньшим, чем положено по нормативу. Люди и так валяются с ног, сидя за пультами по 15-16 часов. Да и время реагирования автоматики у этих установок сопоставимо с той, что обслуживает С-300В4.

– И с чем же связана такая катастрофическая нехватка персонала? – опять вступил в допрос Верховный.

– Известно с чем. С ковидом, будь он неладен, – развел руками допрашиваемый. – Все гарнизонные госпиталя забиты под завязку. И тут не спасают ни маски, ни ограничения в общении. Мы и так уж перевели их на казарменное положение и выселили буквально в поле, огородив со всех сторон, да вот только все без толку. Природу, видать, никаким каким не объедешь, – заключил он, опять беспомощно разводя руки.

– И какие же шаги вы предприняли в целях исправления ситуации? – угрюмо продолжал интересоваться Рудов.

– А какие я должен был предпринять? – ответил вопросом на вопрос генерал. – Я операторов установок не рожая и не клонирую.

– И все-таки? – настаивал Сергей Иванович.

– Я неоднократно посылал рапорты на имя Командующего войсками ПВО-ПРО Грекова об острой нехватке кадров на наших передовых рубежах.

– А он, что? – вновь включился в карусель Афанасьев.

– Известно, что, – опять пожал плечами Саламатин. – «У всех так» – говорит.

Никто из присутствовавших в этой комнате военных и гражданских чинов не посмели принять участие в этой тягостной дискуссии, старательно делая вид, что крайне заняты выработкой стратегией по спасению населения. Но их напряженные позы говорили том, что свои ушки на макушке они держали четко по направлению. Телефоны не переставали разрываться, и сидящие за ними операторы, то и дело подходили к членам штаба, чтобы доложить об изменениях в обстановке.

– Борис Борисыч! – позвал Афанасьев своего старшего адъютанта. – Свяжись по внутренней связи с Грековым, он, по-моему, все еще в Ситуационном Зале.

– Есть, связаться! – браво козырнул полковник.

Пока Михайлов связывался с Грековым по одному из телефонных аппаратов, расставленных на столе, а обвиняемый, как минимум, в халатности, генерал Саламатин продолжал стоять, исходя потом, Рудов с Афанасьевым, в уме, уже вынесли вердикт по делу, даже не сговариваясь.

– Генерал-лейтенант Греков на проводе! – доложил Михайлов, протягивая беспроводную трубку Верховному.

– Юрий Николаевич, приветствую тебя еще раз, – пророкотал в трубку Афанасьев. – Саламатин обращался к тебе с рапортами об усилении кадрового состава своего округа?

Функция «громкой речи» была включена, поэтому и Рудов, и те, кто стоял от них не так далеко, прекрасно могли слышать все слова диалога.

– Обращался, товарищ Верховный. Было такое. Скрывать не стану.

– И как ты отреагировал на его запросы?

– А как я мог отреагировать? У меня самого, половина штабных по госпиталям валяется.

– Ясно. Ну а почему тогда, вместо полной комплектации Западного округа системами С-400, вы, там, в штабе ограничились только всевысотным обнаружителем?

– Товарищ Верховный, я понимаю, куда вы клоните. Но у меня нет волшебной палочки, чтобы растиражировать поступающие на вооружения новейшие системы. Да. Украинское направление является важным, но там против нас все-таки устаревшие системы воздушного нападения. А у меня со стороны НАТО, что на Севере, что на Балтике, что на Черном море, каждый Божий день не прекращаются провокации и попытки нарушения госграницы. А на Востоке уже и Япония начинает всюю безобразничать. А ведь и Москву еще надо прикрывать. Я уж молчу про Сирию. Моя бы воля, и я утыкал бы комплексами С-400 каждый километр воздушного пространства над границей. На этот год мы имеем всего 16 полков, вместо положенных 54-х по штату. Но я не виноват, что «Алмаз-Антей» выдает в год всего лишь по два полковых комплекта, да и то в усеченном виде. Комплектуем полки из расчета в три дивизиона, вместо шести.

– Ладно, угомонись, Юрий Николаич, – буркнул в трубку Афанасьев. – Я и так знаю, что опаздываем катастрофически

с перевооружением зенитных частей. Всё. Поговорим еще об этом после обеда на заседании Высшего Военного Совета. До встречи.

Вернув трубку, стоявшему подле Михайлову, Афанасьев вновь переглянулся с Рудовым. Тот неопределенно повел плечами, вроде разминая затекшую спину. Афанасьев по своему воспринял это телодвижение своего соратника.

– Генерал Саламатин, – хмуря брови, обратился он к зенитчику, – вы можете идти. Окончательный вердикт по оценке ваших действий...

– Бездействий, – вставил, кривовато усмехнувшийся Рудов.

– Да. Окончательный вердикт вынесет специальная комиссия. Если она не найдет в вашем поведении каких-либо злоумышленных или некомпетентных действий в данной ситуации, то и у меня к вам больше не будет никаких вопросов. Можете быть свободным.

– Есть, быть свободным! – не стал скрывать своего облегченного вздоха Саламатин, прикладывая ладонь к фуражке, которую уже успел надеть.

Он уже развернулся, чтобы покинуть помещение, как его догнали слова Афанасьева, сказанные ему вдогонку:

– Кстати, результаты объективного контроля у вас при себе?

– Так, точно! – опять повернулся генерал лицом к сидящим. – У моего адъютанта.

– Передайте все аудио и видео материалы с мониторов вашему Командующему.

– Есть, передать! – отозвался тот и, козырнув еще раз на прощание, тихонько прикрыл за собой двери.

– Ну, – обратился Валерий Васильевич к своему приятелю, когда за генералом закрылась дверь, – что скажешь?

– Опять у нас никто не виноват, – проворчал тот в ответ. – То порода не такая, то природа, вишь, плохая.

– Ого! Да ты у нас еще и поэт, как я погляжу. И все-таки?

– Не нравится он мне. Потеет почему зря, да и глазки бегают, будто гуся только что украл с кухни, – сморщился Рудов.

– Верно. Типчик малоприятный. Однако же, в целом, вину с себя не снял и не переложил на кого иного. Да и замов своих сдавать не стал, беря ответственность за отбой атаки на себя. А это по нынешним подлым временам – уже немало, – задумчиво проговорил Афанасьев.

– Да, – согласился с ним Сергей Иванович. – В этой ситуации, ты, пожалуй, прав. Однако, пусть его дальнейшую судьбу все же решит комиссия, как ты и сказал.

– Так тому и быть, – склонил голову Верховный.

Затем встал со стула и подошел к членам Штаба.

– Ну, что, товарищи, с одним делом вроде бы разобрались. Действия ваши, что касается налета на Белгород, я целиком и полностью одобряю, повторю еще раз. Но вы ведь знаете, что это не единственная наша головная боль на этот час. У нас еще конфликтная ситуация на Севере, которая в

любой момент может перерасти в полноценные боестолкновения с силами противника на этом ТВД. Да и масштаб случившейся там трагедии, несколько не меньше, чем на западе России. И оказывать помощь местным товарищам нам с вами будет гораздо трудней из-за географических и климатических особенностей данного региона. Мне хотелось бы подробнее узнать о ваших предложениях на данный счет.

Глава 54

I.

Там же

После посещения Оперативного Штаба заседание, направляясь в свой кабинет, Афанасьев стал ощущать некоторое неудобство в области желудка – этокое гнетуще-сосущее состояние. Он уже хотел было послать Борисыча в местную аптеку, что располагалась на первом этаже, чтобы он прикупил но-шпу – вечного спутника всех страдающих желудочными заболеваниями, но вовремя спохватился. Сегодняшние боли были вызваны банальными причинами голода, ведь он уехал из дома, так и не позавтракав. Давненько с ним такого конфуза не приключалось. Он отчетливо помнил, как Вероника перед его уходом сунула ему в руки сверток с бутербродами. И он так же помнил, что в лифт (который срочно починили) он заходил, держа его в руках. Но вот о даль-

нейшей его судьбе он хоть ты тресни, ничего определенного сказать не мог. Переться в столовую в неурочный час было не совсем удобно. Посылать Михайлова, чтобы тот принес что-нибудь оттуда, тоже было некрасиво. Он и так чувствовал, что окончательно заездил своего старшего адъютанта, зачастую используя его совсем не по профессиональному профилю. А посвящать кого-то из младших адъютантов, рискуя пересудами за своей спиной о личной жизни диктатора, который вынужден ходить голодным, он тоже не решился. Ситуация приобретала патовый режим. И тут в двери кто-то тихонько поскребся. «Кто бы это мог быть? Михайлов? Да, нет, он никогда не скребется, как мышь. Кто же это без доклада?» – подумал Афанасьев.

– Войдите, – недовольным голосом произнес он неурочному визитеру.

На пороге возник Коржик, улыбаясь застенчиво так, что даже его страшный шрам на этом фоне, казался совсем незаметным.

– Андрей Ильич?! Что-нибудь случилось? Амеры потеряли голову и выпустили по нам все имеющиеся ракеты? – любопытствовал Верховный.

– Ой, нет! Что вы?! – еще больше смутился кавторанг.

– Вы решили воспользоваться моим советом и подать рапорт о переводе?

– Пока еще, нет, – ответил тот, и только тут Афанасьев заметил, что в руке свободной от наручника с ношей «суд-

ного дня» Коржик держал знакомый сверток, которого так сейчас не хватало Валерию Васильевичу. – Вы, давеча, когда выходили из машины, то оставили его на сидении, а я вот подобрал. Сейчас вот думаю, пока затишье временное, то не худо бы вам и перекусить, а?

– Ну, Андрей Ильич, ты и экстрасенс! Прямо-таки мысли мои читаешь! Вот уж спасибо, так спасибо, – встал Верховный из-за стола и шагнул Коржику навстречу, чтобы из рук принять желанный сверточек.

– Я тут малость инициативу проявил, – продолжил Андрей Ильич, все еще смущаясь. – Позволил себе попросить кофе из буфета. Сейчас должны принести в приемную. Я вам занесу.

– А где Борисыч?

– В приемной. Занят. Обзванивает членов Высшего Военного Совета.

– Больше некому что ли? – поморщился Афанасьев. – Я ведь только назначил его ответственным за созыв. Куча адъютантов маются от безделья, а он тут телефонисткой решил заделаться.

– Вот он и поступил ответственно, – не согласился с мнением Верховного кавторанг. – Хочешь сделать хорошо – делай сам.

– Ладно. Уговорил, – махнул рукой Валерий Васильевич! Коржик вышел, а через несколько мгновений опять возник на пороге, держа в руке громадную, едва не с пол-литра

чашку дымящегося ароматного кофе.

– Может, разделите со мной трапезу? – любезно пригласил его диктатор.

– Ни-ни, – решительно стал отнекиваться кавторанг, ставя чашку на стол. – Я-то в отличие от вас, все-таки успел позавтракать.

– Ну, как скажете, Андрей Ильич. Неволить не буду, – пожал плечами Афанасьев.

Едва за Коржиком закрылась дверь, как Валерий Васильевич, вопреки степенности своего характера, буквально набросился на приготовленные заботливой женской рукой бутерброды, с наслаждением впиваясь в них зубами и тихонько урча, как голодный волк. Жуя свой нехитрый и запоздавший завтрак, он то и дело поглядывал на часы. Через несколько минут ему предстояла важная и запланированная еще неделю назад беседа. Еще неделю назад, когда в медиа пространстве разгорелся нешуточный скандал с представителями руководства Первого телеканала, в мозгу Афанасьева прочно засела идея о кардинальных переменах в этой богемной среде. Было ясно, что возникла крайняя необходимость наведения порядка в сфере телерадиовещания. А без внедрения единоначалия, как в армии, тут не обойтись. Афанасьев сам себе признавался уже не раз, что в суматохе первых месяцев по пришествии к власти хунты, им и всем его окружением было не до того, чтобы заниматься просветительской и культурной программой для населения. По негласному кон-

сенсусу решили первым делом заняться спасением базиса, оставив надстройку в прежней ее ипостаси – дальше продолжать безидеологическое существование с разрушением коллективного подсознания населения. А когда, наконец, поняли, что если у дома поехала крыша, то и его стенам с фундаментом не поздоровится, то спохватились, да как бы уже и не поздно. Вот и дождались. Как метко подметил еще месяц назад Завьялов в разговоре с Афанасьевым, у народа произошел когнитивный диссонанс. Верховные власти, вроде как взяли курс на социализацию общества, вон, даже флаг советский вернули, попржижали наиболее одиозных олигархов, однако народ, в массе своей, ничего такого и не почувствовал. Культурные, а на поверку – абсолютно бескультурные запросы формировались для населения все теми же беспринципными и вульгарными личностями, настолько далекими от духовности и истинной культуры, что складывалось впечатление о том, будто бы народ и сам в этом не заинтересован. День и ночь из всех информационных щелей на него лилась одна и та же незамысловатая мыслишка: материальное благополучие, полученное любым, пусть даже и нечестным способом – единственное к чему должен стремиться каждый индивид. А его духовные потребности вполне смогут удовлетворить бесконечные и однообразные телесериалы отечественного или зарубежного производства, той же стяжательной направленности, да еще куча бессмысленных по своей тупости телешоу, с разыгрыванием на них, опять же, денег

и прочего банального ширпотребя. На сценах театральных и концертных залов козлами скакали нечленораздельно вопящие личности неизвестной сексуальной направленности, прикидывающиеся деклассированными элементами того же самого общества, чтобы выглядеть, как бы своими – плоть от плоти. Вообще, с приходом в обиход безыдейности и бездуховности, культивируемых на протяжении тридцати лет, в народном сознании прошло три волны, каждая из которых накрывала население приблизительно на десять лет. В 90-х мальчики и девочки, сплошь и рядом мечтали быть бандитами и валютными проститутками. Когда наиболее рьяных из них постреляли в бесчисленных разборках, то сменилась и парадигма. В начале нулевых, видя печальный конец своих предшественников, подростки обоих полов возмечтали быть банкирами и их содержанками. Девочки, правда, те, кто немного поумней стали мечтать еще о карьере актрис и поп-див. Тут же, как грибы из-под дождя начали появляться шоу, типа «фабрика звезд», «голос», «танцы-шманцы со звездами» и прочие конкурсы, манящие глупых недорослей мечтами о головокружительном карьерном взлете. Правда, «стариками», окучивавшие до этого культурное пространство, отказывались уступать свои насиженные места молодой поросли «дерзких и красивых». И хотя многие сумели зацепиться и пробиться наверх, но большинство постигло закономерное разочарование, итогом которого стал всплеск алкоголизма и наркомании среди молодых. Поэтому неудивительно, что

вслед за второй волной, в середине 10-х возникла и третья. Эти последние были ленивей предыдущих, но зато гораздо продвинутые по части умения обращаться с IT-технологиями. Быстро сообразив, что «наверху» их с распростертыми объятиями никто не ожидает, они стали ковать свое счастье собственными руками. Тем более, что теперь, с развитием информационных технологий и социальных сетей это сделать стало гораздо проще и без прикладывания невероятных усилий. Социальные сети дали возможность заявить о себе всему миру любому страдающему манией величия. А когда появилась возможность конвертации своих болезненных наклонностей в звонкую монету, то мир, буквально взорвался. Оказалось, вдруг, что в нем проживают не только эксгибиционисты той или иной направленности, но еще и громадное количество вуайеристов, готовых платить за свой порок. И посыпались на головы обывателей несметные полчища бездельников и дармоедов, скрывающихся под никому непонятными обозначениями типа «блогеров», «фрилансеров», «тиктокеров» и прочей дребедени. Нельзя сказать, что появление такой прослойки людей сыграло только негативную роль. Положительный момент заключался в том, что эта образовавшаяся ниша вбирала в себя значительное количество «лишних» людей, которые не нашли себя в реальном секторе экономики и в противном случае обивали бы пороги служб занятости. Однако вреда от все увеличивающейся массы деклассированных элементов общества было гораздо

больше, чем пользы. Дурной пример, как известно, заразнее триппера, а потому, глядя, как шикарно можно пристроить свой зад, при сравнительно малых затратах, к этой прослойке, все чаще стали примыкать и те, кому просто надоело пахать от зари до зари, чтобы прокормить себя и свои семьи. А это, в свою очередь уже несло угрозу перекося на рынке труда. Реальный сектор экономики при имеющейся безработице, вполне зримо, испытывал сложности с кадровым составом квалифицированных работников, решивших перебраться в стан «свободных художников». А тут еще этот ковид, (прости Господи!) загнал чуть ли не половину населения в домашние условия и тем самым обрек его на вынужденное безделье. А от безделья, какие только мысли не начинают приходить в неокрепшие головы? В общем, куда ни кинь – всюду клин. И всему было виной массовое падение культуры, не сумевшей сформировать здоровое и стойкое общество. Вот этот вопрос сейчас и нужно было как-то решать в срочном порядке.

Доев бутерброды, Афанасьев не столько от скарелности, сколько по устоявшейся привычке собрал в ладонь рассыпавшиеся крошки и одним движением руки закинул их в рот. Только он проделал эту операцию, как на пороге появился Михайлов с докладом о том, что в приемной ждет аудиенции тот, кого Верховный велел отыскать и пригласить для собеседования еще на прошлой неделе. Афанасьев, запланировавший эту встречу, заметно повеселел, так как это давало впол-

не себе официальный повод для сервировки стола. Для здорового мужского организма трех бутербродов все-таки было явно недостаточно. Поэтому Валерий Васильевич велел, не мешкая звать гостя, а параллельно с этим расстараться накрыть «поляну», естественно без спиртного, так как визитер по полученным заранее сведениям слыл абсолютным трезвенником.

Встречать приглашенного им на беседу гостя, Афанасьев вышел на середину кабинета, выказывая этим жестом особое радушие и расположенность. Визитер без боязни и без особого трепета пред очами Диктатора Всея Руси переступил порог и улыбнувшись, слегка застенчиво от оказанной чести протянул для рукопожатия сразу две руки, похожие на землечерпалки, настолько громадными они показались на первый взгляд хозяину кабинета. Гость был высок ростом и могуч в плечах. Но еще больше он был похож на не так давно побывавшего здесь митрополита Евфимия. Это сходство ему предавала, прежде всего, седая и длинная бородища, едва не до пояса, а также прямой и честный взгляд из-под кустистых бровей. Черные брюки и черная рубашка делали его похожим, если и не на служителя церковного культа, то уж по крайней мере, на старосту прихода. Чтобы быть окончательно похожим на давешнего митрополита, ему не хватало только рясы и камилавки, уснащавшей чело. Голова его при этом была абсолютно лысой, словно бильярдный шар, что подчеркивало высоту его лба, чем-то похожего на ленинский.

– Здравствуйте-здоровствуйте, дорогой Юрий Константинович! – улыбаясь, поздоровался Афанасьев, с посетителем, крепко пожимая обе его руки.

– Здравия желаю, Валерий Васильевич! – тоже улыбаясь, поздоровался в ответ тот, невольно выдавая в себе бывшего военного.

– Спасибо, что вы сразу согласились на мое приглашение, поэтому я очень рад приветствовать вас у себя, – по-прежнему излучая улыбку, произнес Верховный. – Прошу вас, проходите, присаживайтесь, – указал он рукой на креслице возле приставного стола.

Когда тот не без труда вместил свое массивное тело в хрупкое с виду кресло, Афанасьев занял место напротив.

– Позвольте признаться вам в том, – продолжил излучать расположение Афанасьев, – что я являюсь давним поклонником вашего телевизионного творчества. С огромным удовольствием наблюдаю за вашими циклами телепередач, таких как «Война» и «ЗаДушевные беседы». Каюсь, далеко не всегда удается смотреть ваши передачи в прямом эфире, но в записи на Ютубе стараюсь не пропускать ни одной из них, хоть это и не всегда получается, – продолжал петь соловьем диктатор.

– Спасибо, что не обошли своим вниманием мои попытки донести до зрителей крупицу альтернативного мышления, пропагандируемого мной и группой моих единомышленников с интернет-канала «Полдень», – пророкотал Юрий

Константинович, оглаживая бороду. – Мне кажется, что за недавним возвратом мне наград, которые у меня изъяли следственные органы, стоите именно вы. Или я ошибаюсь?

– Пустое, – отмахнулся Афанасьев от такого предположения. – Следствие просто превысило свои полномочия, изъяв заслуженные вами награды, к которым не имеет никакого отношения. Наград может лишиться лишь тот, кто их давал. А давало их Министерство обороны за вполне реальные заслуги перед Отечеством. Вы, насколько я знаю, участвовали в нескольких секретных операциях нашего подводного флота и плавали на знаменитом «Черном принце».

– Ходил, – несколько смущенно вставил Душенин.

– Что-что? – переспросил Афанасьев.

– Простите, – застенчиво ответил бывший моряк, но в нашей морской среде принято говорить не «плавал», а «ходил».

– Ну да, ну да, – закивал Афанасьев. – Как это я забыл про такое? Ну, вы уж простите меня – сухопутного человека, за такой ляп. Хотя...

– Что? – подался вперед корпусом гость.

– Хотя, я вот никак не могу взять в толк, почему моряки говорят «ходил» и в тоже время получают звания «капитан дальнего плавания», а не «дальнего хождения? – хитренько прищурился диктатор.

– Сдаюсь! – сразу поднял обе руки кверху бывший моряк, не переставая улыбаться. – Я и сам, признаться, никак этого

не понимаю. Одно скажу – традиция, а она, как известно, не всегда обладает логикой.

– Ну-у, Юрий Константинович, – притворно нахмурился Афанасьев, – вы уж так быстро-то не сдавайтесь! Мы ведь очень рассчитываем именно на ваш нестигаемый характер.

– Поверьте, – приложил обе ладони к сердцу Юрий Константинович, – я весьма тронут вашей заботой.

– Это мой долг, как Верховного Главнокомандующего. Но хватит об этом. Давайте, я лучше продолжу свои восхваления. Ваши беседы со зрителями на животрепещущие темы – как глоток свежего воздуха в задавленной гнилостными испарениями атмосфере. Духовность – вот чего больше всего не хватает нашему обществу. Старые идеалы порушили, но и новых создать не смогли. А то, что выдают за новое видение мира, является ничем иным, как окончательным разложением морали и нравственности. И то, что происходит сейчас на наших глазах, когда Россия нашла в себе силы чуть отступить от края военной, экономической и социальной пропасти, является, для меня лично, прискорбным фактом. За экономикой и политикой, мы не разглядели духовной составляющей. Вы согласны со мной?

– Безусловно, – кивнул гость. – Однако следует ли мне расценивать ваши слова в качестве предисловия к постановке задачи? – сразу перевел разговор Душенин на сугубо деловой лад.

– Да, – не стал юлить Верховный.

В это время дверь в кабинет раскрылась, и официантка вошла, катя перед собой, ставшую уже традиционной тележку, уснащенную всяческим съестным. Пока она выставяла привезенную снедь на стол, разговор прервался. Под конец она выставила на стол два громадных термоса и виновато улыбувшись, произнесла бархатным голосом:

– Простите великодушно, мы не знали, каким напиткам отдает предпочтение ваш гость, товарищ Верховный, поэтому, на всякий случай налили в термосы и чай и кофе.

– Спасибо, дорогуша, – в тон ей попробовал ответить диктатор. – Вы, как всегда, сделали все правильно. Мы тут с этим уж постараемся сами разобраться. Еще раз, спасибо.

Официантка удалилась, покачивая бедрами, как парусник принайтованный к кнехтам при слабом волнении. Оба мужчины со вкусом проводили глазами аппетитное зрелище. Когда она закрыла за собой дверь, то Афанасьев опять вспомнил свою роль радушного хозяина:

– Прошу к столу, Юрий Константинович. Вы у меня в гостях, а потому позвольте за вами поухаживать. Вы что будете: чай или кофе?

– Да, без разницы, – опять заулыбался моряк и добавил народную присказку. – Наша невестка – все трескат.

– Тогда, давайте кофейку для бодрости, – потянулся он к одному из термосов, чтобы разлить по чашкам ароматный напиток. – А вы, Юрий Константинович, не стесняйтесь, выбирайте все, что на вас смотрит.

– Спасибо, – не стал чиниться Душенин и ухватил со стола ватрушку.

Когда Афанасьев закончил разливать кофе и тоже взял ватрушку себе, разговор продолжился.

– Да, так на чем бишь я остановился?

– О предисловии, – сквозь набитый рот ответил гость.

– Ах, да. Спасибо. Так вот. Про культуру мы забыли в борьбе за кусок хлеба, не осознавая, что культура – это и есть хлеб, в какой-то мере. В культуре у нас дела плохи. Особо в массовой культуре. Как там, в свое время говорил вождь мирового пролетариата про искусство?

– Из всех искусств, для нас важнейшим является кино, – верно процитировал слова Ульянова моряк, начиная понемногу догадываться о целях человек пригласившего его сюда.

– Верно, – согласился Афанасьев. – Но эти слова были сказаны 100 лет назад. Технологии шагнули далеко вперед. Поэтому я рискну несколько по-другому интерпретировать слова великого человека. Массовая культура сейчас представлена не синематографом, а телевидением. И тут мы подбираемся к главной теме нашего разговора.

Он запихал остаток ватрушки в рот и крупными глотками запил съеденное, почти не жуя.

– Вы как журналист, политолог, блогер и ведущий нескольких передач в пространстве интернета, наверное, не обошли своим вниманием инцидент, произошедший на Пер-

вом канале, связанный с кражей подарков для больных детей?

– Да уж, безобразный до отвратительности поступок руководства не укрылся от всеобщего внимания, – нервно ухватился гость за свою бородищу.

– Во-во, верно вы подметили, что до отвратительности безобразный, – подхватил диктатор. – Мы, разумеется, по своей линии отреагировали, как могли, в силу своих компетенций, но сами понимаете, что отрыванием головок поле от репья не очистить. Тут нужен системный подход. Нужно переформатировать машину телевидения сверху и донизу. Нужно менять в корне, всю идеологию. Вернее не так. Нужно привнести туда идеологию, потому что такое безобразие могло случиться только при ее отсутствии. Если у вас нет своей идеологии, значит, вы будете вынуждены жить по чужой, а вернее чуждой, во всех смыслах, идеологии наших врагов, сумевших в свое время навязать нам свое видение мира. А новую идеологию могут привнести только новые люди. Вы понимаете, куда направлена моя мысль?

– Понимаю, – вздохнул Душенин, но Конституция запрещает, какую бы то ни было идеологию.

– Эта Конституция, принятая по итогам расстрела парламента в 93-м году и есть плод навязанной нам чуждой идеологии, – сморщил нос Афанасьев. – Однако, ну ее к бесу, эту конституцию. Она не подразумевает и нашего нынешнего правления. А мы, тем не менее, есть и никуда уходить не

собираемся. Ее действие мы самочинным порядком прекратили на всей территории нашего государства, и дай Бог, уже никогда к ней не вернемся. Лично я, уже два с половиной месяца обхожусь без нее, и это никак не сказывается на моем здоровье. А на вашем?

– И на моем тоже, – усмехнулся Душенин.

– А раз без какого-то института можно жить, то и не надо обременять им государственную машину. Чем проще механизм, тем он устойчивей. Тут главное – не скатиться к откровенному примитивизму. Дело не в обертке, а в ее содержимом. Можно иметь какую угодно демократическую Конституцию и все равно жить вопреки ее постулатам, о чем свидетельствует вся наша прежняя действительность. А можно не иметь ее и вовсе, однако, несмотря на это, все равно быть правовым и процветающим государством.

– Вы имеете в виду монархии Персидского залива?

– Только в смысле цементации народных масс на основе идеологии, которая черпает свою силу в религиозном самосознании. И не более. Во всем остальном же, эти государства представляют собой обычную синекуру, замешанную на кровнородственных отношениях, что нам, естественно, не подходит для подражания.

– Да, – согласился Душенин, – историческая уникальность православного государства заключалась в том, что оно одновременно опиралось на две, казалось бы, взаимоисключающие ипостаси – самодержавие и соборность.

– Да и Бог с ними, – махнул рукой Афанасьев. – Наша с вами беседа не о том и не про то. Давайте-ка лучше вернемся на прежние рельсы и поговорим о кадровой политике в сфере медийного пространства. Вам, как человеку тесно связанному с телевидением эта тема должна быть интересной.

– Скорее не с телевидением, а с его антиподом – интернетовидением, – поправил Верховного Юрий Константинович. – На телевидение мне вход, негласно, запрещен. Или вы думаете, что я от хорошей жизни ушел в блогосферу?

– Да-да, я в курсе ваших напряженных отношений с телевизионным руководством. И мы еще обсудим с вами эту тему. Так вот, что я хотел вам сказать. Я тут давеча запрашивал у своих спецслужб всю возможную информацию, касающуюся телевизионной кухни. Хотел, знаете ли, разобраться, откуда у него такие ноги выросли и под чьи голоса настроены его уши. То, что руководители почти всех телеканалов имеют двойное, а то и тройное гражданство, мы и раньше догадывались, но вот с чьих конкретно нот они там поют, было не совсем ясно. Формально до сих пор Министерство по делам печати, телевидения и средств массовой информации подчинено Правительству. А по факту? Не будем сейчас затрагивать печатные органы, там свои авгиевы конюшни. Сосредоточимся на телевидении. И тут вот какая любопытная картина складывается.

Афанасьев встал с места и прошел к своему столу, на котором лежала стопка бумаг. Он взял ту, что лежала на самом

верху, и вернулся к собеседнику, держа листок в руке.

– Извините, – застенчиво улыбнулся он гостю, – на память, с возрастом, уже не сильно надеюсь, поэтому буду оперировать цифрами, глядя в шпаргалку.

– Да ладно вам, Валерий Васильевич, оправдываться. У вас за день проходит такое обилие информации, что поневоле запутаешься, – потрафил гость хозяину кабинета.

– Это верно. Так вот. Из восьми основных федеральных каналов только канал «Россия-1» целиком и полностью принадлежит Правительству, владеющему 100% пакетом акций. Все остальные являются, по сути, частными шарашками, владельцы которых имеют весьма смутное происхождение. Среди них находятся совсем непонятные частные лица, а также организации с труднопроизносимыми названиями. Вот взять хотя бы «Первый канал», генеральным директором которого до недавнего времени был некий проходимец по фамилии Арнст, ожидающий сейчас приговора суда по факту многочисленных преступлений. Правительство располагает в нем голосами, составляющими чуть более трети. Остальные доли принадлежат либо напрямую, либо через аффилированных лиц сталелитейному магнату Морданину. Где металлургия, а где телевидение?! И это бы еще, куда ни шло, если бы сам Морданин был хозяином в собственном доме. Но в его сталелитейной компании ему принадлежит лишь блокирующий пакет акций, а все остальное принадлежит некоей гонконгской фирме, которая, в свою очередь яв-

ляется «дочкой» Британской «EVRAZ». Да и сам господин Морданин и все члены его семьи, как оказывается, являются подданными Елизаветы II. Вы видите, как все хитро подстроено, чтобы обойти закон, вышедший еще в 16-м году, запрещающий иностранным лицам владеть пакетом акций более 20%?

– Вижу, – насупился Душенин, откладывая в сторону очередную ватрушку.

– Идем дальше, – начал распалаться Афанасьев. – «Пятый канал» – опять Морданин с 74% голосов. «Рен-ТВ» – снова Морданин, но уже с 82% голосов. Вообще, оборзел этот подданный Ея Величества, как я погляжу. Едем дальше. Что там у нас? Ага. «СТС». Гендиректор – Станислав Маругов. Это вообще уникальный случай. Канал, ни на йоту не принадлежит ни одной из российских структур. Основателем и владельцем компании до 2004 года была американская компания «StoryFirst Communications», зарегистрированная в 2711 Сентервиль Роад, оф. 400, Уилмингтон, Округ Ньюкасл, США. С 2004 года она сменила название на "СТС-Медиа" и стала российской. Черт, язык сломаешь, пока выговоришь. Учредителями СТС-Медиа числятся: 75% – АО "Медиаинвестиции", связанная с самим Маруговым, через ряд «прокладок» принадлежит кипрской компании Темплон Инвестмент Холдингз (Кипр) Лимитед, находящейся в 2-4 арх.Макариос111 Авеню, Кэпитал Центр, 9-й этаж, город Никосия, Кипр. 25% – Корпорация Медиастерис, Инк, заре-

гистрированная в США по адресу Корпорейшн Траст Центр, 1209 Оранж Стрит Округ Нью-Касл, Уилмингтон, штат Делавэр, США. А?! Каково?! Этим Маруговым я уже приказал заняться тем, кому следовало это сделать раньше. Что там еще? «НТВ»? Раньше принадлежал одному еврею – Гусинскому. Теперь там заправляют двое счастливых обладателей израильского паспорта: гендиректор Поземский и генпродюсер Вайнштейн. Кто хозяин? Вы и сами прекрасно знаете. Это холдинг «Промгаз», через свою «прокладку» под названием «Промгаз-Медия». Кроме канала НТВ холдингу принадлежат следующие телеканалы: ТНТ, ТВ-3, сеть каналов Матч-ТВ, КХЛ ТВ, Пятница, одиозный «Дождь» и огромное множество других менее известных каналов. Радиостанции: Юмор-ФМ, Авторадио, Эхо Москвы. Ох уж мне это Эхо Мацы, вот где! – приставил ладонь к горлу Афанасьев. И хоть «Промгаз» считается государственной компанией, государству в ней принадлежит всего 50% плюс одна «золотая» акция. Все остальные акционеры – преимущественно зарубежные юридические и физические лица за редким исключением. Поэтому их влияние на компанию мы исключать не можем. А если учитывать, что «Дождь» и «Эхо» уютно чувствуют себя под таким надежным крылом, как господин Мюллер, то вы сможете по достоинству оценить мой скепсис в отношении политики «Промгаза» на телевидении.

– Да уж, – только и смог выговорить Юрий Константинович, наливая себе очередную порцию чая из термоса. – Вам

налить?

– Плесните, – кивнул согласно Верховный. – Итак, что мы имеем на сегодня? Мы имеем ситуацию, когда всем пространством телеэфира владеют по сути два человека – Морданин и Мюллер. Именно эти двое диктуют каналам общую направленность, кадровую политику и идеологию. Да-да, скрытую идеологию, направленную на саморазрушение человеческого сознания, выплескивая в эфир всю мерзость и пакость, выдавая ее за постулат, коего следует придерживаться всем, кто хочет идти якобы в ногу со временем.

– Есть ли у вас план, как побороть эту гидру? – спросил Душенин, пока Афанасьев прервал речь, дую на горячий чай.

– Есть. Иначе бы я не позвал вас сюда, – подмигнул он собеседнику.

– Я почему-то так и подумал, что план будет как-то связан с моей персоной.

– Я хочу назначить вас тем Гераклом, который будет выгребать все это дерьмо, – врезал прямо в лоб диктатор.

Афанасьев внимательным и долгим взглядом окатил гостя, пытаясь по мимике его лица определить его отношение к столь неожиданному предложению. Но ошибся. Ни один мускул на лице собеседника не выдал чувств, бурлящих внутри этой неукротимой натуры. Душенин умел себя сдерживать в критические моменты жизни. Он оставался спокоен, стоя в первом отсеке со связкой гранат возле стеллажей с ядерными торпедами, в то время, когда над его головой кружили «Ори-

оны», сбрасывая имитаторы глубинных бомб. Он оставался спокоен, выслушивая сфабрикованный судом приговор, лишивший его свободы на восемь лет за его голос правды в защиту русского народа. Он не терял присутствия духа даже тогда, когда его, вопреки всем негласным нормам поместили отбывать срок заключения вместе с откровенными уголовниками. Внук прославленного советского адмирала, он, казалось бы, испытал на себе все, что приуготовила ему неласковая судьба – и огонь, и воду. Вот только медные трубы на его жизненном пути пока еще не появлялись и не испытывали его на прочность. Он не торопясь поставил чашку с недопитым чаем на стол и, откинувшись всем корпусом на спинку кресла, сложил пальцы рук в замок.

– Вы предлагаете мне возглавить Министерство по делам печати, телевидения и средствам массовой информации? – глуховатым тоном спросил он у Верховного, впившегося в него своими пронзительными глазами.

– Да. Но не сейчас, – таким же тоном ответил ему диктатор. – Бросать вас сразу на минное поле без всяческой подготовки, значит, подвергнуть риску и вас самого и дело порученное вам. Прежде чем занять такой пост, вам необходимо будет потренироваться.

– На кошечках? – усмехнулся Душенин уголками губ, скрытых под бородищей.

– Ага! – по-простецки подтвердил Афанасьев. – На них, родимых!

– И в качестве той самой кошечки. . .

– В качестве той самой кошечки, я предлагаю вам занять пост генерального директора «Первого канала». Тем более, что место вакантно уже целую неделю. Надо поторопиться. Нельзя, чтобы такой ответственный пост оставался незанятым. Мне уже доложили, что там уже вовсю разгорается подковерная борьба среди многочисленных замов прежнего гендиректора. Тот же самый Морданин, на правах основного акционера прочит на это место Владимира Позднера.

– А вот это уже перебор, – нахмурился Юрий Константинович. – Тут только слепой не приметит ушей М1-6.

– Да уж. Вот поэтому, Правительство, обладая блокирующим пакетом голосов, и не позволяет протолкнуть такую замаранную личность в гендиректоры.

– Но блокирующего пакета не хватит, чтобы назначить на это место свою креатуру, – покачал лысой головой моряк.

– А военная хунта для чего, по-вашему, как не для попиранья всяких законов? – криво усмехнулся диктатор. – Назначим волевым решением, а там, пусть господин Морданин побегает по судам, отстаивая свои права и права своих хозяев.

– Он не побежит в Краснопресненский суд, – с сомнением качнул головой Душенин. – Он побежит напрямик в Лондон.

– Я тоже на это надеюсь, – весело и зло ощерился Афанасьев. – Это будет сущим подарком для нас, ибо не надо бу-

дет ломать голову над тем, как конфисковать в казну все его активы. Сотрудничество с государственными органами иностранных режимов, признанных нами в качестве враждебных, приравнивается к измене Родине. А еще весной этого года российский Конституционный Суд признал все решения иностранных судебных инстанций в отношении юридических и физических лиц, пребывающих на территории России, заведомо ничтожными.

– Недурно, – завозился в креслице Душенин.

– Впрочем, я полагаю, что господину Морданину в ближайшее время будет не до спасения своей медиа-империи. Слишком много вопросом скопилось к нему со стороны органов следствия. Это касается необоснованного завышения цен на свою продукцию для внутреннего потребителя. К тому же неоднократные срывы поставок марочных металлов для нужд обороны, тоже не играют в его пользу, тем более в период чрезвычайного положения. В любом случае, для него будет большой удачей, если он сможет выскочить из лап Следственного Комитета голеньким, аки новорожденный младенец. Что же касается господина Мюллера, то в самое ближайшее время я вызову его к себе и в недвусмысленной форме укажу, что в наше кризисное время иметь непрофильные активы, съедающие возможные налоговые поступления иметь государственной компании чрезвычайно непродуктивно. И чем скорее он от них избавится, даже вопреки мнению акционеров, тем легче будет его участь, впослед-

ствии.

– Хмм, – усмехнулся в бороду Душенин. – Оказывается и от хунты иногда бывает польза для народа.

– А то! – улыбнулся во всю ширь лица Афанасьев. – Не могём, а мОгем! Так, что скажете?!

– Предложение ваше, конечно, весьма заманчивое. Но мой возраст...

– А что вас смущает в своем возрасте? Вы, батенька, не прячьтесь за седую бороду! Вам всего шестьдесят лет! Вы, между прочим, младше меня на пять лет!

– Оно, конечно, так. Не спорю. Но участвовать в баталиях, которые пренебреженно будут сопровождать мое руководство на всем его протяжении..., – в последний раз попробовал пококетничать Юрий Константинович.

– Бросьте, голубчик заламывать руки, как провинциальная актриса! Баталий, он, видите ли, испужался! Вы вон вспомните, сколько лет было Суворову, когда он на заднице с Монблана спускался! Вот где были баталии-то! Да у него еще руки были связаны указивками то из Петербурга, то из Вены! А я вам карт-бланш даю, с гарантией невмешательства в ваши дела. Да вдобавок к этому разрешаю самостоятельно увольнять всех, кого сочтете нужным уволить и взять на его место того, кто вам подходит. Плюс ко всему финансирование напрямую, минуя минкультовские и минфиновские рогатки, – выбросил на весы свои самые тяжелые гири Валерий Васильевич.

Это был весомый аргумент. И у Душенина не нашлось слов, чтобы возразить на такую щедрость.

– Все-все! Довольно! Сдаюсь! – замахал руками Душенин, как персонаж мультфильма о «золотой антилопе». – Я принимаю ваше предложение.

– Спасибо, что вовремя меня остановили. А то я уж было собрался снять с себя последнюю рубашку! – засмеялся в голос Афанасьев и этот его смех тут же подхватил его собеседник.

Когда оба вволю отсмеялись, Душенин, уже в ранге гендиректора, сразу, ничуть не стряпая, перешел на деловой лад:

– Я, как вы заметили из касты потомственных военных моряков. У нас, мореманов, так принято, что первый после Бога, это капитан корабля. У нас единоначалие возведено в ранг Абсолюта. Так принято. Чем выше звание, тем выше над палубой располагается командир, открытый снарядам и осколкам.

– В курсе, – наклонил голову диктатор.

– Вот. Поэтому мне от вас нужна будет железобетонная бумага, наделяющая меня полномочиями типа ваших. Чтобы в моем единоначалии никто не сомневался и не бегал жаловаться по инстанциям, считая меня всего лишь «калифом на час». Я помещу эту бумагу под стеклом, прямо в холле первого этажа, где располагается «Первый канал», – сказал, как припечатал пожилой здоровяк, сверкая своей лысиной.

– Будет такая бумага. Борисыч! – нажал Афанасьев на

кнопку селекторной связи.

– Слушаю, товарищ Верховный! – тут же раздалось из динамика.

– Зайди, – коротко бросил Валерий Васильевич.

– Вот что, Борис Борисыч, – обратился к нему Верховный сразу, как только тот появился на пороге, – ступай-ка, не мешкая в юридический отдел, и сварганьте там с казуистами приказ о назначении генеральным директором «Первого канала» товарища Душенина. И в дополнение к нему еще и генеральную доверенность от моего имени на право оперативного управления всем, чем только можно на нем. Пропишите там ему все диктаторские полномочия вплоть до права расстреливать несогласных с его методами руководства без суда и следствия.

– Ого! – округлил глаза старший адъютант. – Кажется, в зомбоящике грядут перемены.

– Задача ясна? – оставил без внимания слова своего адъютанта Афанасьев.

– Так точно, товарищ Верховный! Только нужен паспорт доверенного лица.

– Вот, – протянул полковнику документ Душенин, – пожалуйста.

– Разрешите идти?!

– Иди. Заодно выправи многоразовый пропуск для него. Чую, что нам придется довольно часто встречаться. Пропуск и доверенность оставишь на КПП. Ступай, а мы пока еще

побалакаем.

– Есть! – коротко ответил Михайлов и зарысил к выходу.

– А вот я, хоть убейте меня, но не поверю, что вы, Юрий Константинович, никогда не ставили себя на место того же Арнста, даже в мыслях? – хитро прищурился Афанасьев, когда за Михайловым закрылась дверь.

– Ну-у, в мыслях-то чего не бывает? – напустил тумана Душенин.

– Ага! – обрадовался Афанасьев. – Значит, я попал в самую точку! И ведь наверняка в своей голове вы прокручивали варианты того, как вывести наше телевидение с кривой дорожки на шоссе? Ну-ка, признавайтесь!

– Бродили, конечно, кое-какие мыслишки, – положил свои громадные ручищи на стол Юрий Константинович. – Не без этого. Но ведь я не гений мысли, а потому даже в помыслах своих Америку не открыл.

– Я понимаю, что для анонсирования развернутой программы, вам необходимо дать какое-то время, но хотя бы вчерне и широкими мазками? – продолжал раскручивать своего гостя диктатор.

– Я – человек православный. Верующий. Почвенник, если можно так выразиться. Однако рожденный в Советском Союзе и от советски настроенных отца и матери, – начал издалека новый глава медиа-холдинга. – А посему, культура советского строя, впиталась в меня с рождения и ее уже ничем не вытравить. Как говорится, старую собаку новым фо-

кусам не обучишь. Поэтому и рецептуру морального исцеления могу найти, только обратившись к своим корням. Тут нет никакого противоречия, потому что, как бы там ни было, а советский строй и его культура, несмотря на гонения Церкви, все-таки по сути своей были глубоко христианскими. Паче того скажу: намного более православными, нежели теперь, когда Церкви уже ничто не угрожает, кроме нее самой. Но об этом, как-нибудь потом, на досуге.

– Не могу с вами не согласиться, – одобрительно вставил Верховный. – Созидательную культуру СССР признавали даже его откровенные враги. Недаром, в свое время, Папа Войтыла был вынужден констатировать, что советские мультфильмы можно рекомендовать в качестве образчика гуманизма.

– Вот именно, – улыбнулся сквозь бороду Душенин. – Поэтому не надо второй раз изобретать велосипед, затрачивая впустую интеллектуальные ресурсы. Надо всего лишь починить седло, покрасить раму, подтянуть ослабевшую цепь. В общем, адаптировать его к современным реалиям. Это возле Астрахани волжская вода – желтая и мутная, а в Тверской области, где находится тот родник, из которого она берет свое начало – чист и светел, как смех младенца, пребывающего на материнских руках. К истоку и надо обращаться за вековой мудростью предков.

– Если я правильно вас понимаю, – вновь перебил велеречивую мысль Душенина хозяин кабинета, – вы предлагаете

восстановить советскую сетку теле вещания?

– Не вижу ничего в этом дурного, – чистым и незамутненным взглядом уставился Юрий Константинович в глаза Верховного.

Афанасьев нашел в себе силы не отводить и не опускать своего взора.

– Идея неплоха и лежит на поверхности. Однако хотелось бы чуть подробнее. Какие, по-вашему, передачи из советского прошлого можно было бы возродить? И какую смысловую нагрузку они должны при этом нести?

Ой, – как-то сразу растерялся гость, – навскидку и не упомяну, пожалуй. Тут надо посидеть, да повспоминать. Поэтому я лучше отвечу на второй вопрос.

Афанасьев, кивнул, не желая понукать собеседника и сбивать его с мысли.

– Пойдем от противного. Какова цель подавляющего числа передач на телевидении? Опустим, надоевшие всем до чертиков политические шоу, на которых то и делают, что говорят об Украине. Скоро уже в чайник нельзя будет заглянуть, чтобы оттуда не раздался голос какого-нибудь Шейкина или Воробьева. Поэтому возьмем развлекательные шоу. Ответ лежит на поверхности. Их цель – разбудить в человеке низменные инстинкты, среди которых преобладают сексуальные влечения и расстройства связанные с ними, а также псевдо соревновательные игрища итогами которых является не выявление лучших человеческих качеств, а банальная

жажда достичь материального благополучия. Одним словом – бесконечная лотерея. И куда бы еще не шло, если бы в них участвовали простые люди. А то ведь все знакомые рожи из богемной тусовки. Этим «обездоленным» пары тысконок не хватает до миллиарда. Тут сразу на ум приходят всякие «Секрет на миллион», «Детектор лжи», «ДНК», «Любовь с первого взгляда», «Поле чудес», хотя правильнее было бы дополнить название словами «в стране дураков», «Угадай мелодию» и прочие. Даже некогда любимая мной «Что? Где? Когда?» скатилась до банальной рулетки, где одни и те же морды, усевшись в кружок, разыгрывают спонсорские деньги, из-за чего там периодически возникают склоки. А ведь как все хорошо начиналось в 70-х! А чего стоят выдуманнные и высосанные из пальца сюжеты для передач типа «Час суда», Пусть говорят», «Мужское-Женское». Ведущий последнего упомянутого мной шоу – Александр Гордон, вообще, гражданин США. Пристроился, понимаешь.

– Но ведь эти передачи, вроде бы вскрывают недостатки и оказывают помощь, попавшим в беду людям, если я не ошибаюсь? – попробовал выразить свое мнение Афанасьев, но наткнулся на глухую стену непонимания.

– Грош цена такому государству, которое отдает заботу о свих гражданах на откуп кривляющимся шоуменам, делающим себе рейтинги на чужом «грязном белье».

– Ладно. Молчу-молчу, – поднял руки кверху Афанасьев. – Продолжайте, пожалуйста.

– Здоровый дух соревнований, где верх одерживает интеллект, умение что-то делать руками, где люди делятся опытом, мастерством и иными человеческими качествами подменили на кривляние в непотребном виде перед телекамерами. Вспомните, какие были раньше телепередачи? «Сделай сам», где мастера умельцы выставляли свои изобретения на суд широкой общественности и экспертов. Очень полезная передача для желающих внедрять инновации. Или вот еще такие передачи: «А ну-ка, парни» и «А ну-ка, девушки». На их примерах молодежь воспитывала в себе необходимые навыки для жизни, которые в дальнейшем очень могли бы им помочь. Была широкая палитра научно-познавательных программ, таких, например, как «Клуб путешественников», «В мире животных», «Очевидное-невероятное» и другие. А что теперь вместо этого? «Непутевые заметки», «Орел и решка» и «Поедем – поедим», где вместо расширения кругозора, зрителю предлагается, купленная на правах рекламы информация о гостиничных номерах и ресторанах в той или иной стране. С уходом на пенсию Дроздова, который на старости лет лишился остатков рассудка и принялся рекламировать банковские услуги, «В мире животных» окончательно захла и пропала из эфира. Я понимаю, что время, когда советские граждане могли смотреть на мир только глазами Сенкевича, давно прошло. И это хорошо. Но вам не кажется, что такая откровенная коммерциализация познаний о разных странах и народах населяющих их, не добавляет

настроения тем из российских граждан, кто не может себе этого позволить, едва-едва сводя концы с концами?

– Верно-верно, – подался вперед всем корпусом Валерий Васильевич.

– Не знаю, как другим, но мне, редко смотрящему художественные фильмы, и то уже изрядно надоело наблюдать за жизнью московского офисного планктона и лубочными сказками о добрых и несчастных олигархах, мечтающих жениться на «золушках» из провинции. Или создателям фильмов кажется, что за МКАДом вообще жизни не существует? Такое ощущение, что сценаристов просто заклинило на двух темах: о жизни представителей списка «Форбс» и криминала, где уголовники – ангелы во плоти, а менты – мразь и подонки.

– И тут я с вами соглашусь, – опять закивал Валерий Васильевич. – Россия на Москве отнюдь не заканчивается. Да и пора уже прекращать делать из наших правоохранителей этакое подобие вселенского пугала. А еще вот насмотрится какой-нибудь дядя Вася на красивую жизнь богатеев, а потом кинет взгляд на свою «однушку» и возьмет его тоска-кручина по напрасно прожитой жизни. Одолеет такого вот бедолагу депрессия, а у нас, как известно, болезни подобного рода лечатся только одним способом.

– Мы никогда не воспитаем патриотов, если не будем показывать «человека труда». Нужно всеми силами и способами поднимать престиж его труда. Необходимо всякий раз

подчеркивать его неоспоримую значимость в рамках целого государства. А то у нас, куда ни плюнь, везде одни «манагеры» и «девелоперы». Тьфу, ты, прости, Господи! – совсем уже распалился Душенин.

– Так-так! – соглашался с ним диктатор.

– А еще дети. Детей мы с вами упустили. Два поколения, а то, почитай, и все три профукали. Во всяком случае, большую часть активного населения.

– Профукали?! – выгнул бровь Афанасьев. – Поясните мне, сущеглупому, насчет этого.

– Охотно, – не стал запираяться и кривить душой в будущем главный телевизионщик страны. – Современная молодежь, какую мы знаем, после приснопамятной «перестройки» пережила три всплеска в своем развитии. И каждый всплеск, приблизительно равнялся одному десятилетию. Вспомните-ка, о чем мечтала молодежь в начале девяностых?

– Ну, не знаю, о разном, наверное, – замешкался с ответом Валерий Васильевич.

– Хорошо. Я вам напомню. Если советские юноши и девушки мечтали о покорении космоса, чтоб там, значит, яблоки росли, о служении Родине, о дальних странствиях и прочем, то постсоветская молодежь уже мечтала о совсем другом. Юноши, почти поголовно, мечтали стать бандитами и рэкетирами, одетыми в малиновые пиджаки, а девочки, за редким исключением грезили об ипостаси валютных прости-

туток. И телевидение того времени всячески подпитывало эти мечты у неокрепшего духом поколения, тиражируя и героизируя образы удачливых бандюганов и роковых красоток «полусвета», торгующих своими телами налево и направо. И заметьте, ни одной передачи, ни одного фильма, где бы был показан положительный образ человека труда. А если где-то и мелькал такой персонаж, то, как правило, он был маргинализирован. «Святые девяностые», слава Богу, канули в Лету. Большинство таких мечтателей перестреляли друг друга, вместе со случайно подвернувшимися под руку «подружками» и теперь о них напоминают лишь роскошные надгробия из черного мрамора на местных кладбищах. Тем не менее, одно поколение мы, таким образом, потеряли, в прямом смысле. Следующее поколение родившихся уже в 80-х годах, видя, к чему приводит бесконтрольный просмотр «Крестных отцов» и «Последних донов», быстро смекнуло о мрачных перспективах своего существования, поэтому попыталось в силу своего разума несколько сменить ориентиры. В начале «нулевых» юноши уже мечтали о карьере банкира и олигарха. Девочки тоже видоизменили свои вожеления, но не слишком радикально. Не о карьере учителя и врача грезили они в своих девичьих сновидениях. Нет. Теперь они все поголовно захотели стать артистками и певичками. Видимо сильно сказалась на их неокрепшей психике новость о баснословных гонорарах звезд эстрады и кинематографа. И опять-таки наши массмедия сделали все, чтобы укрепить

их в своих несбыточных метах. Как из рога изобилия посыпались конкурсы для желающих покорить Парнас, либо еще какую из вершин. Тут же стали появляться всякие «фабрики звезд», «танцы со звездами», «минута славы» и прочая дребедень, которая окончательно свихнула мозги молодежи, ни в какую не желавшей трудиться. Но и это еще было бы полбеды. Кинувшиеся покорять столицу молодые люди к вящему своему недоумению вдруг обнаружили, что все лакомые места уже давным-давно заняты либо более шустрými ровесниками из местных, либо «старой гвардией», которая отнюдь не спешит сходить с пьедестала славы. В результате, подавляющему большинству провинциалов, жаждавших урвать и себе кусочек счастливой жизни, пришлось ретироваться назад, шмыгая носами в немом бессилии. Однажды прикоснувшись кончиками пальцев к красивой жизни «элитарного», с их точки зрения, общества, они, вернувшись домой, по-прежнему не желая работать, но потерявшие смысл существования, стали опускаться по социальной лестнице. Повальное пьянство, рост наркомании, а, следовательно, и преступности, стало визитной карточкой этого поколения. И лишь единицы из них смогли перебороть в себе эти упаднические настроения и взяться за ум. Но все равно и это поколение можно считать утраченным, в том смысле, что ему не удалось реализовать свои устремления к сладкой и беззаботной жизни. Я, конечно, где-то, может быть, утрирую, но в целом картина выглядит именно так. Это по-

коление можно смело назвать «поколением утраченных иллюзий». Прошло еще десять лет. На сцену вышли социальные сети с их необъятными возможностями по проникновению в повседневную жизнь. Но главная и сладкая их прелесть заключалась в том, что они предоставляли равные возможности всем своим участникам заявить о себе всему миру. Вот тут третье поколение молодых сорванцов и решило взять реванш за прошлые неудачи своих предшественников. В отличие от предыдущих эти были более ленивыми, но зато гораздо дальше «продвинутые» в плане обращения с гаджетами. Мало того, что социальные сети предоставили им возможность заявить о себе во всеуслышание, так они еще и помогли им конвертировать свою известность в звонкую монету. Вот уж где началось пиршество фантазий! Для всех не желавших брать в руки кайло и лопату, образно выражаясь, возможность зарабатывать деньги не выходя из дома, стала поистине волшебной палочкой-выручалочкой. Для этого всего-то и надо было, что выделиться чем-то особенным из толпы таких же. Вот и полезли, как тараканы из щелей всяческие «блогеры», «тик-токеры», «фрилансеры» и прочая шелупонь. Кто по выражению бывшего руководителя «Сбербанка» является лицом современной России?

– Кто? – как эхом отозвался Афанасьев.

– Даня Милонин – бесполое и бестолковое существо, кривляющееся в женском белье перед всей страной.

– Тьфу, ты, гадость какая! – сплюнул диктатор, припомни-

ная, что где-то уже наблюдал это существо без мозгов, но с непомерным аппетитом.

– Их роль в экономике и социальной жизни государства, – продолжал Душенин, – нельзя оценивать однозначно. Да, они в какой-то мере сняли напряженность на рынке труда, где царила безработица, вызванная повальным закрытием предприятий в прошлые периоды. Однако следует заметить, что в условиях, когда в стране начинается реиндустриализация, они являются существенной помехой, отнимая будущие кадры производителей, потому что вести блоги и заниматься интернет-продажами гораздо удобнее, чем вкалывать на заводе или в КБ. А их, уже раз вкусивших легких денег на этом поприще, вернуть в реальный сектор экономики представляется делом почти неподъемным. Так что, выходит мы и тут потеряли немалую долю активного населения, выпавшего из производственной цепочки. И все это опять же благодаря недалёковидной политике государства в области пропаганды труда. Вот и как после этого быть?! – развел он руками.

– Да уж, мрачную вы нарисовали картину. Хоть в гроб ложись и помирай, – проворчал Валерий Васильевич. – Но ведь все равно надо что-то делать. И с чего-то начинать.

– Надо, конечно. Я помню, когда еще было всего-то два федеральных канала, и то детских передач была целая уйма. Перечисляю по памяти, навскидку: «В гостях у сказки», «Будильник», «Орленок», «Веселые нотки», «Умелые

руки», «Ребятам о зверятах», «Выставка Буратино», «Хочу все знать», «Шахматная школа», «АБВГДейка». Причем, заметьте, все эти передачи были направлены на воспитание в детях творческой жилки и любознательности. Много детских спортивных передач, таких, как, например «Веселые старты», «Мама, папа и я – спортивная семья», направленных на укрепление семейных ценностей. А что имеем сейчас, кроме «Спокойной ночи, малыши»? «Голос. Дети» – скандальное шоу с отпрысками «звездных» родителей, да дебиловатая «Устами младенца». Есть, правда, еще пара-тройка подделок, но это уже – «полный отстой», как любит выражаться мой внук.

– Ну, я думаю, что с вашим приходом на телевидение, дела поправятся, – выразил робкую надежду на перемены Валерий Васильевич.

– Вряд ли мой приход сможет что-то кардинально изменить, даже если мы полностью переформатируем сетку вещания, – возразил ему Юрий Константинович, разом спуская диктатора с небес на грешную землю.

– Это почему же?

– Во-первых, яд внутреннего разложения уже слишком далеко проник в тело организма всего населения. И возвращением на «первый канал» щемящей до слез передачи «От всей души» с незабвенной Валентиной Михайловной тут дело не поправишь, – покачал головой пожилой мужчина.

– Я же вам сказал, – недовольно поморщился Афана-

сьев, – что ваше назначение руководителем «Первого» – всего лишь начальный этап общего наступления. Это, как бы сказать, разведка боем. Если она удастся, то в прорыв можно будет бросить и все остальные штурмовые части под вашим водительством.

– Не удастся, – опять с печальной уверенностью констатировал Душенин.

– Вот те, на! – не выдержал и всплеснул руками диктатор. – Начали за здоровье, а кончили – за упокой?! Извольте пояснить!

– А во-вторых, – продолжил Душенин голосом почти отстраненным, – за тридцать лет на нашей поляне вырос такой монстр, которого нам одолеть будет почти невозможно. И имя этому монстру – Интернет. Мало того, у него самого подросток, не менее могучий...

– Не пугайте меня, – поежился Афанасьев, в душе соглашаясь с печальными выводами гостя.

– Куда там, пугать вас?! Я и сам боюсь, – горько усмехнулся бородач. – А сыночка-то зовут «Ютубом». И в придачу к ним – куча сестреночек под общим названием «социальные сети».

– Что? Все так серьезно, по-вашему? – как-то разом осунулся Афанасьев.

– Серьезней некуда, – задвигал бородищей Душенин. – Я тут недавно натолкнулся на серьезное социологическое исследование. К сожалению, не наше исследование, а зарубеж-

ное. Наши еще так глубоко «копать» не научились или опасаются. Так вот, они там у себя пришли к выводу, что современная молодежь, да и не только она, в подавляющем своем большинстве, просмотру телевизора предпочитает Ютуб, ибо тотально не верит в то, что на них льется с телеэкранов. А все остальное время проводит на просторах социальных сетей, заменив натуральное общение виртуальным. И это неудивительно, ибо Ютуб предоставляет информацию и развлечения на любой вкус по одному клику на сенсорный экран. А общение в социальных сетях, где можно скрыть свою личину за любым никнеймом дает возможность нивелировать свои внутренние комплексы неполноценности. Ведь это громадный соблазн для неокрепших душ казаться окружающим не тем, кто ты есть на самом деле. Телевизионная аудитория, к сожалению, стремительно «худеет» – не по дням, а по часам. И бороться с этой тенденцией – невероятно сложная задача.

– Насчет борьбы с иностранными социальными сетями вопрос можно быстро решить, – пошмыгал носом диктатор. – Обложить их такими штрафами, что они сами либо разорятся, либо закроются. За поводом ходить далеко и не надо. Всегда есть за что зацепиться. Скорее всего – закроются, потому что платить явно не будут, ссылаясь на юрисдикцию. А не захотят уходить, так мы их быстренько прикроем, но уже по решению нашего суда – Басманного, – оскалил рот в недоброй усмешке диктатор. Опыт борьбы с ними уже

имеется. Не дали им в конце июня поднять и организовать мятеж, и сейчас не дадим тем более. Ютуб тоже можно притормозить при надобности.

Блогеры на нет изойдут, продвигая свой контент.

– Нельзя что-либо отнять и запретить, не предложив при этом некоей альтернативы, – передернул плечами Душенин, который тоже, по сути, был блогером. – Потому, как это грозит социальным взрывом. Наше общество и так сейчас находится в состоянии хрупкого равновесия из-за ограничительных мер, связанных с ковидом, будь он неладен.

– То есть, как я понимаю, вы считаете бесполезным ваше назначение на эту должность? – почесал невольно за ухом Афанасьев, пребывая в явном затруднении.

– Отнюдь. Все равно, с чего-то, да надо начинать. Даже имея плохие карты при сдаче, всегда можно надеяться, либо на то, что в колоде еще полно козырей, либо на то, что твой противник где-нибудь, да ошибется. В конце концов, всякая лавина начинается с одного маленького камешка, скатившегося вниз. Вот я и попробую стать этим камешком. К тому же начинать работать надо по всем фронтам и желательно одновременно.

– Это вы о чем сейчас? – не понял диктатор.

– О борьбе с монстром в лице Ютуба, – ответил Душенин.

– Вы можете предложить что-то более действенное, чем искусственное торможение трафика? – скорчил недоверчивую гримасу Афанасьев.

– Скорее, в дополнение к нему, – опять огладил бороду Юрий Константинович.

«А он ведь не так-то прост, как в начале казался» – с удовлетворением отметил про себя Афанасьев, разглядывая сидящего напротив собеседника. «Он у нас, оказывается, еще тот хитрован» – продолжал размышлять Валерий Васильевич, а вслух спросил:

– И чем же вы желаете дополнить, предложенные мной полумеры?

– Подобное лечится подобным, как говаривали древнегреческие целители. Пока подписчики Ютуба нервно бьют по клавишам, в чаянии ускорить прохождение сигнала и судорожно тыкаются в «поисковик», отыскивая подходящий и желательно бесплатный VPN, надо выставить на ринг своего бойца. Причем, боец такой уже имеется. Правда, это чахлая и не совсем разумное дитя наших доморощенных «ченов» и «хёрдли», в настоящий момент к серьезной битве не готово, но то, что оно хотя бы уже существует, уже небольшая победа.

– Имя, сестра, имя? – шутливо подначил гостя Афанасьев фразой из известного кинобестселлера.

– Рутуб, – коротко ответил тот.

– Я краем уха, что-то слышал про него, – покрутил носом Афанасьев, – но сказать что-то более конкретно не могу. Не владею информацией, – беспомощно развел он руками.

– Это отечественный видеохостинг, созданный, в свое

время, двумя коммерсантами, по мотивам произведения Лукьяненко «Дозор». Сейчас у них идут дела из рук вон плохо. К тому же они на этой почве сильно не ладят друг с другом, – выдал скупую информацию Душенин.

– Конкретно, что вы предлагаете с этим сделать? – спросил в упор Валерий Васильевич.

– Хорошо. Скажу, – не стал запираяться Душенин. – Я предлагаю государству выкупить их доли в этом проекте. Если им нормально заплатить, то, думаю, возражений с их стороны не будет. Они только вздохнут с облегчением. А потом этот видеохостинг передать мне в доверительное управление.

– Но зачем вам, как вы сами только что выразились, это хилое и убогое дитя?! – откровенно удивился Верховный даже не наглости, а элементарной недалёковидности своего будущего соратника.

– Не Голиаф побил Давида, но Давид Голиафа, – опять стал напускать тумана Душенин.

– Хватит ли у вас сил накачать его мускулами для борьбы с великаном? – продолжал недоумевать диктатор.

– Сил хватит, – уверенным голосом произнес Юрий Константинович. – У меня тут подобралась неплохая команда из молодых и талантливых ребят, хорошо разбирающихся в делах подобного рода. Поэтому сил хватит, а если вы еще не пожадничаете и средств подкинете, то и подавно, управимся.

– У вас уже имеется план операции? – хитро прищурился

Афанасьев.

– Ну, план не план, а наметки кое-какие имеются, – ответил тот с такой же хитринкой в глазах.

– Не поделитесь? Я должен заранее знать, за что придется платить.

– Тут дело даже не в деньгах, хотя и в них тоже, а в технической оснащённости проекта. Все дело зависит от двух факторов – хранилища информации и ее защите. Я слышал, что под Норильском вскоре откроется огромный data-центр. Было бы весьма кстати выделить в нем некоторый объем для хранения контента. Ну и соответственно привлечь специалистов из МО для защиты от взлома всего, что там будет находиться.

– А деньги? – перебил его Афанасьев.

– Когда Ютуб начнет серьезно тормозить, то армия блогеров ринется на поиски альтернативы. К этому времени надо будет уже приготовить хранилища, а по всем медиа-ресурсам провести мощную рекламную кампанию по переводу контента на новый видеохостинг. У Ютуба есть один большой плюс и один большой минус. Плюс заключается в монетизации видео-контента, а минус в беспощадной цензуре всего, что не укладывается в рамки его идеологии. Если ввести на Рутубе монетизацию, то блогеры с удовольствием потянутся туда. Кстати, наиболее «продвинутых» блогеров, можно будет поощрить деньгами за перенос своего контента на новую платформу. А если еще и проводить не такую

агрессивную цензуру, то и вовсе можно будет мечтать о собственном сегменте «всемирной паутины». Поэтому деньги понадобятся на рекламу и на первичную монетизацию. А когда народ валом повалит туда, то вслед за ним непременно придут и рекламные агентства, что, соответственно, снизит существенно нагрузку на бюджет новой организации.

Когда Душенин произносил эту пламенную речь, то глаза его сверкали неистовым блеском убежденного в своей правоте человека. Так могли сверкать глаза разве что у самого Савонаролы, призывавшего паству с амвона флорентийского Собора Санта-Мария-дель-Фьоре к неповиновению Римскому Папе. И это зрелище завораживало даже такого флегматично настроенного на все Афанасьева.

– Судя по вашей зажигательной речи, перспектива возглавить конкурента Ютубу вас привлекает гораздо больше, чем должность руководителя «Первого канала», – не без сожаления констатировал Верховный.

– Да, – не стал скрывать чувств Душенин, – но я не собираюсь отказываться от этой должности. Я считаю, что сейчас, как никогда нужна согласованность действий между главным телеканалом страны с нарождающейся медиа структурой. Уж с самим собой я всегда смогу найти общий язык.

– Ну, что ж, как говорится, Бог в помощь! – торжественным голосом провозгласил Афанасьев и вновь нажал кнопку селектора. – Товарищ Михайлов, вы на месте?

– Так, точно! – донеслось из динамика.

– Зайди.

Только Афанасьев успел сказать слово, как адъютант уже стоял на пороге, будто подслушивал у дверей.

– Как там дела с приказом, доверенностью и пропуском?

– Приказ готов. Доверенность тоже. Уже ждут на КПП. А пропуск надо еще чуток обождать, – тут же отрапортовал адъютант.

– Отлично. Теперь слушай новое задание. Свяжись с Отделом Информационной Безопасности и пусть его спецы подготовят мне к вечеру все материалы, касающиеся онлайн-сервиса Рутуб. Все данные на него, его хозяев, финансовое положение и внутреннюю структуру – мне на стол. Задача ясна?

– Так, точно!

– Юрий Константинович, вы, когда собираетесь посетить свое новое место работы? – обратился Афанасьев к Душенину?

– Завтра же с утра и нагряну, – отвечивал бравый моряк.

– Борис Борисыч, в связи с этим направь-ка завтра с утра ца взвод спецназовцев для моральной, а возможно и физической поддержки товарища Душенина.

– Может не надо? – подал голос Юрий Константинович.

– Надо-надо, – хихикнул диктатор. – Знаю я эту публику. Пока коленом в морду не хряснешь – ни за что не пошевелиятся. А вам, Юрий Константинович, я посоветую, прежде

чем идти и занимать свое кресло, сначала посетить банк и заблокировать все счета телеканала, чтобы они там были поговорчивее.

– Видимо, вы знаете, о чем говорите, поэтому приму ваш совет с благодарностью, – широко развел руки в стороны Душенин.

– Знаю. И еще попрошу у вас, Юрий Константинович, в недельный срок представить мне новую сетку телевещания. Хотя бы в набросках.

– Постараюсь, – произнес Душенин, вставая с креслица, понимая, что на этом его визит к всесильному владыке окончен.

II.

На экстренно созванное заседание Высшего Военного Совета прибыли все члены. Даже те, кто по роду службы сейчас не мог находиться в Москве, исхитрились прибыть на него, воспользовавшись услугами доблестных ВВС. В иной раз можно было бы отделаться и дистанционным заседанием, что нередко уже случалось, когда дело касалось рутинного заседания и голосования за принятие того или иного законодательного акта. Но только не в этот раз. Адъютант Афанасьева, лично отвечающий за созыв, в отличие от устоявшейся практики Секретариата, особо подчеркнул при беседе с каждым из членов о сугубой конфиденциальности и

личном присутствии каждого. Конфиденциальность объяснялась не только тем, что вопросы, рассматриваемые на нем, имели гриф «совершенно секретно», но еще и тем, что на нем подразумевалось одновременное присутствие всех владельцев «ядерных чемоданчиков», что шло вразрез со всеми писаными и неписаными правилами безопасности. Ровно в два часа по полудни, все приглашенные собрались в ставшем уже привычным для заседаний зале-амфитеатре, прозванном кем-то из местных остряков «военным парламентом». Высокое собрание открыл сам Верховный:

– Протокольная группа на месте? Ага. Вижу. Ну, что ж, приступим. Товарищи, члены Высшего Военного Совета Российской Федерации, я полагаю, что вы уже все догадались о причинах созыва внеочередного и конфиденциального заседания. В связи с утренними событиями на нашем Севере и в Белгороде, нам сейчас предстоит выработать решение по реакции России на вопиющее нарушение ее суверенитета и массовое убийство граждан. О подробностях случившихся инцидентов вы и сами уже извещены, а потому я не стану утомлять вас лишними пересказами. От себя могу добавить только то, что на этот раз не удастся спрятаться за дипломатическими формулировками с выражением «решительного протеста» и вынесением 100500-го решительного и последнего «китайского» предупреждения. Ответ нужно будет дать твердый и однозначный. Иначе нас не поймут ни враги, посчитав нас в очередной раз слабаками, ни потенци-

альные друзья, ждущие от нас наконец-то решительных телодвижений. А самое главное – нам не простят нерешительности наши собственные граждане, поверившие и доверившиеся нам. Это то, что касается нападения на Белгород. Что же насчет атаки американцев на наш объект в Белушьей, то там, как мне кажется, у нас еще предстоит серьезный разговор с руководством Соединенных Штатов. Затягивать дебаты считаю делом малопродуктивным, поэтому прошу желающих высказаться коротко и по существу. Прошу высказываться.

Первым поднял руку Командующий Дальней авиацией.

– Сергей Иванович, я почему-то так и думал, что вы первым захотите высказаться, – заметил Верховный. – Прошу.

– Товарищи! – воскликнул, откашлявшись, генерал-лейтенант Кобылин. – Ну, сколько можно терпеть выходки бандеровской Украины?! Ведь сил уже никаких нет терпеть этот беспредел! Шесть лет они ежедневно терзают республики Донбасса! Каждый день мы читаем сводки и смотрим по телевизору, что, то тут, то там убили мирных людей. Русских людей, замечу.

– Попрошу не скатываться до банального национализма, – перебил его спикер. – Мы страна многонациональная и для нас смерть любого мирного человека должна быть неприемлема.

– Простите. Вырвалось. Можно продолжать?

– Можно, только, пожалуйста, без лозунгов. Только ваше

предложение, – согласился Афанасьев.

– Хорошо. Первого июля после того, как они пошли на приступ Донецка, мы им дали по мордасам. Крепенько дали. Они затихарились на два месяца. И вот опять проснулись, но теперь уже непосредственно по нашей территории. Значит, урок на пользу не пошел? Надо повторить. Только в кратном масштабе.

– Генштаб противника уже разрушен. Куда предлагаете целиться? – вопросительно выгнул бровь Валерий Васильевич.

– Разве нет больше целей в Киеве кроме Генштаба? – в свою очередь задал риторический вопрос Кобылин. – А Банковская? А офис этого клоуна-наркомана? В конце концов, бить надо по тому, что буржуи ценят более всего. А ценят они свое имущество, недвижимость и прочее барахло. Смешать с землей Межигорье – аналог нашей Рублевки. Пусть их кондрашка хватит от потери дворцов.

– Оно, конечно, неплохо бы, – встрял, как всегда, полный тезка командующего Дальней авиацией, сидевший в Президиуме по правую руку от Верховного. – Да вот только после июльского отлупа дураков там не осталось. Они прекрасно знают, что ответ им непременно прилетит. А значит, ни на Банковой, ни в офисе президента, нам никого застукать уже не получится. Все они уже попрятались по крысиным норам. И во дворцах, кроме прислуги нет никого. А дворцы они вновь отстроят на уворованные деньги.

– У вас, Сергей Иванович, имеется, на сей счет какое-то предложение? – всем корпусом повернулся к нему Афанасьев.

– Имеется, – не стал отпираться Начальник Главного Оперативного Управления, – но позвольте мне его высказать чуть позже? А сейчас, хотелось бы выслушать других ораторов.

– Добро, – согласился Верховный.

– У вас товарищ генерал-лейтенант, имеются еще какие-либо соображения? Нет? Хорошо. Кто еще желает высказаться?

На этот раз поднял руку сам нынешний Начальник Генерального Штаба.

– Прошу вас, Николай Васильевич, – обратился в сторону Богданова диктатор.

Тот встал и, одернув на себе китель заговорил:

– Если перед нами будет поставлена задача по уничтожению того или иного объекта на сопредельной территории, то мы ее, безусловно, выполним. Но мне хотелось бы затронуть немного другую тему.

– Надеюсь, что связанную с этой, – вставил Афанасьев.

– Разумеется, – подтвердил генерал-полковник. – В прошлый раз, прежде чем нанести удар по противнику, нами были предварительно предприняты меры дипломатического характера. А именно, напомним вам, этому предшествовало заседание Совбеза ООН. И хоть это действие не принесло

каких-то зримых результатов, формальность была соблюдена.

– Желаете заручиться поддержкой ООН? – ухмыльнулся Юрьев, сидящий слева от Афанасьева. – Не получится. Так же, как и в прошлый раз, все окончится бурной дискуссией.

– На результат я и не рассчитываю. На него может надеяться только наивный дурачок. Все дело в соблюдении определенного ритуала. Это как кидание перчатки в лицо противника перед дуэлью.

– Пока мы будем разбрасываться перчатками, они будут нас лупить по морде, – проворчал Рудов.

– Но если в ответ на их кровавую акцию, мы предпримем свою, то чем, тогда мы будем отличаться от них? – продолжал отстаивать свое мнение Начальник ГШ.

– Я смотрю, Николай Васильевич, вы очень хотите понравиться мировому сообществу своим благородным отношением к врагу? – прищурился Сергей Иванович. – Вы понимаете, что пока мы собираем Совбез, пока проводим ничемные дебаты, наш противник успеет подготовить страны, так называемой «западной цивилизации» к тому, что русские спровоцировали против себя ракетную атаку. Они даже могут обвинить нас в том, что мы сами спланировали и сами же обстреляли свой город. С них станется. А теперь мы якобы готовимся в ответ на это, провести свою акцию с целью обезглавить страну, выбравшую путь демократии. Самое удивительное заключается в том, что им поверят просто на

слово, не вдаваясь в детали. Наша задача – не дать им время на подготовку общественного мнения.

– Я, товарищ Рудов, не меньше вашего желаю перемешать с кучей дерьма всю эту бандерлоговскую сволоту, однако, при этом, хочу, чтобы брызги крови из его расколотого черепа не заляпали мой парадный мундир, – покраснел от негодования Богданов. – А насчет европейского общественного мнения, то оно, в этом случае, просто обвинит нас в развязывании войны, если мы пойдем по пути эскалации, предварительно не заявив своей позиции на международной арене.

– Прошу всех успокоиться, – вмешался в спор, грозивший перейти на личности, Афанасьев. – Мне нравится предложение Николая Васильевича. Проформу, конечно же, надо соблюсти. Не нам отменять дипломатический этикет.

В зале приглушенно загудели. Очень многие были на стороне пылкого Начальника Главного Оперативного Управления.

– Попрошу тишины! – постучал торцом авторучки по столу Афанасьев. – Для сомневающихся хочу пояснить свою позицию по данному вопросу. Я целиком и полностью поддерживаю позицию Николая Васильевича вовсе не из природного чистоплюйства. Отнюдь. Если надо, то я крови не побоюсь, вы меня знаете. Но..., – сделал он театральную паузу, одновременно обводя амфитеатр пристальным взглядом, – во-первых, я не желаю эпическую схватку с мировым злом превращать в банальную потасовку между двумя хулиган-

ствующими подростками. А без соблюдения положенного в таких случаях ритуала, это и будет выглядеть, как драка, в которой неизвестно кто больше виноват и кто зачинщик. Во-вторых, ответу по поводу скорости нашего «ответа». Кто из вас, здесь присутствующих, помнит, сколько длилась подготовка к удару по украинскому генштабу? Месяца два, как минимум – еще при покойном президенте мы начали прорабатывать этот план. А мы с вами, даже еще не договорись по объекту для нанесения ответного удара. Так что, в любом случае, какое-то время все равно пройдет. И эту оперативную паузу, как раз и можно использовать для вынесения на заседание Совбеза ООН. Пользы от этого, конечно, не будет, но и худа, не ожидаю. К тому же у меня, как и у всех вас, сложилось впечатление о нерушимой связи между налетом на Белгород и инцидентом на Севере. А так как он закончился для наших врагов полным фиаско, то здесь я вижу непаханое поле для дальнейшей дипломатической торговли с президентом США. Смею надеяться, на то, что я довольно четко донес до вас свою личную позицию по данному вопросу.

Ответом на его реплику было согласное молчание высшего генералитета. Верховный вновь поверх очков обвел взглядом всех присутствующих.

– Полагаю, что ваше громкое молчание есть, не что иное, как, согласие с тем, что я сейчас вам сообщил, – медленно проговорил он, продолжая оглядывать амфитеатр. – Теперь, давайте подумаем о том, в какое место мы хотим ударить

врага, чтобы нанести ему максимально чувствительный материальный и репутационный урон. Кто желает высказаться по данному вопросу?

На этот раз руку поднял Начальник Штаба РВСН.

– Говорите, Иван Федорович, – поощрил его кивком головы диктатор.

– Трудно быть «ястребом» большим, чем наш дорогой Сергей Иванович, и все-таки я попробую, – начал генерал-лейтенант Равва. – Но сначала поставим себя на место нашего противника. Он прекрасно знает, что в любом случае его действия не останутся без ответа. И наверняка они там у себя к этому уже приготовились. Поэтому, как уже было отмечено ранее, наносить удары по высшему эшелону власти не имеет никакого смысла. На местах их нет. Предполагаю, что они находятся на одной из станций метро, приспособленной под бомбоубежище. Почему метро, а не бункер спросите вы? Отвечу. Схема расположения киевских бункеров нам хорошо известна. Глубина их залегания не превышает, как правило, тридцати метров. А это та глубина, что не является препятствием для наших новых «Искандеров» и уж тем более «Кинжалов». Мы об этом знаем, и они, скорее всего, тоже об этом осведомлены. Поэтому они все будут сидеть в метро, так как уверены в нашем благородстве, запрещающем подвергать опасности жизни мирных граждан, пользующихся услугами этого транспорта. Наносить удар по скоплению военной силы противника, тоже не выход. Последние дан-

ные спутниковой разведки говорят о том, что значительной концентрации военных сил нигде не наблюдается. Наносить удары по заглубленным командным пунктам не имеет смысла по тем же самым причинам, да и не вызовет никаких существенных потрясений в тамошнем обществе.

– Что вы предлагаете? – нетерпеливо перебил его Афанасьев.

– Остается не так уж и много вариантов, – продолжил ракетчик. – Как это не прискорбно говорить, но самым действенным методом ответа будет только нанесение симметричного удара по гражданскому населению. Остается только выбрать город, который можно будет раскатать, как на блюминге.

– Предлагаю – Киев! У меня там теща живет! – выкрикнул с места Командующий Восточным Военным округом.

– Почему сразу Киев?! – возразил, тоже не вставая, контр-адмирал Кульбас. – У меня может тоже имеется теща, проживающая во Львове! К тому же там – колыбель бандеровщины. Вот и жахнуть по ним, чтобы больше не бегали тут с факельцугами.

– Правильно! – поддержал его кто-то с верхнего ряда. – В Киеве все еще находится немало трезвомыслящих людей, которые сейчас просто вынуждены скрывать свою позицию.

– Станет ли удар по Киеву соразмерным ответом? – засомневался генерал-полковник Сердополов – Командующий ВДВ. – Все-таки Белгород это не столица.

На него тут же зашикали со всех сторон:

– Как не стыдно?! Что это вы задумали тут устраивать местничество?! Безобразие! Чем это Белгород хуже Москвы?!

От такого дружного напора коллег по цеху, бравый вэдэвэшник, только поглубже втянул голову в плечи. Афанасьев тоже внес свою долю в осуждение, укоризненно покачав головой.

– Товарищи, прошу вас соблюдать порядок и тишину, – вновь постучал он ручкой по столу. – А вам, Андрей Николаевич, – обратился он к красному, как помидор Сердополову, – замечу, что нашей задачей, в отличие от киевского режима, является не банальный обмен ракетными ударами, а предотвращение повторения утренней трагедии. То же самое хочу сказать и вам, товарищ Жидков. Уничтожение части киевлян, если на то будет принято решение, должно нести нам пользу, как бы это кощунственно не звучало. А в вашем предложении, без указания причины, я никакой пользы для нас не вижу. Еще раз подчеркиваю, что я за то, чтобы наша месть была не менее кровавой, но при этом еще и принесла некие дивиденды. К тому же вы не учитываете какой вой и хай может подняться в мировых СМИ, если после нашего массивного удара по Киеву, с головы какого-нибудь западного дипломата упадет хоть волос. Ведь мы не можем гарантировать, что этого не произойдет. У кого есть еще, какие либо предложения?

На этот раз руку вытянул заместитель Министра обороны по науке и инновациям – генерал армии Поповский.

– Мы вас внимательно слушаем Павел Анатольевич, – произнес Афанасьев, давая тому слово.

– Коли речь зашла о выгоде, то я предлагаю ударить по мостам через Днепр, а также по узловым железнодорожным станциям и тяговым подстанциям. Эта мера обрушит экономику Украины, и в то же время не будет сопровождаться массовой гибелью гражданского населения. Насколько я помню, в прошлом году мы уже прорабатывали подобный сценарий на тот случай, если пан Порошенко окончательно потеряет голову и ринется на штурм Донецка.

– Я помню это событие с планированием, так как сам принимал непосредственное участие в нем, – поморщил нос Верховный не любивший столь откровенной лести в свой адрес. – И план, действительно был хорош. Но я, также помню и то, что он не был принят в окончательную разработку. А не принят он был потому, что это был план не ответного разового мероприятия. Это был план полномасштабных боевых действий. Вот когда мы решим, что у нас не останется ничего, кроме как начать войну, вот тогда мы его достанем, сдуем пыль с его страниц и доработаем до конца. И еще хочу добавить к сказанному. Этой акцией мы экономику Украины не разрушим. Во-первых, потому что через Днепр проложен не один мост, а целых двенадцать, если мне не изменяет память. И во-вторых, железнодорожные развязки и тяговые

подстанции ремонтируются довольно быстро. Два-три дня и ущерб от налетов будет купирован. Для вывода из строя этих элементов потребуется систематическое их разрушение, чего мы себе позволить не можем, не вступив в полноценную войну, к которой мы, кстати говоря, опять не готовы. Все, как и прежде на наших просторах – Россия не готова. И будет не готова еще как минимум пару лет. Убедил? Есть еще желающие высказаться? Нет? Сергей Иванович, вы вроде бы тоже хотели внести какое-то предложение, – обратился с полувопросом Валерий Васильевич к «пруссаку».

– Да. Выскажусь, – поднялся Рудов. – То, что сегодня произошло в предрассветные часы, является вопиющим фактом наглости со стороны киевских бандитов. И каждый, у кого все в порядке с логикой может догадаться, что эта акция была явно согласована с заокеанскими кураторами бандеровского режима. Им дали «зеленый свет», без которого они никогда бы не решились на такую провокацию. Там, за океаном, в очередной раз захотели проверить нас «на слабо». Следовательно, и наш ответ должен быть не только Киеву, но и Вашингтону. Иначе в следующий раз ракеты полетят уже на Красную площадь. Мы должны воочию показать мировому сообществу, что все прежние «красные линии» ими уже пересечены. Дальше нам отступать просто некуда. Они уничтожили наше прежнее руководство, теперь принялись за уничтожение простых обывателей. Если мы опять утремся, то нас не поймут ни наши граждане, ни наши потенци-

альные союзники, которые теперь сто раз подумают, связываться с нами или бросить, переметнувшись к нашим врагам. Такая вот печальная действительность.

– А нельзя ли поближе к теме? – недовольно дернул щекой Афанасьев, чувствуя, как его друг покусился на его по политическую «поляну», которую он уже привык окучивать сам за эти два с половиной месяца пребывания у власти.

– Можно и поближе, – не стал возражать Рудов и продолжил. – Если уж нам нельзя, как тут было сказано, развязывать полномасштабную войну, а акция должна быть разовой и одновременно устрашающей и отвращающей наших врагов от повторения чего-то подобного, то это должна быть акция по уничтожению чего-то крупного и ценного. Боюсь показаться скучным, однако рискну повторить предложение товарища Кульбаса, высказанное им на эмоциях. Добавлю лишь красок и свою аргументацию.

– Добавляйте, – буркнул Верховный, сложив губы бантиком, как примерная институтка на экзамене.

– Степан Петрович предложил нанести удар по Львову, как рассаднику необандеровщины. Я предлагаю пойти еще дальше. Не просто нанести удар, а стереть в пыль весь город, со всеми жителями. Так, чтобы даже хоронить было некого. Поясняю свою кровожадность. Это должна быть не просто ответная акция, а месть жуткая и кровавая, бьющая по самой психике тех, кто задумал поднять руку на гражданина России. Помните, как в 90-е наемники всех мастей, окопав-

шиеся на Северном Кавказе, не просто убивали попавших к ним в плен наших солдат, но еще и на видео снимали жуткие сцены казни с отрезанием голов? Цель у них тогда была одна – оказать морально-психологическое воздействие на общество. И им это в некоторой степени удалось сделать, иначе бы не было позора в Хасавьюрте. Тоже самое надо сделать и нам, только в гораздо больших масштабах. Большая страна должна внушать большой страх. Скажете, что я мясник? Не стану спорить. Да, мясник. Но после этого, пусть каждая тварь не думает, что сможет избежать кары, находясь в дальнем конце страны. Мы ровняем с землей рассадник неонацизма. И пригрозим это делать впредь, дабы нацистские шествия в самом Киеве были потише и пожиже. А за океаном пусть поймут, что есть предел и нашему терпению. И что нам теперь самим плевать с верхней полки на всякие там «красные линии». Не дошло до них 1-го июля? Так, может быть, сейчас дойдет. И пусть не думают, что у нас хватило «Калибров» только для одного залпа из акватории Каспия по бармалеям в Сирии. Впрочем, дяде Сэму сейчас будет не до Украины, в связи с их последним фиаско на Севере. Однако пусть знают, что время, когда мы распускали нюни на общечеловеческие темы – прошло, причем безвозвратно. Крови мы не боимся. Нам не привыкать. А вот на изнеженном Западе пусть задумаются о том, что следующей мишенью могут стать сначала Вильнюс, Рига и Таллинн, а затем Варшава и Берлин.

– Эж, вы завернули-то про Варшаву и Берлин, Сергей Ива-

нович, – усмехнулся Афанасьев. – Львов, конечно, лакомая цель, и по большому счету я тоже с удовольствием отбомбился бы по нему. Но вся закавыка заключается именно в том, что в этом городе, как на грех, расположена целая куча западноевропейских консульств. И спрогнозировать реакцию европейских государств после массированной атаки не составит большого труда. Мы и так сейчас на грани дипломатического разрыва, а после того, как нанесем удар по Львову, наши неприятности можно будет смело помножить на сто. А теперь прибавьте к этому эмбарго на экспорт и бойкот на импорт товаров и услуг, перемещаемых через границу.

– Управимся, не впервой! – запальчиво возразил Рудов. – Импорт, экспорт, поток транзакций и туристов сейчас и без этого на минимуме, в связи с ковидом. Ну, будет еще чуточку трудней. Задействуем параллельные структуры. Выкрутимся.

– Вы-то выкрутитесь, – вдруг насупился Верховный, – а как будет выкручиваться Калининград, когда западники, в отместку, перекроют кислород нашему анклаву. И это еще без учета того, что они не сочтут уничтожение своих консульств, предлогом для полномасштабной войны. Будете пробивать Сувалкский «коридор»?

– Если возникнет такая необходимость, то будем пробивать! – сжал кулаки Рудов, демонстрируя свою решительность.

– А вот это уже открытая война со всей НАТО, в которой

уже не они, но мы явимся перед всем миром агрессорами. Подумайте, будет ли тогда Китай или та же самая Индия на нашей стороне? Да и «батьку» белорусского сначала уговорите лишиться последних доходов от связей с Европой. Он вас лично удавит за потерянную «копейку».

В зале прокатился негромкий смех со стороны не лишенных остатка воображения генералов. Это явно не понравилось «пруссаку», привыкшему к тому, что именно его слово является последним и определяющим. Он сощурился и обратился не столько к Верховному, сколько к членам Высшего Совета, давая понять, что готов бросить вызов всем собравшимся за неуместные, с его точки зрения, смешки:

– А вы уверены, что находящаяся в перманентном кризисе Европа, погруженная в хаос пандемией, да еще в преддверии отопительного сезона, захочет с нами воевать не понарошку?

– Насчет Европы не уверен, – сделал попытку согласиться, хотя бы частично, с доводами приятеля, Афанасьев. – А вот американцам, что уже прочно обосновались возле Данцига, ничего не стоит взорвать парочку ядерных фугасов, наверняка уже размещенных там, на случай нашего гипотетического прорыва. И спрашивать никого не будут. Мало того, что в мгновение ока, в пламени ядерного пожара погибнут все наши передовые части прорыва, коих по вашим же подсчетам должно быть не менее пятидесяти тысяч, так еще ядерный гриб накроет всю Калининградскую область. Это

еще полтора миллиона душ, к вашему сведению. И что тогда прикажете делать? Ведь формально взрыв произошел не на нашей территории, следовательно, у нас не будет повода для применения доктрины ответно-встречного удара.

– И вы полагаете, что после всего этого у Штатов еще останутся союзники в Европе? – опять нехорошо прищурился Сергей Иванович.

– Союзников у них и прежде не было, одни вассалы, – беспечно отмахнулся Афанасьев. – Но смею вас уверить, что ни одна мышь в Европе не пискнет против действий сюзерена.

– Ну, вот, начали с Украины, а кончаем Мировой войной, – достаточно громко проворчал Юрьев. – Может, сбавим градус напряжения, товарищи?

Валерий Васильевич и сам уже понял, что несколько перегнул палку в споре со своим другом, поэтому решил все-таки немного подсластить финал перепалки, задевавшей чувство самолюбия «пруссака».

– Сергей Иваныч, дорогой, – в его голосе явно сквозили нотки примирения. – Если случится по-настоящему тревожная ситуация на Западном ТВД, то я первым прибегу к вам с просьбой о разработке плана уничтожения Восточно-Европейского фланга натовской группировки. Все мы прекрасно знаем и по достоинству ценим ваши замечательные качества составителя и исполнителя стратегических наступательных операций. Вы, если можно так выразиться, наш последний туз, бьющий любую карту противника. Но это козырь, кото-

рый необходимо приберечь на крайний случай.

Никак не ожидавший такой грубой лести в свой адрес генерал армии Рудов слегка покраснел от смущения и потупил свой орлиный взор. Было видно невооруженным взглядом, что ему очень понравились последние слова диктатора. В подтверждение этого он принялся украдкой оглаживать свои топорщащиеся усы, что явно свидетельствовало о перемене настроения к лучшему. И тут Юрьев, решил воспользоваться образовавшейся паузой, чтобы без спроса взять инициативу в свои руки:

– Валерий Васильевич, судя по тому, как вы решительно отвергали все предлагаемые планы возмездия, у членов Высшего Совета сложилось впечатление, будто вы имеете свой, отличный от других, вариант действий. Не так ли?

– Если у членов Совета нет больше каких-либо внятных предложений, то я выскажу свое мнение по данному вопросу.

– Прошу вас, высказывайтесь, – выразил общее мнение зала Борис Иванович.

– Извольте. У многих из вас могло сложиться ложное впечатление о моем пацифизме. Уверяю вас, что это не так. Крови врага я жажду не меньше вашего. Но в отличие от большинства присутствующих, я еще вынужден выполнять функции главы государства, который в силу обстоятельств, вынужден еще думать и о таких приземленных вещах, как экономические интересы государства. Мне мало

упиться кровью врага, я еще, ко всему прочему, должен понять с этого выгоду. Все, что предлагали предыдущие ораторы может в лучшем случае принести только моральное удовлетворение, а с учетом изложенных обстоятельств, последующих за нашим ответом, то и того может не быть вообще. Как уже отмечалось ранее, власти Киева ждут, что мы нанесем удар именно по этому городу, ради попытки обезглавить государство. Поэтому, естественно, все ПВО сопредельной стороны будет готовиться к отражению массированной ракетной атаке. И фортель, который нам удалось провернуть в июле, с выключением РЛС на киевском направлении, уже не прокатит. Враги умеют извлекать уроки из своих прежних ошибок, поэтому не станут держать включенными все свои РЛС, опасаясь их нейтрализации. А когда мы будем убеждены, что дорога для наших «Калибров» свободна, то тут-то нас и встретят дружным залпом. И нужного эффекта мы не сможем добиться. Поэтому я сейчас предлагаю, поддержать идею созыва Совета Безопасности ООН, но не срочного. А все время до его заседания посвятить двум вещам. Нужно провести широчайшую пропагандистскую кампанию по освещению событий сегодняшнего утра. Естественно, что Запад слабо отреагирует на наши репортажи о массовой гибели мирного населения. Ну, да я слишком сильно-то на это и не рассчитываю. Хорошо, если хотя бы крупица правды просочится сквозь глухую стену непонимания и отторжения всего, что исходит от нас. Поэтому для этих целей я пред-

лагаю привлечь СМИ, принадлежащие государствам более к нам расположенным или хотя бы нейтральным. Особую роль здесь должны сыграть журналисты с Ближнего Востока, так как они имеют право большего доступа к западной аудитории, чем наши. И им, по устоявшейся традиции, как ни странно, все еще верят обыватели Западной Европы. Второй вещью, на которую нам надо сосредоточить свое внимание является план по непосредственному нанесению удара. Его надо будет тщательно спланировать. И тут я надеюсь, как и прежде на координацию между товарищем Рудовым и товарищем Богдановым. У них уже получалось эффективно взаимодействовать раньше. Думаю и надеюсь, что получится и вновь. А удар надо нанести по самому больному месту Украины – по ее экономике, а вернее, по промышленности, как ее неотъемлемой и составляющей части. Я сначала, так же, как и большинство из присутствующих всерьез рассматривал идею ракетного нападения на флагманов промышленного производства Незалежной. А так как эти флагманы имеют кроме гражданского сегмента производства еще и военный, то одним ударом можно было бы нанести урон сразу двум направлениям. Обрушилось бы гражданское производство, питающее и без того плачевное существование, экономики, а заодно и военное, поддерживающее на плаву милитаристские амбиции сумасшедшего наркомана. А так как, продукция этих предприятий идет еще в немалой степени на экспорт, то мы своим ударом еще нарушили бы и их

международные обязательства, что подорвало и так невысокое доверие к ним. Навскидку могу предложить предварительный перечень производств, которые должны быть уничтожены: «Южмаш», «Криворожсталь», ХБТЗ, «Зоря-Машпроект», «Мотор-Сич». За последний, китайские товарищи нам будут только благодарны. Этот список можно будет и дополнить. Но подумав, как следует, решил несколько подкорректировать первоначальные замыслы. Да, экономику и промышленное производство, как её составляющую, нужно будет, безусловно, выводить из строя. Ещё раз подчеркиваю выводить, а не уничтожать. Ибо оно, это пресловутое промышленное производство, в скором времени может понадобиться и нам самим. Подсчитал я тут на досуге, сколько ракет придется потратить из наших и так невеликих запасов. И аж пот прошиб. Системообразующих предприятий на территории Украины – что-то около восьмисот. И для их гарантированного уничтожения потребуется не менее трех тысяч двухсот ракет типа «Искандер». А у нас в настоящий момент столько нет, даже если мы задействует дорогушие «Калибры» и «Кинжалы». К тому же мы не можем полностью опустошить свои арсеналы. На всякий непредвиденный случай всегда необходимо иметь приличный запас для отражения внезапной атаки со стороны. А между тем, промышленность противника надо каким-то образом гарантированно выводить из строя. Причем, выводить её из строя на достаточно продолжительный срок, – сделал Афанасьев паузу, хитрень-

ко оглядывая из под очков Собрание.

– И, что вы предлагаете? – нервно сглотнул Рудов, заерзав на стуле.

– Я тут недавно побывал в гостях у товарища Новикова – в стенах его министерства. Надо сказать, весьма неглупых людей удалось ему привлечь в свою команду. Они-то меня и навели на мысли, которые я вам поведаю. Все мы прекрасно знаем, что электроэнергия является той кровью, что питает артерии любого промышленного производства. Не будет электричества, то не будет, соответственно, и «кина». Особенность структуры энергогенерации Украины заключается в том, что на 80% она состоит из энергии, вырабатываемой на АЭС и на 20% из той, что вырабатывают всякие там ГЭС, ТЭС, ТЭЦ, львиная доля которых образует каскад по течению Днепра. Уничтожив генерирующие мощности, мы «убиваем» сразу двух зайцев – парализуем промышленное производство, при этом сохраняя само производство для себя, любимых.

Заметив, как нервно начали переглядываться генералы, Афанасьев поспешил их успокоить:

– Нет-нет! Никто не собирается обстреливать атомные электростанции! Боже, упаси! Для паралича, как мне подсказали компетентные товарищи, достаточно уничтожить 750 Квт понижающие подстанции, которые непосредственно от самих АЭС получают энергию. Перережем эту цепочку в самом начале, и конечные потребители останутся сидеть в тем-

ноте. Заменить эти подстанции будет нечем. Тут нужны особые трансформаторы, а это еще советские ГОСТы, и в Европе таких не делают. Оставшиеся 20% электромощностей можно будет добить теми же самыми «Искандерами» целясь в машинные залы ГЭС и ТЭЦ. При тотальном обесточивании военные действия, как правило, вести невозможно. Нарушается не только производство вооружений, но и вся логистика рушится. Нет электричества, значит, по железной дороге добрые европейцы не смогут отправить никакое вооружение, а автотранспортом – не навозишься. Дизель-генераторы тоже ничем не помогут. Во-первых, у них слишком малая мощность, а во-вторых, их ничтожно мало. Я тут подсчитал на калькуляторе. На всё про всё должно хватить полторы-две сотни ракет типа «Искандер». Дешево и сердито. Как вам планчик?

Зал молчал где-то с полминуты. Затем голос подал все тот же Юрьев.

– Кхм, – прокряхтел он, потирая лоб. – А вы у нас Ваше Диктаторское Величество, оказывается, еще тот хитрован. Кто бы мог подумать? – не то, одобряя, не то слегка осуждая высказался он.

– Не знаю, как вам, Борис Иванович, а мне план, нашего Верховного Командующего, очень даже по душе, – пророкотал Рудов, опять разглаживая свои усищи.

Вслед за этим замечанием в зале начали раздаваться одобрительные голоса.

– Кто за предложенный план мероприятий, прошу поднять руки, – произнес Рудов и первым поднял свою руку. Его примеру последовали и остальные.

Глава 55

I.

08.09.20г., США, округ Колумбия, г. Вашингтон, Пенсильвания авеню 1600, Белый Дом.

Еще никто и никогда не видел Президента, пребывающего в такой степени возбуждения. Сказать, что он пребывал в ярости, значит, не сказать ровным счетом ничего. Злые языки утверждают, что в подобное состояние неконтролируемого бешенства в свое время частенько впадал фюрер и тогда он в исступленном состоянии мог грызть ковры в Рейхсканцелярии. Дональду Трампу по этой части сдохлым канцлером Германии было тяжело тягаться, но реветь, как буйвол, потрясая кулаками в воздухе и брызгать слюной во все стороны, выкрикивая проклятья, он умел и делал это поистине виртуозно. Вообще, человеку, в свое время дважды проходившему через процедуру полного банкротства, разыгрывать сценки на подобие этой не составляло большого труда. Но сегодня он был в особенном ударе. Займись он актерским ремеслом, вместо бизнеса, и толпы завсегдатаев Метрополитен-Опера с восторгом бы носили его на своих руках.

Но он выбрал себе другую роль и другую судьбу, которая не совсем прямыми дорожками подняла его на самые вершины власти. И теперь он с неподдельным ужасом наблюдал, как его карьера президента-реформатора, не побоявшегося кинуть перчатку вызова транснациональному властному закулисию, в надежде вырвать из ее лап любимые им Соединенные Штаты, терпела сокрушительный крах. Умудренный немалым жизненным и житейским опытом, он и так догадывался, несмотря на льстивые и бравурные сводки своего предвыборного штаба, что второй президентский срок ему не светит. Уж больно на сильного врага он замахнулся, но, видимо, не рассчитал сил, а главное – не обрел, за время своего правления, нужных союзников, готовых поддержать его стремление сделать Америку вновь великой, во всех смыслах этого слова. Силы, приготавливающие Соединенные Штаты, к закланию во имя власти транснационального капитала, одерживали верх в борьбе с националистически настроенными промышленными кругами. Его любимой Америке предстояло стать расходным материалом в борьбе за гегемонию финансовых воротил, делавших деньги не за счет наращивания реального сектора производства, а за счет финансовых спекуляций «Джи Пи Морган», «Бэнк оф Америка», «Ситигруп» и непомерно раздувшихся, как мыльные пузыри виртуальных гигантов типа «Гугл», «Мета» и «Эппл». Он понимал, что битва, затеянная им, не удалась, а его и до этого не слишком-то дружная команда, начала разбегаться, не

дожидаясь окончания президентской гонки. По имеющимся конфиденциальным сведениям, даже любимый зять – Джаред Кушнер, и тот стал в последнее время приторговывать закрытыми сведениями, видимо, желая напоследок выжать максимум из своего положения доверенного человека первого лица государства. Винить ли его за это? Он и сам бы так поступил, будь у него такая возможность, потому что во все века и у всех народов, в той или иной интерпретации имеется похожая поговорка: «своя рубашка – ближе к телу». Да, президентская карьера рушилась на глазах, причем, самым жалким способом. В другое время, он бы не переживал по этому поводу так сильно, удовлетворившись хорошей пожизненной пенсией и тихой старостью в Мара-Лаго. Но сейчас ему грозила не только отставка, в связи с истечением срока полномочий, но еще и сенатское расследование в связи с последними событиями, а там глядишь, и до реального тюремного срока недалеко.

Вчера на другом конце Земли, где-то в заснеженной и забытой Богом ледяной пустыне полегли разом: краса и гордость Соединенных Штатов, элита спецназа – в полном составе; лучшая атомная субмарина со всем экипажем; секретное судно невидимка, тоже со всеми членами экипажа; нашпигованный новейшей электроникой АВАКС с высокопрофессиональными офицерами разведки; и наконец, стратегический ракетоносец, управляемый самим Командующим глобальным ударным командованием. Вот почему он пре-

бывал в таком безумном состоянии. Бог с ним, со вторым президентским сроком, тут бы вытащить ноги из того болота, в которое его затащил этот проходимец Помпео со своей подружкой «Кровавой Джиной». Его, хитрого и пройдошистого Дональда Трампа, умудрявшегося все время выходить из бесконечных передраг не замочив ног, провели, как лопухого щенка, втянув в авантюру, грозившую перерасти в Третью Мировую войну с применением всех видов ядерного вооружения. И это все, не считая прямого материального ущерба от потери дорогостоящей техники и специалистов обслуживающих ее.

И вот теперь он был вынужден демонстрировать приступы ярости перед застывшей в покорном молчании троицей горе-авантюристов.

– Болван, по ошибке напяливший погоны, вместо того, чтобы носить клоунский колпак! – орал президент на уткнувшегося взглядом в пол Начальника Объединенного Комитета Штабов. – Как смели вы обмануть меня – своего Президента, относительно истинных целей вашей авантюры?! Кто вам, вообще, дал право на применение ядерного оружия?! Своей деревянной башкой, способной только отпугивать ворон с кукурузного поля, вы думали, к чему может привести взрыв хотя бы одной боеголовки?!

– Но ведь была реальная угроза со стороны русских, которую мы хотели купировать, – не отрывая глаз от пола, тихо произнес Милли, желая хоть как-то оправдаться.

– Что вы там мямлите?! – взвился Трамп. – Какая еще угроза?! Угроза – это вы сам для чести и материального благополучия своей семьи, потому, что я вышвырну вас со службы, как непроходимого тупицу и бездарь! Без пенсии!

– Русские могли просверлить дырку в Земле любой величины, это правда, и я не лгу, – продолжал уныло оправдываться Четырехзвездный генерал.

– Лучше бы они просверлили дырку в вашей пустой голове, чтобы там не заводились несвойственные вашему уму мысли! – продолжал бушевать президент.

– Я не виноват, что операция пошла не по плану, к разработке которого я не имел никакого отношения, – попробовал тот неуклюже перевести «стрелки» на Госсекретаря, стоявшего рядом и исходившего потом, отчего в кабинете ощущался неприятный запах.

– Так вы даже не удосужились принять участие в разработке операции?! – продолжил наседать на него Президент. – За что, тогда вы получаете жалованье из казны?! За пространные речи на международных форумах, посвященных ядерному разоружению?! Не слишком ли дорого обошлось ваше содержание?! Проще было бы записать одну такую на магнитофон, а потом крутить, как шарманку итальянского лаццарони! Мало того, что вы бездарь, потому, как не смогли за все время нахождения на данном посту провести ни одной мало-мальски полезной военной операции, так вы еще и лгун, вводящий в заблуждение высшее руководство стра-

ны! И плюс ко всему прочему – военный преступник, осмелившийся применить ядерное оружие!

– Оно нами не было применено, сэр, – дрожащими от обидных оскорблений губами пролепетал Милли.

– Опять врешь, пес шелудивый! – напустился на него с прежней яростью Дональд Фредович.

Он ринулся к своему письменному столу и стал расшвыривать на нем ворох лежащих документов. Порывшись в завалах с полминуты, он вытащил нужные ему бумаги и опять выскочил из-за стола, потрясая ими в воздухе.

– Вот, – кинулся он к генералу, – сводка от Командования Ядерными Силами Сдерживания о погрузке на борт стратегического ракетоносца спецбоеприпаса с секретного склада в Норвегии. Чья подпись стоит под распоряжением?! А вот данные со спутника слежения о том, что ракета была выпущена по направлению к русским островам!

Оба документа, изобличающего Милли во лжи, полетели тому в лицо.

– Наверняка у русских теперь имеется схожее фото! – продолжал неистовствовать Трамп. – И теперь они точно знают о расположении секретного ядерного хранилища на территории Норвегии. И будут знать норвежские «зеленые», которым и так не нравится регулярный заход наших подлодок в их порты.

– Пусть русские сначала докажут, что ракета была оснащена ядерным зарядом, – упрямо талдычил глуповатый Милли.

На последнюю фразу генерала Трамп даже не стал реагировать, смирившись с непроходимой тупостью своего Начальника Генштаба. Он просто плюнул в сердцах ему под ноги, сопроводив это действие словами:

– Все ваши слова не стоят одного моего плевка. А оправдываться вы будете, когда вас поволокут на заседание Сенатской Комиссии. Мне же на ваши оправдания просто по...ть!

Не сбавляя скорости, президент перешел к следующей кандидатуре на разнос. Однако применять к ней прямые оскорбительные слова все же не стал:

– Ваше назначение на пост директора ЦРУ, миссис Хассел, было лишь компромиссом с влиятельным лобби. И мне пришлось принять вас в новом качестве, хоть ваши способности годятся лишь на то, чтобы быть уборщицей в негритянском хосписе или в одной из федеральных тюрем. Если вы думаете, что ваши навыки в сексуальных извращениях, полученных в застенках Абу-Грейд или где там еще, вам смогут там понадобиться, то оставьте при себе такие надежды. Это не связанные по рукам и ногам заключенные, с которыми вы творили мерзкие непотребства. Там, куда вы попадете после вчерашнего скандала, мусульманские радикалы вам живо объяснят, насколько тонка грань между жертвой и палачом.

– Вы, господин президент, напрасно думаете, что я попаду в лапы к преступникам. А мои способности по достоинству оценят в более респектабельных местах, – окрысилась злая

старушенция.

– На вашем месте я бы не был так уверен в своем будущем. Там куда вы хотите попасть со своими знаниями о «телесной человеческой слабости» очень ревностно относятся к незапятнанной репутации. Там любят тишину и секретность, а не такую скандальную публичность, которая будет вас сопровождать после того, как я поддам хорошего пинка под ваши дряблые ягодицы. Или вы наивно полагаете, что подчистив «историю» в «Facebook»¹ от когда-то опрометчиво сделанных фото, вам удалось скрыть от общественности ваши извращенные наклонности. Оставьте эти надежды при себе. В этом мире вы не единственная, кто может охотиться за компроматом на любого человека. У нас, как известно, неприкасаемых нет. И пухлый компромат на вашу особу ждет не дождется, своего бенефиса. И фото, и видео, и иные, документально зафиксированные, ваши садистские наклонности станут достоянием гласности для широкой публики. Поэтому в тех кругах закрытых от посторонних глаз, вас не примут из-за опасений быть нечаянно замаранными. Скажу даже больше. Чтобы отвести от себя всяческие подозрения за прежние контакты с вашей особой, вас постараются обвинить даже в том, в чем вы и не виноваты вовсе. Так что место уборщицы и жизнь в съемной квартирке социального жилья это еще не самый худший для вас вариант. Хуже будет, если вас действительно захотят «утопить» ваши прежние покровители, дабы бросить концы в воду. И тогда, части вашего, давно уже

никого не привлекающего, тела будут случайно находить в разных концах Нью-Йорка.

– Посмотрим, – зло сощурилась, задетая за живое шпи-Ёнка.

– Конечно, посмотрим, – согласился с ней хозяин Овального кабинета. – Я уже распорядился запастись попкорном в ожидании кровавой развязки этого дурного спектакля. – Самое обидное для вас будет заключаться в том, что первыми кто вас предаст это будут ваши соратники по ремеслу, как вот этот, что стоит сейчас рыхлой кучей дерьма и распространяет свой отвратительный запах по всему кабинету, – кивнул Трамп в сторону продолжавшего исходить холодным потом Госсекретаря.

– Я не..., – начал бляеть Помпео, покрываясь весь пунцовыми пятнами страха вперемежку с негодованием.

– Ну, что ты блеешь, как овца, которую пригнали на скотобойню?! – зло и весело обратился к своей последней жертве президент. – Ты – грязное и вонючее ничтожество, место которому в сливной системе коммунального хозяйства! Тусклая бездарность, лентяй и политический импотент, способный только жрать дармовые угощения на светских приемах. Губошлеп, кусок студня, трясущийся от страха! Я ни за что не поверю, что в твоём курином мозгу смогла зародиться эта безумная идея с высадкой десанта, а потом и бомбардировкой русской базы!

– Это и правда не моя идея, господин президент, – глотая

слезы, пролепетал Помпео, которого сейчас действительно была дрожь от страха за свое будущее (все-таки он не был лишен воображения).

– Опа! – подхватил Трамп слова трусливого Госсекретаря. – Ну, что я тебе говорил, Джина?! Не прошло еще и минуты, как он уже готов сдать тебя с потрохами! Ну и соратничков же ты себе приобрела! – хохотнул он, наблюдая за ее реакцией.

«Кровавая Джина» метнула в сторону Помпео уничижающий взгляд, а затем процедила сквозь зубы:

– Я работала с тем материалом, который был в моем распоряжении. С другими исполнителями операция бы удалась, и мне не пришлось бы выслушивать в свой адрес незаслуженные оскорбления от «хромой утки», – не преминула она пустить напоследок отравленную стрелу в адрес президента.

Но ее злой сарказм не достигнул желаемой цели. Трамп только ухмыльнулся:

– Поверьте мне, миссис Хассел, что лучше быть «хромой уткой», чем уткой «по-пекински», которой вы вскорости все непременно станете.

Эти последние слова, сказанные президентом уже без особой злобы, еще больше расстроили незадачливую троицу, повесившую носы.

– Вы можете быть свободны, господа. Совсем свободны. Но напоследок я не откажу себе в напутственном слове. Вчерашняя ваша авантюра ни для кого из нас не пройдет даром.

Я лишусь даже призрачных шансов вновь занять этот кабинет, к которому уже немного привык. Увы. Меня, впрочем, как и вас, ждет Сенатская Комиссия, которая изрядно потреплет мои и без того расшатанные нервы. Но можете поверить мне на слово, что я, в конце концов, сумею выкрутиться из создавшегося положения, ибо нет никаких свидетельств того, что я был в курсе ваших затей. И у меня хватит денег для найма кучи адвокатов, которые избавят меня от судебного преследования. Во всяком случае, им это до сих пор отлично удавалось. А вот хватит ли у вас средств для того, чтобы избежать больших тюремных сроков, то в этом я крупно сомневаюсь. На этом я с вами прощаюсь и выражаю искреннюю надежду на то, что больше никогда не увижу ваших мерзких физиономий рядом с собой. Фрэнки! – позвал он личного секретаря, трухнув в колокольчик, стоящий на столе. – Проводи бывших государственных служащих до крыльца и не смей их больше никогда пускать на порог этого дома.

Все трое, как по команде развернулись и понуро побрели к выходу, сопровождаемые бдительным оком Фрэнка Палмера. Когда за ними закрылась дверь, президент бессильно рухнул в кресло. Этот разговор отнял у него слишком много сил и нервов. Сейчас 45-му Президенту нужен был тот, с кем можно было бы обсудить свое незавидное положение. Но того, кому можно было бы довериться без опасений, в его окружении не было. Он был один. Впрочем, как и все-

гда. И даже Меланья, которую он любил по-настоящему, со всей пылкостью уже далеко не молодого возраста, постепенно отдалялась от него с самого начала его президентства. Может зря он тогда пошел на поводу своего неутолимого тщеславия, толкнувшего его баллотироваться на этот, в прямом смысле, «расстрельный пост»? Сидел бы сейчас в своем родовом имении, на берегу лучезарной Флориды, в окружении близких и любящих людей. Время от времени устраивал бы феерические шоу со звездами кинематографа и эстрады, до которых он был большой охотник, а для своих домашних – теплые и милые вечеринки. Еще в том далеком 87-м, когда рядом с ним была Ивана – не менее красивая, чем Меланья, но более любящая и домашняя, ему не следовало прислушиваться к совету Председателя КГБ Крючкова, настоятельно рекомендовавшего всерьез заняться политикой. Скольких неприятностей он избежал бы тогда? Но нет ведь, согласился. Паче того, принял, буквально из рук того, материальную помощь в виде сверхвыгодного контракта на строительство в Москве одного из фешенебельных отелей. Этот злополучный контракт до сих пор ему аукается при каждом случае, когда демократы хотят укусить его за мягкие чресла. Хотя надо признать, русские вели с ним бизнес честно и ни разу не воспользовались возможностью шантажировать его за опрометчиво сделанные шаги в молодости, чего он всегда ждал и опасался.

Тяжкие думы о былом прервало появление на пороге сек-

ретаря:

– Сэр, ваше приказание выполнено. Поименованные вами лица препровождены мной до самого крыльца государственной резиденции, – без выражения произнес он и замер, как египетское изваяние в Британском музее.

– И где, Фрэнки ты научился выражаться таким невообразимым языком? – со вздохом спросил его президент. И не дожидаясь ответа на этот вопрос, задал сразу следующий. – Ты не знаешь, где сейчас находится Джаред?

– Насколько я могу судить, он с вашей дочерью находится на своей половине, – ответил секретарь, не меняя позы.

– Позови его ко мне, – велел Трамп и тут же добавил. – Да, пусть не мешкает. Дело неотложное.

– Как прикажете, сэр, – осанисто кивнул тот в ответ и, повернувшись к двери, на негнущихся ногах покинул помещение.

Любимый зять предстал перед тестем уже спустя пять минут, застав того в скверном расположении духа, о чем свидетельствовал его взъерошенный вид и дрожащий от внутреннего напряжения голос.

– Садись, – указал Трамп зятю на кресло, не вставая со своего.

Всегдашняя «фирменная» улыбка быстро сползла с лица приглашенного. Он понял, что тесть пригласил его для обсуждения какого-то очень важного и не очень приятного вопроса.

– У вас какие-то проблемы, сэр? – осторожно поинтересовался он.

– С чего ты взял? – переспросил президент, явно оттягивая время для нелегкого разговора.

– Просто предположил, – пожал тот плечами. – Вчера вечером вы были в отличном расположении духа. А сейчас, взглянув случайно в окно, я увидел, как отъезжают лимузины Помпео, Милли и этой старой швабры Хаспел, медленно, будто в похоронной процессии. Потом явился ваш секретарь с ногами на ржавых шарнирах и настоятельно пригласил к вам. Голос у вас при моем появлении был глухим и мрачным. Вот я и попробовал связать воедино все эти обстоятельства.

– Да. Ты прав, мой мальчик, – покивал тесть головой. – Но с одной поправкой. Проблемы не у меня. Вернее, не только у меня. Проблемы у всех нас.

– Если вы поделитесь проблемой со мной, то она, по законам математики, станет в два раза меньше, – решил внести долю оптимизма зять в предстоящий разговор.

– У меня сейчас нет иного выхода, как только поделиться с тобой, – криво улыбнулся тесть. – При иных обстоятельствах, я, конечно же, не стал бы этого делать, – явно намекнул он о том, что зятек регулярно «сливает», полученную информацию любителям всегда и везде носить черные шляпы и косички на висках.

От этого неприкрытого намека на предательство семейных интересов, Кушнер невольно и незаметно поежился, но

ничем не выдал своего смятения.

– Я надеюсь, что у тебя на этот раз хватит ума попридерживать полученные сведения некоторое время даже не ради меня, а ради своего собственного благополучия и благополучия моей дочери, если ты, конечно, все еще любишь ее.

– Дон, как вы могли подумать?! – попробовал разыграть искреннее возмущение Кушнер, но Трамп решительно пресек готовый сорваться с его губ словесный водопад оскорбленной невинности.

– Помолчи, Джаред. И побереги свое красноречие для другого, более подходящего раза. А теперь слушай, в какой заднице оказались мы все по вине кучки недотепистых авантюристов.

И тут он рассказал зятю историю, начавшуюся еще неделю назад с прихода к нему в кабинет Госсекретаря и Начальника Комитета Штабов и печально закончившуюся сегодняшним разносом причастных к этому делу лиц. Рассказал зятю все и почти без утайки. За исключением малюсенькой детали. Он опустил из своего рассказа тот факт, что в прошлый приход к нему Помпео и Милли он все же дал принципиальное согласие на проведение акции, хоть и отказался его визировать на бумаге. Он представил все так, как будто бы они пришли и уведомили его о желании помешать русским, развернуть свою установку, а он якобы просто не стал категорически запрещать это делать, сославшись на необходимость дополнительной проверки полученных сведений о новом ору-

жии хунты. Зато чрезвычайно выпятил тот факт, что его наглым способом обманули, применив спецбоеприпас без личного на то дозволения, что являлось сущей правдой. По мере приближения рассказа к финалу иудейские глаза Кушнера все более и более округлялись, став, в конце концов, похожими на глаза перепуганного насмерть совенка. Закончив свое повествование о том, насколько близко вчера Соединенные Штаты стояли перед пропастью ядерного конфликта большой интенсивности, президент самого могучего государства в мире выжидательно уставился на своего собеседника. Тот тяжело дышал, приоткрыв рот, и никак не мог прийти в себя, от свалившейся на голову информации. Пожалев нервную систему молодого человека, президент, не вставая с кресла, набулькал ему в стакан из сифона газированной воды. Тот, припав пересохшими губами к стакану, в три глотка опрокинул в себя его содержимое. Наконец, придя немного в себя, молча обвел взглядом окружавшую их обстановку. Хозяин кабинета правильно понял немой вопрос Кушнера.

– Нет, Джаред. Здесь все чисто. Наши ребята только позавчера все тщательно проверили. А на окнах, как ты знаешь, висят антирезонансные шторы. Так что, можешь говорить, ничего не опасаясь.

– Надеюсь, что это так, – шмыгнул носом, как мальчишка Кушнер.

– Ну и как тебе показался мой рассказ? В отличную задницу мы попали? Я даже не представляю, что тут можно сде-

лать, – потер в растерянности лоб повелитель единственной в мире сверхдержавы.

– Да уж, – согласился с ним любящий муж его дочери, – положение – хуже не придумаешь. Остается только благодарить Яхве за то, что он наделил русского диктатора выдержкой, не позволившей ему расценить это происшествие, как ничем не прикрытую агрессию против его страны.

При упоминании «Яхве» президент, имевший глубокие ирландские, а значит и католические корни слегка поморщился.

– Это все на что хватило твоего разума и природной изворотливости? – скривился Трамп, посылая зятю невольную шпильку.

– А что вы ожидали от меня?! – всплеснул руками правоверный иудей.

– Я ожидал от тебя совета, как нивелировать произошедшее с минимальным для нас, хотя бы моральным, ущербом, – сдвинул брови 45-й Президент.

– Ну-у, – завел глаза к потолку зять, видимо, ища там подходящий случаю ответ, – гибель спецназа можно вообще скрыть. Никто ведь не знает, кроме непосредственного командования, где они выполняли свое задание. А командование, само облажавшееся по полной программе явно не будет заинтересовано в обнародовании неприглядной для него самого истины.

– Так-так, – подбодрил Кушнера президент. – Общий ход

твоих мыслей мне нравится. Продолжай.

– С крушением наших летательных аппаратов дело еще проще. Так как там погиб и один из русских, то это можно будет как-нибудь списать на его непрофессионализм, повлекший за собой трагические последствия. Тем более, что русских уже не раз уличали в опасных действиях вблизи наших самолетов. Тут можно даже встать в позу обиженного. Главное – не слишком переиграть и не настаивать на международном расследовании инцидента.

– Неплохо-неплохо, мой мальчик, – начал светлеть ликом Дональд Фредович.

– «Морской Конек», как я понял из вашего повествования, вообще выведен из состава Флота, а его матросы не являются военнослужащими. Поэтому с этой стороны тоже никаких видимых проблем не наблюдается.

– Отлично мыслишь, Джаред! – все более и более воодушевлялся президент сладкими речами Кушнера.

– А вот, что делать с подводной лодкой, я право, даже и ума не приложу, – спустил с небес на землю зять тестя.

– Об этом тоже горевать не стоит, – решительно заявил президент, не желавший спускаться с небесной выси. – 2-й Оперативный Флот не имеет постоянного состава. Туда время от времени все остальные откомандировывают часть своих сил. С «Джимми Картером» была та же история. Только в отличие от надводных кораблей его откомандировали туда специальным секретным распоряжением. Так что, по сути, о

его истинном местонахождении знает только адмирал Льюис – Командующий 2-м Оперативным Флотом, а больше никто. Даже Командующий 3-м Флотом, к которому она приписана, не знает, где она находится. Льюису же для уютного существования вовсе невыгодно кричать на всех углах о том, что лодка погибла, именно в тот момент, когда находилась в его распоряжении.

– А Командующий 3-м Флотом? – тут же поинтересовался Джаред.

– Тот тоже будет помалкивать, потому что совершил должностное преступление, передав ядерную субмарину опираясь только на секретное и устное распоряжение Милли, без согласования со Стратегическим Командованием Сил ядерного сдерживания, и без моего согласия, тоже. Ему проще инсценировать пропажу связи с подлодкой где-то в районе Алеутской впадины, чем лишиться поста, звания и пенсии. Если под напором Сенатской Комиссии никто из этой троицы, что сейчас побывала у меня, не «расколется», то уверяю тебя, он будет помалкивать.

– Значит, они должны будут молчать, как воды, в рот набравшие? – ухмыльнулся зять, почесав у себя за ухом.

– Да, – ответил президент, сморщив лицо, – но на это у меня нет большой надежды.

– Я думаю, что они не самые последние в мире идиоты, чтобы самим себе подписывать смертный приговор.

– Джина, хоть и baba, – произнес президент это слово по-

русски, научившись от Меланьи, которая частенько производила его в адрес самого Трампа, – но хитрая, поэтому в ней я не сомневаюсь, а вот ее сообщники – люди глуповатые. На них надежды нет, – со вздохом констатировал тесть.

– Если вы мне доверите, то я мог бы провести с ними профилактическую беседу в нужном для нас ключе, а заодно и с Командующим 3-м Флотом, – осторожно прощупал почву под ногами Кушнер.

– Это, конечно, отличная идея, мой мальчик, – сцепил пальцы в замок президент, – хотя, как показывает практика, лучшее средство от излишней говорливости...

– Является гильотина, – усмехнувшись, закончил за него предложение молодой человек.

Трамп кивнул, пристально глядя на зятя, но тот сделал вид, что не понял немого посыла со стороны президентского кресла.

– Остается лишь одна маленькая деталь, чтобы конструкция, которую мы сейчас с тобой выработали, стала жизнеспособной, – опять погрузился Трамп в невеселые думы.

– Какая? – с интересом подался вперед Кушнер.

– Это уговорить русского диктатора не предавать огласке данный инцидент.

– Что может быть проще?! – изумился зять. – Срочно позвоните ему, пока этого не произошло.

– Ты думаешь, что это сработает? – засомневался хозяин Овального кабинета.

– Во всяком случае, надо попробовать. А заодно, было бы весьма кстати указать ему на истинных виновников трагедии.

– Чтобы сделать его их палачом?

– А что в этом такого? – пожал плечами молодой человек. – Такие дела, лучше всего делать не своими руками. Все будут довольны. Вы получите молчаливых свидетелей своей непричастности, взамен говорливых обвинителей. А русский утолит жажду мести за этот инцидент и предыдущий.

– Провести конфиденциальный телефонный разговор мне не удастся, – потер Трамп лицо. – Конгресс и так весь извелся в поисках моих тайных связей с русскими. Придется приглашать на разговор кого-то, чтобы засвидетельствовать чистоту моих намерений, – начал он вслух рассуждать о кандидатуре официального соглядатая.

– А чего тут думать? Возьмите для этого Кристофера Рэя, – пришел зять на выручку.

– Директора ФБР?

– Ну да. Помимо того, что он в прошлом был неплохой адвокат, так он еще и ваш однопартиец. К тому же он за все это время ни разу не был замечен в огульном охаивании вашей персоны. В наше беспокойное время такая позиция очень дорого стоит. Да и у обеих палат он не вызывает изжоги, что тоже немаловажно.

– Ты прав, Джаред. Я нисколько не жалею о том, что решил посоветоваться именно с тобой в эти трудные для меня

часы, – расчувствовался Трамп, приподнимаясь и протягивая руку зятю через стол.

– Спасибо за доверие, – пожал тот руку в ответ. – Вы и дальше можете на меня рассчитывать.

– Кстати, забыл тебя предупредить, когда будешь разговаривать с этой «сладкой парочкой» из ЦРУ, имей в виду, что они могут скрытно вести запись беседы с тобой, – предупредил президент своего советника.

– Я об этом никогда и не забывал, – хитро сощурил глазки тайный агент Моссада.

– Хорошо. Ступай, мой мальчик. А я пока свяжусь с Крисом и вызову его сюда, а заодно сделаю запрос на срочный телефонный разговор с русским медведем.

Когда за мужем дочери закрылась дверь, Трамп вызвал к себе Палмера:

– Фрэнки, спустись в пункт связи и передай дежурным операторам, что я приказал сделать запрос на срочные телефонные переговоры с русским диктатором. Поэтому мне помимо специалистов связи понадобится еще и высококлассный переводчик. Связь пускай организуют из моего кабинета. Я буду находиться здесь.

– Как прикажете, сэр, – нагнул голову Палмер в почтении.

– Но перед этим свяжи меня с директором ФБР.

– Сию минуту, сэр, – опять опустил голову верный секретарь и, повернувшись на 180° вышел из кабинета на своих негнущихся ногах. Больше всего он сейчас походил на Оло-

вянного Солдатика – персонажа старой сказки. «И как это ему так удастся ходить, не сгибая колени?» – в очередной раз удивился президент, провожая взглядом своего старого секретаря.

II.

08.09.20г., Москва, Национальный Центр обороны.

Весь этот день Афанасьев посвятил изучению сводок с мест вчерашних трагедий. Вести из Белгорода приходили не слишком утешительные. Несмотря на самоотверженную работу врачей и спасателей, к утру от ожогов и травм скончалось еще четырнадцать человек. В больницах и полевых госпиталях, развернутых прямо посреди пожарищ, находились уже более трех сотен пострадавших. И их количество постоянно росло за счет тех, кого удалось к этому времени извлечь из-под обломков рухнувших зданий. А спасатели, меж тем, находили все новых и новых пострадавших. По предварительным прикидкам местных властей, погребенными под завалами оставались еще не менее ста жителей города. И хотя в начале сентября земля еще оставалась теплой, спешить с извлечением людей из-под руин все равно было крайне необходимо, так как обгорелым и переломанным людям, крайне необходима была вода для утоления жажды. Те из них, с кем удалось связаться по сотовому телефону, сообщали, что испытывают острую нехватку воды. Поэтому приходилось то-

ропиться. Но вместе с тем и нужно было проявлять крайнюю осторожность при разборе завалов, так как новые обрушения грозили перекрытием воздуха, который умудрялся поступать к заживо погребенным людям сквозь лабиринты завалов. Естественно, что не могло быть и речи о применении тяжелой техники. Спасатели работали, как саперы, разбирающие остатки зданий, буквально по кирпичику. Оперативный Штаб, под руководством Сергея Ивановича, который, кажется, со вчерашнего дня так и не уходил домой, работал слаженно и ритмично. Поэтому в надзоре со стороны самого Афанасьева особой нужды не было. Вся его функция заключалась, по большому счету, в приеме оперативных сводок и редкого вмешательства, если необходимо было согласовать поставку на место чего-то остро необходимого и особо дефицитного, как например, пока еще секретного ультразвукового сканера особой мощности для освещения обстановки под завалами и нахождения там, все еще живых людей. Такая установка была изготовлена в единичном экземпляре и еще не до конца прошла тестирование. Но зато она была единственной в мире, которая могла с легкостью обнаруживать бункеры противника на глубине до пятисот метров в скальном грунте. И не просто могла их находить, но еще и умела выдавать на монитор схему расположения помещений в бункере. И вот теперь эта установка при помощи ненормативной лексики, с его стороны, была в срочном порядке доставлена к месту трагедии, вместе с операторами обслужи-

вающими ее.

Потом на закрытом заседании другой специально собранной комиссии, во главе с тем же Рудовым, рассматривались детали инцидента, произошедшего на Севере. Скрупулезно и вьедливо, эксперты всех мастей разбирали по косточкам все телодвижения лиц участвовавших в отражении, теперь в этом не было никаких сомнений, нападения на базу со стороны спецназа США. Столь же тщательно рассматривались действия и наших летчиков с базы «Арктический трилистник». К сожалению, в этой связи, пришлось исследовать и действия, а вернее преступное бездействие руководства 10-й армии. Подлый донос начальника ее штаба – генерал-майора Пятницкого, касающийся самовольных действий полковника Удалова, был получен еще вчера. Получен, исследован во всех деталях и ракурсах, впрочем, так же как и рапорт самого командира базы. Действия полковника Удалова, были единогласно признаны комиссией, как единственно правильные в сложившейся ситуации, о чем ему было незамедлительно заявлено по окончании расследования. Пятницкий, в связи с этим, был срочно вызван в Москву на «ковер». Вспыльчивый от рождения «пруссак» в запале яростного негодования требовал немедленного расстрела для саботажника Пятницкого. И Афанасьеву стоило немало труда уговорить того ограничиться разжалованием и последующим «поражением в правах» для инициатора доноса. В конце концов, справедливое начальство раздало «всем сестрам по серьгам». В ре-

зультате, Пятницкого лишили не только всех званий и наград, но и передали материалы расследования в трибунал для решения его дальнейшей участи. Удалова, не мешкая, наградили орденом Александра Невского, а оба экипажа истребителей-перехватчиков представили к высоким званиям Героев России. Оказывается, счастливый конец бывает не только в сказках, но и в реальности, но это, разумеется, в порядке исключения. Что же касается расследования по предательскому нападению на Белушью, то тут требовалось значительно больше времени, так как материалы непосредственно с места побоища пока что не поступили в распоряжение комиссии. Никому в комиссии, конечно, не пришло в голову подвергать сомнению преданность присяге самого полковника Виттеля, получившего тяжелые ранения, но разбираться в этом «мутном», как ни крути деле, все-таки нужно было очень тщательно. Наверняка было ясно только одно – без явного и целенаправленного предательства со стороны некоторых военнослужащих базы, тут не обошлось. Поэтому рассмотрение этого вопроса отложили до приезда на место следственной группы. Оставшихся в живых «коммандос» было решено переправить в Москву с ближайшим бортом. Афанасьев, за два с половиной месяца нахождения на высшем государственном посту, уже немного поднаторевший в дипломатических играх, здраво рассудил, что они могут послужить предметом серьезного торга с противником, поэтому придержал их в качестве одного их козырей. Хотя, полага

руку на сердце, первым его порывом было желание отдать приказ о том, чтобы их просто заживо втоптали в грунт. Однако вовремя одумался и не стал форсировать события, ожидая, что дело еще далеко от своей развязки.

Предчувствие его не обмануло. После обеда к нему, как бильярдный шар в лузу ворвался Михайлов – запыхавшийся, покрасневший и с выпученными, как у сваренного рака глазами. Вид адъютанта был настолько непривычен, что Афанасьев не на шутку забеспокоился:

– Что опять случилось?! Война, что ли?!

Но за спиной у Борисыча не маячила фигура зятя с чемоданом, поэтому он немного успокоился.

– Да, говори же ты! Не выпучивай глаза, – подстегнул он ошарашенного адъютанта.

– Товарищ Верховный, президент Соединенных Штатов просит в срочном порядке согласовать видео-звонок между вами и ним, – с придыханием, как о чем-то невероятном, доложил полковник.

Хищная улыбка растянула рот Валерия Васильевича. Чуйка матерого волка, в очередной раз не подвела его.

– Ну, коли просит согласовать, то это, как минимум, означает отсутствие боевых действий с применением всех средств поражения. В противном случае, он бы сразу позвонил на «горячую линию». Передай связистам, что я готов принять видео-звонок через полчаса. Да, кликни сюда Петра.

– Есть, кликнуть! – слегка расслабился Михайлов, видя спокойную реакцию своего шефа на неожиданное сообщение.

– Вот еще что, подготовь-ка аппаратуру к записи, а то я не знаю на какие тут кнопки нажимать.

– Сию минуту, – кивнул Борисыч и крикнул в приоткрытую дверь. – Петр Михалыч! Товарищ Глава Высшего Военного Совета просит вас зайти к нему.

Сам же в это время, не мешкая ни минуты, стал копошиться в недрах телеаппаратуры.

– Звали, товарищ Верховный?! – возник он тут же в дверном проеме, заслоня своей могучей фигурой весь просвет.

– Заходи, Петр Михалыч, – кивнул диктатор своему зятю. – Присаживайся, вон к столу, а я пока наберу еще кое-кому.

Он повернулся на своем крутящемся кресле к приставному столу, где стояла целая батарея разношерстных телефонов, и, выбрав один из них, набрал короткий номер.

– Сергей Иванович, мы с тобой уже видались сегодня, но здравствуй еще раз, – сказал он в трубку, как только абонент появился на том конце. – Ты там не шибко занят?

– Нет, Валерий Васильевич, не шибко, – в тон ему ответил Рудов. – Что-нибудь случилось?

– Да. То, что я и предсказывал давеча. Только что позвонили из госканцелярии президента Соединенных Штатов и попросили от его имени согласовать видео-звонок, – проин-

формировал Афанасьев своего соратника и «серого» кардинала по совместительству.

– О, как! – не удержался тот от восклицания.

– Я согласовал его через полчаса. Не хочешь ли присоединиться? – поинтересовался диктатор у своего соратника, чем доставил ему массу положительных эмоций (обожал Сергей Иванович быть в курсе всего на свете).

– Конечно-конечно, – затараторил он, не скрывая удовлетворения от сопричастности к «большой политике», – уже бегу. Через десять минут буду на месте.

– Добро, – коротко бросил в трубку Валерий Васильевич, прежде чем отключиться.

– Все готово, – закончил возиться с записывающей аппаратурой Михайлов. – Разрешите идти?

– Нет, Борисыч, – помотал головой диктатор. – Ты тоже останься. Вон, сядь у окошка, вдруг, еще понадобится твоя помощь.

– Мне вести протокол беседы? – сделал тот движение, чтобы вытащить из внутреннего кармана объемистый блокнот.

– Нет. Зачем, если запись и так будет вестись? Просто посиди. Ты у нас ходячая энциклопедия и твоя консультация может понадобиться в любой момент.

– Есть, остаться.

– Петр Михалыч, – обратился Афанасьев к зятю полуофициально, – не мог бы ты быть переводчиком нашей беседы?

– Почему, именно я? – искренне удивился Вальронд. – У

нас имеется отличный штат переводчиков.

– Видишь ли, Петр, – диктатор чуть замялся в попытке подобрать нужные слова, – у меня имеются все основания считать, что предстоящий разговор с Трампом будет особенным и не слишком похожим на ритуальные дипломатические пляски. Он попал в сложную ситуацию, а поэтому разговор будет трудным, прежде всего, для него самого. С его стороны, наверняка, там будут присутствовать лишь самые близкие и верные люди. С нашей, соответственно, тоже. И чем меньше будет посторонних, посвященных в эту беседу, тем плодотворнее станут ее результаты. А ты у нас теперь, сам понимаешь, не посторонний.

– Понимаю, – кивнул кавторанг.

– Не оплошаешь? – с надеждой в голосе спросил Валерий Васильевич.

– Постараюсь. Я уже давно заметил, что Трамп очень четко произносит слова и не проглатывает окончания, как это сложилось у потомков ирландских эмигрантов. Это удобно для любого переводчика, поэтому я склонен считать, что с данной стороны не возникнет никаких сложностей.

– Вот и славно, – не стал скрывать своего удовлетворения Верховный. – Борисыч, прицепи ему микрофон на лацкан.

Михайлов тут же кинулся к шкафу у стены, где лежал в одном из отделений моток провода с микрофоном на конце.

– Я не опоздал?! – раздалось бодрое восклицание со стороны дверного проема. – А то смотрю, в приемной никого

нет, думаю, что уж и началось всё.

– Проходи, Сергей Иванович, присаживайся напротив кавторанга, – сделал приглашающий жест Афанасьев. – Время пока еще есть.

– Ну, что, клюнул-таки жареный петушок в трамповское седалище?! – весело осведомился генерал.

– Клюнул, Сергей Иванович, клюнул, – скупно улыбнулся Афанасьев.

– Спыхватился, гаденыш! Не иначе, как хочет прощупать наши дальнейшие шаги?! – ощерился Рудов, весело и зло. – Бойтся, что в ответ можем долбануть.

– Не думаю, – покачал головой Верховный. – Он прекрасно знает, что если бы мы захотели, то долбанули бы еще вчера. Не по самим Штатам, то хотя бы по базе в Норвегии. Нет, он опасается чего-то совсем другого.

– И чего же, тогда? – удивился «пруссак» топорща усы.

– Вот это нам и предстоит выяснить в процессе разговора. Я полагаю, что у него будет к нам какая-то просьба, но, высказанная им, в завуалированной форме. Нам останется только понять, что именно он хочет от нас.

– А мы-то сами знаем, что хотим от него? – задал логичный вопрос генерал.

– Он, как и прежде, находится в очень стесненном положении, поэтому требовать от него чего-то существенного, вряд ли получится, в силу его политической несамостоятельности, – глубокомысленно заметил Верховный. – Требовать на-

до то, что он реально в силах исполнить, а исполнить он может не много по объективным причинам. И то, что не вызовет негативной реакции у бдительного Конгресса.

– И ты уже знаешь, что именно потребовать? – жадным взглядом впился Рудов в Валерия Васильевича.

Тот уже было собрался огласить свои планы на предстоящий разговор, но его прервали. Экран засветился и на нем появилось изображение сидящего в кресле 45-го президента Объединенных Государств. Голос за кадром, хоть и по-русски, но с довольно сильным акцентом произнес:

– Москва! Москва! Как меня слышно?

– Слышу и вижу вас хорошо, – произнес спокойным и размеренным голосом Афанасьев по-русски, а Вальронд тут же перевел его ответ невидимому за пределами обзора камеры переводчику.

– О-кей, – раздалось в ответ характерное междометие.

Телекамера насколько возможно приблизила лицо Трампа, сузив тем самым угол обзора. Видимо там не горели желанием раскрывать состав негласных участников беседы. Но зато это дало возможность Афанасьеву, как можно детальной рассмотреть лицо своего визави. Оно заполнило собой почти весь экран. Верховный еще никогда не видел президента Штатов так близко, а потому его поразило, каким старым, на самом деле, является этот человек. Данное открытие несколько взбодрило Валерия Васильевича, так как сравнение лица Трампа и своего собственного, которое он видел

каждый день с утра в зеркале, было явно в пользу последнего. Был и еще один маленький плюс в крупном плане. У русского диктатора была отличная возможность контролировать малейшую мускульную реакцию на свои слова со стороны собеседника, сидящего по ту сторону океана. Несколько томительных секунд они разглядывали друг друга, как дуэлянты, готовящиеся к поединку. Афанасьеву не хотелось здороваться первым, да и вообще здороваться с этим человеком, после того, что учинили американские «коммандос» на русском Севере. А Трамп тоже не горел желанием начинать диалог, но не по причине неприязни, а по тому, что не знал, как правильно титуловать человека сидящего в погонах (сегодня Афанасьев был пи погонах). Генерал? Слишком мелко и не по чину. Президент? Но его никто не выбирал на этот пост. Диктатор? Еще обидится. А Трампу очень не хотелось, чтобы намеченный им разговор с самого начала приобрел негативный оттенок. Так они и смотрели в глаза друг друга, словно поединчики в армреслинге – кто кого переборет взглядом, к явному удовольствию Рудова, наблюдавшего эту немую сцену со стороны. Однако пикантность ситуация заключалась в том, что смотрел он вовсе не на экран, который был за пределами прямой видимости, а в отражении зеркала, что находилось позади и чуть в стороне от афанасьевского кресла. Первым сдался Трамп, сумевший выкрутиться из неловкого положения, но так, чтобы и не здороваться и не выглядеть окончательным хамом:

– Тревожное время сподвигло меня связаться с вами, мистер Афанасефф, – произнес он и сделал паузу для того, чтобы Петр успел перевести его слова Верховному, а также дождаться ответа.

– Согласен, что времена ныне непростые, – ответил Валерий Васильевич ничего не значащей фразой.

– Мне хотелось бы обсудить с вами ту конфликтную ситуацию, что сложилась между нашими странами, а также пути ее преодоления, ибо на нас лежит прямая ответственность за судьбы этого мира, – осторожно продолжил американец, делая невольный реверанс в сторону русского медведя, признавая его своей ровней, если и не в плане легитимности, то в мускульной силе.

– Да, – признал Афанасьев правоту слов президента. – Любая конфликтная ситуация, не вышедшая за рамки необратимости, может быть урегулирована к обоюдному удовлетворению обеих сторон, – сделал краткое резюме диктатор, давая понять, что еще не все горшки перебиты и есть возможность найти компромисс.

Трамп понял слова в нужном ключе и тоже склонил голову в знак согласия. После обмена дежурными фразами, возникла пауза. Трамп пожевал губами, соображая, как лучше приступить к обсуждению главной темы. Афанасьев, в свою очередь, тоже не собирался форсировать события, давая собеседнику время на то, чтобы собраться с мыслями. Наконец, Трамп решил продолжить беседу, по-прежнему тща-

тельно подбирая слова:

– Не совсем профессиональные действия вашего летчика в сложных метеоусловиях привели к столкновению сразу трех самолетов. Согласитесь, мистер Афанасефф, что в наше и без того кризисное время, лишняя напряженность между нашими странами никак не способствует снятию взаимных озабоченностей по поводу политики, проводимой обоими руководителями.

«Что он несет!?! Какие сложные метеоусловия?! Какое, к черту столкновение?! Разве он не владеет подлинной информацией?!» – пронеслись косяком мысли в мозгу Валерия Васильевича. Он покосился сначала на Вальронда, как бы прося разъяснений за возможные ошибки в переводе, но тот уверенно кивнул головой, подтверждая действительность сказанных, а значит, и переведенных слов. Потом бросил взгляд на пребывающего в легком ступоре, от услышанного, Рудова. И тут к Афанасьеву, словно спасительная десница пришла другая мысль. До него дошло, что сидящий напротив него в тысячах километрах человек прекрасно осведомлен об истинном положении дел, однако старательно хочет представить, что все произошло именно так, как он и транслирует. «Но зачем?» – опять про себя удивился Верховный. И опять догадка посетила голову Афанасьева: «Ба! Да он просто, таким образом, стремится разрядить атмосферу, сведя все к банальному летному происшествию! Значит, ему самому никак не выгодна дальнейшая эскалация процесса».

– Я пока еще сам полностью не вникал в детали трагедии, разыгравшейся в небе Баренцева моря, – тоже стал разыгрывать из себя неинформированного человека, русский диктатор, – но у меня до сего момента не было поводов считать своих летчиков плохими профессионалами. Получив данные о нахождении в зоне ответственности наших сил ПВО иностранного самолета-разведчика, у нас не было иного выхода, как направить туда свои самолеты для наблюдения за иностранным воздушным судном, курсирующим вдоль нашего побережья. А нахождение в заданном, и сравнительно небольшом квадрате еще и вашего бомбардировщика, внесло дополнительные риски непреднамеренного столкновения, – стал, в свою очередь нести полную окоlesiцу Афанасьев. – Согласитесь, что нахождение сразу четырех самолетов, летящих на одном эшелоне и на небольшом пятачке пространства, всегда несет в себе потенциальный риск развития ситуации по неблагоприятному сценарию.

У Рудова от таких слов, отвисшая челюсть, едва не стукнулась о столешницу. Он-то рассчитывал, что его друг и соратник с места в карьер перейдет в словесную атаку на янки, тем более, к этому имелись все задокументированные предпосылки. Кинуть президенту в лицо обвинения, подкрепленные фактическим материалом, а потом начать выдвигать требования. Что может быть лучше? «А Валерка, вместо этого, начал валять откровенного дурака, явно подыгрывая заносчивому америкосу». Хотя, зная Афанасьева мно-

го лет, можно было всерьез предполагать, что он завел какую-то свою непонятную, но имеющую внутреннюю и железную логику, игру. Иного варианта не оставалось. «Валерка, хоть и дуботолк изрядный, неспособный к принятию быстрых решений, но если уж что-то заранее задумал, то значит, в этом имеется какое-то рациональное зерно» – успокаивая себя, подумал «пруссак», подбирая упавшую челюсть на место. Выслушав внимательно перевод Вальронда (с противоположной стороны переводчика не было, а тот, кто налаживал связь, видимо, ушел), президент задумался на несколько секунд, а затем, что-то прикинув про себя, сделал согласительный жест головой. Такая интерпретация событий, хоть и не вполне соответствовала его ожиданиям, однако же, и не сильно расходилась с ними. Главное, что русский правильно понял ход его потаенных мыслей. «Черт возьми! А с этим медведем можно вести дела» – с удовлетворением констатировал Трамп, не выражая при этом видимых эмоций.

– Я думаю, что по результатам данного инцидента, можно собрать совместную экспертную группу, которая выработает рекомендации взаимного поведения сторон при ситуациях схожих с этой.

«Каков хитрец, – подумал Афанасьев. – Ведь понимает, что пока эксперты соберутся, пока разберутся, он уже давно выйдет на пенсию».

– Я согласен с тем, что формирование экспертной группы из специалистов на паритетных началах, способно вырабо-

тать единый подход к предотвращению подобных происшествий, – поддержал инициативу Трампа русский диктатор.

В разговоре опять возникла небольшая пауза. И опять Афанасьев решил отдать инициативу беседы противоположной стороне, предпочитая играть «вторым» номером. Впрочем, эта тактика, как, оказалось, была почти беспроеигрышной, так как раскрывала подспудные желания американского собеседника, боящегося слишком сильно затрагивать чувствительные для собеседников темы. Он боялся, что русский сам начнет задавать неудобные вопросы и ему придется как-то выкручиваться, но московский медведь предпочел не ставить в неудобное положение 45-го повелителя половины мира, чем оказал тому неслыханно щедрую услугу, за которую придется как-то расплачиваться.

– Однако я слышал краем уха, – начал осторожно подбираться к основной теме разговора потомок ирландских скотоводов, – это было не единственное происшествие за вчерашний день, случившееся в высоких широтах.

– Да, – не стал скрывать Валерий Васильевич, изобразив на своем лице горечь от понесенных потерь. – Вчера, примерно в то же самое время, что и произошел воздушный инцидент, какая-то группа диверсантов, неустановленной государственной принадлежности, высадилась на одном из островов архипелага Новая Земля, и предприняла атаку на объект Министерства обороны.

– Ай-яй-яй! – воскликнул Трамп, изображая фальшивое

сочувствие, но втайне ужасно довольный произнесенным словосочетанием «неустановленной государственной принадлежности».

– Атака была отбита, диверсанты понесли огромные потери, а некоторые из оставшихся в живых, были взяты в плен, – многозначительно закончил Афанасьев, явно намекая на что-то большее, чем произнес.

Но на Трампа намек не произвел никакого впечатления. Главные слова уже были сказаны русским сатрапом. Он не обвинил в нападении Соединенные Штаты, и то, слава Богу!

– Диверсанты были англоговорящими, – опять слегка поднажал русский.

– Английский язык – язык доброй половины человечества. Он очень универсален для общения между различными этническими группами, – отмахнулся президент от намеков на участие в этом деле граждан своей страны.

– При нападении диверсантов погибло большое количество гражданских лиц, я уж не говорю про военнослужащих, – начал потихоньку сердиться Валерий Васильевич и злые огоньки вспыхнули в глубине его глаз.

Трамп не мог этого не заметить, поэтому постарался сгладить образовавшуюся шероховатость:

– А вот это уже, чистой воды – терроризм, – констатировал он тоном окружного судьи. – Как вы намереваетесь с ними поступить?

– А как я, по-вашему, должен поступить? Они захвачены

с поличным на месте преступления, с оружие в руках. Они – враги без пощады и жалости, убивающие мирных граждан. А как надо поступать с врагами, ворвавшимися в дом среди ночи и убившими почти всех его обитателей? – задал русский риторический вопрос и сам же на него ответил. – Таких врагов надо безжалостно уничтожать в назидание иным, алчущим крови агнцев.

– Вы совершенно правы! Террористы всех мастей недостойны жалости и снисхождения, – поддержал его президент.

«Ага, голубчик! Значит, ты не горишь желаньем видеть в живых свидетелей своей авантюры. Хорошо. Так и запишем» – подумал Валерий Васильевич. На этот раз Рудов правильно все понял и в знак одобрения незаметно оттопырил большой палец.

– Врагов всегда надо уничтожать, – продолжал витийствовать хозяин Овального кабинета. – И у вас, и у меня их слишком много, как внешних, так и внутренних. Разница лишь в том, что вы имеете неограниченный круг возможностей в этом плане, как человек, наделенный неслыханными в демократическом мире полномочиями. Я же, как воспитанный в духе демократии и уважения к Конституции Соединенных Штатов, вынужден с осторожностью применять к ним крайние меры, довольствуясь правом удаления в отставку, – слегка забылся в своих грезах Трамп, но быстро спохватился. – И это, несмотря ни на что, является величайшим достижением

нашей великой демократической цивилизации, которой вы пока лишены, в силу объективных причин. Но я льщу себя надеждой дожить до тех времен, когда и вы сможете вкусить ее плоды и встать рука об руку с нами, – закончил он слишком пафосно и ненатурально

«Хм, интересно, на что он намекает?» – подумал Афанасьев, внимательно изучая мимику лица говорящего.

– Я не стану сейчас открывать с вами дискуссию по поводу демократичности или недемократичности России, потому что это больше философский вопрос, нежели практический. И вообще, если честно говорить, то вопрос нужно ставить по-другому: насколько эффективна та или иная форма правления, с точки зрения интересов обывателя? А ведь именно ради удовлетворения нужд среднестатистического обывателя и строится любая модель государственного аппарата. Но я, еще раз подчеркиваю, что не являюсь специалистом, способным аргументированно рассуждать на подобные темы.

– Да, – захохотал американец, изображая нечто вроде смеха, – тут я, пожалуй, вынужден с вами согласиться. Мы – сугубые практики, далекие от теоретических изысков. Поэтому, пусть вокруг этого ломают копыя наши эксперты, а мы постоим в сторонке и понаблюдаем, чьи доводы в пользу той или иной модели окажутся весомей.

– В иное время я бы с удовольствием присоединился к толпе зевак, наблюдающей за высокоумными спорами высококолых ученых мужей, но, увы, не располагаю временем.

У меня, как у повара в ресторане, кипят на плите сразу несколько кастрюль, и я вынужден хвататься, то за одну, то за другую, действуя в ручном режиме управления, – вздохнул Афанасьев.

– Неужели у вас тоже появилась оппозиция, которая не дает вам уснуть по ночам? – прищурился Трамп, в надежде услышать, что-нибудь в этом ключе, но просчитался.

– Страны с диктаторскими режимами, к коим вы относите сейчас и Россию, всегда были более толстокожи к выходам оппозиции, если та, не переходит определенных дозволенных поведенческих рамок. У нас проблемы более серьезные, нежели клановые войны между демократами и республиканцами.

– Это, какие же? – скривил рот президент, выражая, тем самым, недовольство пренебрежительным отношением русского диктатора к подковерной борьбе в Конгрессе и Сенате.

– Вы, наверное, уже слышали, что вчерашние неприятности для нас не ограничились инцидентами в воздухе и отражением атаки диверсантов? – опять пригорюнился Валерий Васильевич.

– Да, – кивнул Трамп, – мне докладывали о случившейся перестрелке на границе с Украиной, – вернул должок пренебрежительности злопамятный янки.

На этот раз кривить лицо в скрытом негодовании пришлось уже главе российского государства.

– Вам видимо неправильно преподнесли информацию,

господин президент. Не было никакой перестрелки на границе с сопредельным государством. Это был ничем не спровоцированный массовый и варварский налет баллистическими ракетами малого радиуса дальности по мирному городу, вовлекший за собой большие человеческие жертвы среди гражданского населения, – жестко и бескомпромиссно выразился Афанасьев.

– Война в тех местах идет уже шесть лет, поэтому неудивительно, что в какой-то момент она выплеснулась за ограниченную территорию конфликта. К тому же я не исключаю, что это была маленькая месть за ваше июльское вмешательство в боестолкновения, вылившееся в обстрел украинской столицы крылатыми ракетами повышенной мощности, – язвительно усмехнулся Трамп.

Эта его наглая ухмылочка разом вывела из состояния душевного равновесия не только самого Афанасьева, зло поджавшего свои губы, но и Рудова, заворочавшегося в своем креслице, как растревоженный ранней весной медведь. По выступившим желвакам на скулах Афанасьева, президент понял, что совершил большую оплошность в диалоге, но осознание этого пришло с запозданием.

– Господин президент, хочу вам заметить, что наше, как вы выразились, июльское вмешательство, во-первых, носило точечный характер, не затрагивающий жизнь мирных киевлян, а во-вторых, оно предотвратило варварские обстрелы и штурм Донецка со стороны нацистской власти, сидящей в

украинской столице, и поющей с чужих нот. Мы не ставили и не ставим перед собой цель – убийство гражданского населения.

– Я принимаю ваши поправки, – поспешил исправить ситуацию заокеанский лидер, сообразив, что весь сценарий беседы, сейчас может запросто рухнуть.

Сидящий напротив президента директор ФБР уткнулся в пол, чтобы не встречаться взглядом, с оплошавшим, на ровном месте, руководителем государства. А Кушнер, напротив, закатил свои иудейские глазки, изображая предобморочное состояние. Однако разозлившемуся не на шутку русскому диктатору уже было мало невразумительных слов оправдания президента. Ему, явно хотелось чего-то большего.

– Мы склонны рассматривать обстрел нашего города и диверсионную акцию на Севере, как звенья одной цепи, – произнес Афанасьев, почти не размыкая челюсти, – и спланированные в одном мозговом центре.

И хотя Вальронд, как лишенный эмоций робот бесстрастно переводил произносимые сторонами слова, даже в таком виде они звучали из его уст на этот раз угрожающе. Трамп, за спиной у которого был немалый жизненный опыт, сразу понял, куда метит этот курносый генерал. Понял, и его пробрал почти животный страх. «А ну, как этот византиец возьмет и начнет трезвонить на весь белый свет о невероятной победе над лучшей армией в мире? Тогда уж точно мне не избежать электрического стула на старости лет» – всерьез поду-

мал президент, и еле заметная холодная струйка пота потекла по его виску к подбородку. Эта деталь не укрылась от внимательного взора Афанасьева, благо увеличенное изображение помогло распознать душевный надлом собеседника.

– Что вы хотите? – глухо, как в бочку, произнес Трамп, сцепив пальцы, чтобы унять в них дрожь.

«Ага, дядя, вот тут-то ты мне и попался! Теперь-то уж не отвертись!» – с удовлетворением констатировал про себя Афанасьев, но ни один мускул, при этом, не дрогнул на его лице. Нужно было срочно ковать железо, пока оно горячо, а вернее, пока Трамп не пришел в себя от полученного ниже пояса удара.

– Все, что произошло вчера, мы считаем единым террористическим актом, направленным против Российской Федерации и ее граждан. И никак иначе. Пять минут назад, вы, господин президент, выразили сугубое неприятие террористических методов, в любых своих проявлениях, согласившись, что такие люди недостойны жалости и снисхождения. Я правильно понял ваши слова? – продолжал напирать, как танк Афанасьев, чеканя каждое слово, будто затвор винтовки.

– В общем и целом, правильно, – вынужден был промямлить Трамп. – Поэтому выражаю искренние сочувствия всем невинно пострадавшим от рук террористов.

– Сочувствие, как и любой благородный металл можно вылить во вполне конкретную форму, – ковал свое железо

Валерий Васильевич.

– И в какую же форму должно вылиться мое сочувствие? – удивился Дональд Фредович.

– По нашей инициативе на завтрашнее число будет созвано экстренное заседание Совбеза ООН. И если вы, господин президент, действительно искренни в своих сочувствиях, то ваш представитель в Совбезе должна поддержать нашу резолюцию осуждающую терроризм со стороны Украины. Без всяких поправок и двусмысленных интерпретаций.

– То есть вы хотите, чтобы мы признали Украину террористическим государством? – поежился он от неприятной перспективы объяснений с Конгрессом по смене точки зрения на поведение своего киевского протеже.

– Нас вполне удовлетворит, если вы через Саманту Пауэр признаете Украину государством, практикующим террористические методы против мирных граждан, выразите искреннее возмущение по поводу вчерашней атаки и призовете к уголовной ответственности её руководство, – немного сжалился над ним Афанасьев, смягчая формулировку.

– Зачем вам это надо? – не понял Трамп. – Ведь кроме нас в Совбезе есть еще Франция и Великобритания, которые, ни за что и никогда не поддержат вашу резолюцию.

– Для нас принципиально важна именно позиция вашего государства, – туманно выразился Валерий Васильевич.

– Понятно, – покряхтел Трамп, ворочаясь в кресле, – вы желаете внести раскол в ряды западной коалиции.

– Прежде всего, мы хотим, чтобы ваши слова не расходились с вашими делами, делая их фальшивыми, – несколько грубовато выразился Афанасьев.

– Это очень большая уступка с нашей стороны. Конгресс и Сенат потребуют от меня разъяснений в смысле смены парадигмы, – попробовал, по своей укоренившейся привычке, поторговаться Трамп.

– Зато вы войдете в историю, как человек, который не на словах, а на деле предотвратил начало мировой бойни, – опять сделал Афанасьев прозрачный намек на тайну, связывавшую их обоих.

– Хорошо, – произнес после некоторой паузы президент Северо-Американских Соединенных Государств. – Я отдам все необходимые распоряжения нашему представителю в Совбезе.

Они еще около получаса поговорили для «галочки» в протоколе об общемировых проблемах, «сверяя часы», а затем, хоть и не дружески, но по-деловому попрощались.

III.

Там же

Когда экран монитора погас, первое, что сделал Афанасьев, так это стер рукавом взмокшее от пота лицо, позабыв о наличии во внутреннем кармане носового платка.

– Уфф, – с облегчением произнес он, отдуваясь. – Дав-

ненько я не был в таком напряге. Расхолодился. Теряю форму.

– Да, уж, – поддакнул ему Рудов, побряхтывая и разминая свое тело в кресле, – я тоже давненько не испытывал такой перепад эмоций. Но ты, Валерий Васильевич – молодец, лихо обошел его на повороте, а затем припер к стенке. Я, честно говоря, не ожидал, что ты сумеешь так повернуть дело в свою пользу. Респект тебе, как говорит мой сын.

– Спасибо на добром слове, Сергей Иваныч! Спасибо, Петр Михалыч! Спасибо дорогой, – с благодарностью поглядел Афанасьев на своего зятя. – Ты прекрасно сделал перевод. Наш штатный аппарат переводчиков можно смело сократить на одну единицу, в целях экономии государственного бюджета.

– Ой, ну что вы, товарищ Верховный?! Это было совсем не трудно. Как я уже говорил, Трамп не владеет изысканностью салонных речей. Слова употребляет не длинные, окончания не проглатывает, дефектами дикции не страдает. Такого переводить – одно удовольствие.

– А меня, как тебе переводить? – хитренько прищурился тесть, явно желая заслужить похвалу.

– Вы с Трампом, в этом плане, чем-то похожи, – не растерялся кавторанг. – Я могу быть свободен?

– погоди, не торопись уходить, – задержал его Афанасьев. – Ты теперь у нас в силу обстоятельств и посвящения в таинства дипломатии, стал вроде, как внештатный советник

МИДа. Кстати, насчет МИДа, Борисыч, свяжи-ка меня с нашей Машей.

– Сейчас, сию минуту, – мячиком подскочил к боковому столу Михайлов и, найдя нужный телефон среди полудюжины его собратьев, плотно уместившихся на ограниченном пространстве, застучал пальцем по кнопкам. – Ало, секретариат МИДа? Это приемная Главы Высшего Военного Совета. Марию Владимировну срочно к аппарату просит Валерий Васильевич. Да-да. Сейчас. Передаю трубку.

Приняв от адъютанта телефонную трубку, Афанасьев зарокотал в нее добродушным голосом, коим всегда добивался расположения у женщин:

– Добрый день, Мария Владимировна! Я не слишком вас отрываю от текущих дел?

– Да нет, что вы такое говорите Валерий Васильевич?! – заворковала трубка в ответ. – Наоборот, я очень рада, что вы не оставляете меня своим вниманием.

– Спасибо за теплые слова, – опять расшаркался диктатор, который вопреки стереотипам о косноязычии военных, очень любил поговорить с женщинами бальзаковского возраста, тем более с такими умными, как нынешняя министресса. – Помните, мы вчера с вами вечером говорили на тему террористического акта, совершенного в Белгороде? Вы еще у меня спрашивали, какова должна быть реакция МИДа?

– Конечно, помню! – подтвердила Хазарова. – Еще не про-

шло и суток нашего разговора.

– Да-да. И я вчера не смог вам дать никакого вразумительного ответа на заданные вопросы, ибо сам еще не определил степень реакции. Так вот. Сегодня обстоятельства окончательно прояснились и можно уже сказать нечто определенное.

– Я вас внимательно слушаю, Валерий Васильевич, – перешла Хазарова на более деловой тон.

– У меня сейчас состоялась беседа с президентом Соединенных Штатов. Разговор был экстренным, поэтому я не успел вас о нем заранее предупредить. Уж, простите старика.

– Ого! – не удержалась от восклицания Хазарова. – Видать сильно припекло в Белом доме, если они сами решились позвонить главарю не признаваемой ими хунты.

– У меня тоже сложилось впечатление о том, что сильно запахло жареным из-за океана, – согласился Афанасьев с ее оценкой ситуации. – Беседа носила неофициальный характер и сугубо конфиденциальный.

– Вот даже как?! – не скрыла Мария Владимировна своего удивления. – Значит, случилось нечто экстраординарное, раз он не побоялся разговаривать с вами в обход Конгресса.

– Я сейчас распоряжусь сделать для вас копию этой беседы и пришлю ее с фельдьегерем. А вы там внимательно изучите ее с привлечением штатных психологов.

– Премного благодарна.

– Беседа велась очень осторожно и с привлечением ино-

сказательных фраз, поэтому пусть они ее хорошенько изучат и дадут профессиональное заключение о морально-психологическом состоянии противной стороны. Я знаю, что у вас там имеются хорошие специалисты в данной области.

– Всенепременно так и сделаем, – согласилась она. – У вас там тоже неплохой штат имеется, – подольстилась Хазарова слегка. – Будет весьма интересно, потом сравнить выводы обеих контор.

– Согласен. Но об этом мы еще с вами поговорим потом. А сейчас у меня в голове уже сложилась определенная картинка. И я уже смогу четко сформулировать для вас задание.

– Слушаю, вас, – как пантера перед прыжком подобралась Хазарова.

– В процессе разговора с президентом у меня сложилось стойкое убеждение в необходимости срочного созыва Совета Безопасности ООН.

– У меня это убеждение сложилось еще вчера, – не упустила шанса выпустить коготки пантера.

– Да, но вчера у меня не было стойкой уверенности, что кроме Китая нас сможет еще кто-нибудь поддержать, – не обратил внимания на ее выпад Афанасьев.

– А сейчас у вас появилась уверенность, что кто-то еще выступит в нашу защиту? – подпустила она в голос толику наигранного недоумения. – Уж, не от Штатов ли вы ожидаете подобного подарка?

– От них! От них, родимых! – с веселыми интонациями

подтвердил он ее неожиданную догадку.

– С ума сойти! Ушам своим не верю! Чем же вы его сломали? – проявила Хазарова естественное женское любопытство.

– А вот вы сами и посмотрите. А пока накручивайте нашего представителя в ООН, чтобы он не стеснялся в жестких формулировках при оценке поведения украинских властей. И пусть он особо упирает на террористический характер действий ВСУ, а значит террористическую направленность всего государства великих укров.

– В таком случае, может и остальные члены Совбеза поддержат наш проект резолюции? – выразила она робкую надежду.

– Это вряд ли, – спустил Афанасьев своего министра с небес на землю. – Но зато поддержка Соединенных Штатов внесет изрядную сумятицу в стан наших врагов. На некоторое время они будут дезориентированы, зато мы, имея такой однозначный карт-бланш, сможем действовать гораздо свободнее и уверенней в том, что касается наших ответных мер. Надеюсь, вы меня, Мария Владимировна, понимаете? – вкрадчиво поинтересовался он, не раскрывая сути своего вопроса.

– Более чем, – лапидарно выразила она свое согласие.

– Тогда проект нашей резолюции пришлите мне по факсу для предварительного рассмотрения и внесения правок, если я сочту это необходимым, – подвел он итог беседы.

– Обязательно, – вновь не стала она спорить с начальством.

– До свидания, Машенька! Очень было приятно слышать ваш голос, – не упустил он возможности немного вербально пофлиртовать напоследок с симпатичной женщиной.

Положив трубку на рычаг, он вновь обратился к Михайлову:

– Борисыч, сделай не одну, а две копии. Я вечером на досуге еще раз все внимательно прослушаю интересующие меня моменты переговоров. А копию для Хазаровой упакуй, как это предписано Правилами транспортировки секретной информации и отправь фельдъегеря с надлежащей охраной.

– Будет сделано, – кивнул полковник и принялсяковыряться в аппаратуре телесвязи.

Ковыряться он недолго. Откинув заднюю панель моноблока, служащего еще и в качестве переговорного устройства, он достал оттуда, заранее вставленный CD-диск и осторожно держа его за края, молча вышел в приемную.

– Ну, что, товарищи, прикинем первые итоги переговоров? – обратился Афанасьев к Рудову и Вальронду, сложив руки на выпирающем своем животике.

Кавторанг скромно промолчал, уступая пальму первенства старшему по званию, а «пруссак», огладив топорщащиеся усы, откашлявшись, начал высказывать свои мысли:

– Я не дипломат и не психолог, прости Господи! Но я смотрел, хоть и с неудобного ракурса, на лицо Трампа и меня

все время не покидала мысль: зачем он звонил и что хотел? А уж после того, как он понес околесицу о каком-то столкновении самолетов, я, грешным делом даже решил, что он с «глузду зыхав», как говорят наши небратья с Днепра. Ведь не может быть, чтобы президенту, в руках у которого ядерная кнопка, предоставили ложную информацию о происходящем. И я в состоянии недоумения пребывал до тех пор, пока речь не зашла о десантировании диверсантов на архипелаг. И по тому, как быстро он постарался избежать обсуждения этой темы, несмотря на упоминание о том, что часть англоговорящих террористов была захвачена, я начал понимать его логику. Информацией он владеет в полном объеме. Это факт, не требующий доказательств. А «ваньку» он вальял, потому что он желал скрыть истинные события от своих, и нам настойчиво предлагал принять его интерпретацию. Его логика проста, как бильярдный шар. Уж пусть лучше все будет выглядеть, как воздушное происшествие, нежели всплывет правда о попытке применения ядерного оружия. Нам, кстати, еще предстоит отыскать и как-то обезвредить эту ракету, пока она не успела отравить все окружающие воды. Его шансы вторично уместить свой зад в кресло президента, и так не слишком велики. Но если до широкой общественности дойдет информация о попытке применения ядерного оружия, с его ли позволения или без оно, но его подчиненными, то ему этого никогда не простят. Тем более, что попытка провалилась. И еще я заметил, как он обрадовался,

когда вы Валерий Васильевич не стали оспаривать его версию воздушного столкновения. Теперь, что касается самой высадки десанта. То, как он быстренько увильнул от этой темы, попутно жестко высказываясь об уничтожении террористов, стало понятно, что наш Дональд не горит желанием видеть живыми свидетелей своего провала. Более того, он был бы нам очень признателен, если мы возьмем на себя неблагодарный труд по их ликвидации в застенках Николая Палыча. В общем, как я понял, он искренне хочет скрыть все, что произошло вчера и всячески призывает нас помочь ему в этом деле. А взамен, он согласен, так и быть, не препятствовать принятию нашей резолюции в ООН, тем более, что это ничем ему не грозит, так как она все равно принята не будет из-за позиции мелкобритов и лягушатников. Подводя итог вышесказанному замечу, что нам выпал редкий шанс немного пошантажировать нынешнюю администрацию и постараться извлечь максимум пользы для себя. По крайней мере, еще пять месяцев, пока старина Джо не въедет в январе в апартаменты Белого дома.

– Ну, что ж, Сергей Иванович, я склонен согласиться с выводами, сделанными тобой, – с одобрением высказался Верховный, заслушав экспресс-анализ своего соратника. – Трампу, действительно, сейчас очень нелегко. И он, как никогда, нуждается в нашей никак не афишируемой поддержке.

– Меня только беспокоит, что, не слишком ли малую це-

ну запросили мы с него за помощь в сокрытии улики? – осторожно поинтересовался Рудов.

– Раков варят на медленном огне, – отделался поговоркой Верховный. – Трамп наивно считает, что я желаю просто внести раскол в их единство. Да, может быть. Но не это является моей главной целью. Я хочу сделать Соединенные Штаты невольным соучастником нашей расправы с Украиной. Когда Богданов со своим «мозговым центром» подготовят план по уничтожению украинской энергетики, а ты его осуществишь, то Штаты, безусловно, зайдутся в заполошном крике о «варварстве России». Вот тогда я и суну им в нос бумагу, где они черным по белому признают Украину террористическим государством, а с террористами, как известно, и разговор короткий.

– Да чихать они хотели на все эти бумажки! – скептически отмахнулся Рудов. – На дворе двадцать первый век. Время дипломатических политесов кануло в Лету уже сто лет как.

– Раз чихнут, два чихнут, а потом глядишь, и уже на сами Штаты начнут чихать во всем мире, – мягко не согласился с очевидными доводами своего товарища Афанасьев.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Рудов, не желая продолжать дискуссию.

– А ты, Петр Михалыч, что скажешь? Как тебе беседа с заокеанским правителем показалась? – обернулся Валерий Васильевич в сторону смиренно сидевшего зятя.

– Я, конечно, тоже не психолог и уж тем более не дипло-

мат, привыкший так и этак трактовать любые сказанные оппонентом слова. Ко всему прочему, я в отличие от товарища генерала армии не имел возможности рассмотреть лицо американского президента. Я, всего-навсего слышал только его речь, – вдумчиво и не торопясь начал излагать свою мысль Вальронд. – Однако интонации его голоса и паузы между словами, как мне показалось, явственно указывали на то, что он все время хотел сказать нечто важное, помимо уже высказанного ранее. Хотел и не решался, видимо опасаясь то ли утечки информации, то ли неправильного понимания его позиции, как с нашей стороны, так и со стороны тех, кто незримо присутствовал при беседе. Его положение, как говорится, хуже губернаторского. В отличие от вас, товарищ Верховный, он находится под постоянным бдительным и отнюдь не доброжелательным надзором. Именно поэтому он и вынужден тщательно маскировать каждую свою мысль под малозначимыми фразами, в надежде на нашу сообразительность.

– То есть, ты хочешь сказать, что он так и не смог донести до нас своего главного посыла? – почесал переносицу Афанасьев в явной задумчивости.

– Не знаю, – честно признался зять, – может и донес, но мы не все распознали. В любом случае, вы правы в том, что эту беседу надо как следует изучить с применением специалистов в области вербальной и физиономической психологии.

– Хорошо, Петр Михалыч, я обязательно прислушаюсь к твоему совету, – подвел черту анализу, сделанному Вальрондом, Валерий Васильевич.

Поняв, что мини-совещание закончено Рудов и Вальронд, встали со своих мест одновременно, как по команде.

– Мы можем идти? – спросил Рудов за себя и за кавторанга.

– Да, ступай, Сергей Иваныч, – не стал его задерживать Афанасьев. – А ты, Петр Михалыч, останься еще на пару минуток. Нам с тобой еще надо потолковать о своем, о семейном.

«Пруссак» подмигнул ободряюще, растерявшемуся Вальронду, дескать не переживай заранее, и вышел, осторожно прикрыв за собой двери.

Глава 56

I.

Там же

Когда за Рудовым закрылась дверь, Валерий Васильевич выбрался из своего диктаторского кресла и подсел к приставному столу так, чтобы сидеть напротив кавторанга. Положив руки на стол и сцепив пальцы в замок, начал задушевым голосом:

– Ты уж прости меня Петр, что затеваю с тобой чисто се-

мейную беседу в служебное время и используя рабочий кабинет. Просто в ближайшее время нам с тобой не подвернется увидеться в более приемлемой обстановке: у тебя через два часа заканчивается смена, а я опять буду проминать своими старческими боками чужой диван.

– Да-да, Валерий Васильевич, – подался всем корпусом вперед зять, – я все понимаю. И понимаю, в каком тяжком положении вам приходится существовать, живя на два дома.

– Вот-вот, – горько усмехнулся диктатор, – хоть ты меня понимаешь. Года мои, видишь ли, уже не те, чтобы мотаться туда и сюда, как пес неприкаянный. Да и вам, я имею в виду тебя с твоими коллегами и ребят из ФСО, тоже не в кайф по ночам тереться на лестничных клетках, создавая неловкие моменты для жильцов подъезда.

– Да уж, – опять согласился дворянский отпрыск, – давненько я не пребывал в подобных спартанских условиях.

– Вот именно, – поднял Верховный кверху указательный палец. – А все почему?

– Простите меня еще раз, Валерий Васильевич. Каюсь. Моя вина. Я никак не мог предположить, что Настя, – тут он запнулся и моментально поправился, – Анастасия Валерьевна в штыки воспримет мою дежурную галантность по отношению к Веронике Степановне.

– Я, признать, если честно, и сам не ожидал, что она так ревниво воспримет этот невинный жест с твоей стороны. Ума не приложу, и в кого она у меня такая? Или это с воз-

растом стало проявляться?

– Скорее всего, именно так оно и есть, – подтвердил догадку тестя Вальронд. – Женщины в таком возрасте особенно чувствительны к проявленным знакам внимания, даже если они предназначены и не им самим.

– Ну, вот, а говорил, что не психолог, – изобразил жалкую улыбку на лице Афанасьев.

– Поверьте, приложил правую руку к сердцу Вальронд (к левой руке был, по-прежнему пристегнут «ядерный» кейс), – мы с Анастасией все время продолжаем искать варианты подходящего обмена, но просто сейчас с этими карантинами, люди сидят по домам и боятся из них выходить, а риэлтерские конторы практически не работают. Деловая жизнь замерла. И даже в газетах пропали все объявления по размену квартир.

– Не то говоришь, Петя, – смешно сморщил свой курносый нос Афанасьев. – Я наоборот со страхом ожидаю того момента, когда вам все же удастся найти подходящий вариант и вы с Настей покинете меня. Не знаю, как вас, но лично меня, ваш возможный отъезд, сильно расстроит.

– Но..., – сделал попытку развести руками Вальронд, – две молодых женщины на одной кухне...

– И что?! – оборвал его Валерий Васильевич. – Ты же служил в армии. Разве у вас в военном училище не было дневальных по пищеблоку? Или не было очередности заступать в наряд?

– Но..., – опять принял недоумевающий вид Петр, – ведь дом – это не казарма.

– Хороший дом должен напоминать образцово-показательную казарму, где царит образцовый порядок в вещах, дисциплине, и присутствует определенная иерархия, – наставительным тоном миниховского капрала произнес Афанасьев.

– Ну, коли это казарма с иерархией, то в каких же тогда званиях должны пребывать наши любимые женщины? – решился-таки подначить своего тестя Вальронд. – Вы-то, понятно, комендантом в казарме будете. Я, исходя из своего воинского звания, твердо могу рассчитывать на должность начальника караула. А они? Кто из них будет «дедушкой», а кто «черпаком», коли уж на то пошло?

– Ладно, не ершишь, Петя, – решил разрядить атмосферу диктатор, чувствуя, что его слегка занесло не в ту сторону. – Я привел не слишком удачное сравнение. Вернее будет сказать – не казарма, а коммунальная квартира. Ведь уживаются же как-то годами разные семьи на одной жилплощади? Причем, прошу заметить, не родственные семьи. Такой вариант тебя устраивает?

– Вполне, – не стал, на сей раз, ерничать любимый зять.

– Вот и отлично! – удовлетворенно крикнул Валерий Васильевич.

– У вас, видимо, уже имеется какой-то план по примирению соседок на одной кухне? – с нескрываемым любопыт-

ством спросил Петр.

– Лучшим местом для примирения соседок по коммуналке является, опять-таки пресловутая кухня.

– Кухня? – переспросил зять тестя. – И как вы себе представляете это примирение?

– Как говаривал в свое время кот Матроскин: «Совместный труд для моей пользы, он – объединяет!»

– Как же, как же! Помню такое, – заулыбался Петр, окунаясь в воспоминания своего детства.

– В данном случае это будет труд не только для моей пользы, но и для пользы всего государства, – подпустил тумана Верховный.

– Не понял! Поясните, причем тут государство? – удивился зять.

– Все очень просто. Ты уже, наверное, слышал, что послезавтра к нам, несмотря на все карантинные предосторожности, прибывает с визитом сам премьер-министр Индии?

– Да. Слышал, – кивнул Петр.

– Визит будет носить статус неофициального и дружеского, – продолжил свою мысль Валерий Васильевич. – Надеюсь тебе не надо разъяснять разницу между дружеским официальным и дружеским неофициальным визитом?

– Не совсем улавливаю разницу, но вполне допускаю, что они весьма разнятся, – признался в своей неосведомленности в дипломатическом этикете Вальронд.

– А есть еще визиты официальные, деловые и государ-

ственные, – окончательно привел в замешательство Петра тещь.

– О, Господи! – едва не перекрестился кавторанг.

– При официальном дружеском визите гостя встречают в аэропорту послы или главы протокольной службы. Программа визита, обычно, обширная. Тут и переговоры, возложение венков, посещение различных мероприятий. Если говорить о России, то в его атрибутику обязательно входит торжественный обед или завтрак, который проходится по традиции в Грановитой палате Кремлевского дворца. При этом гость проживает либо в своем посольстве, либо в официальных апартаментах, предоставленных ему на время визита, – принялся наставлять зятя Афанасьев, которого и самого только недавно просветили в этих тонкостях. – Неофициальный визит – это поездка главы одной страны в другую, например, на отдых или лечение. При этом церемонии не предусмотрены вообще, либо их сводят к минимуму. Гость и хозяин, как правило, встречаются у последнего в доме, а гость на время визита поселяется к хозяину. И там они, в доме хозяина, в непринужденной обстановке они могут завтракать, обедать и ужинать.

– Ага, – «въехал» в тему зять, – теперь суть разницы до меня ясно дошла. Стало быть, и проживать он будет эти полтора дня – с нами.

– Верно, мыслишь, Петр, – подтвердил догадку зятя Афанасьев. – Официальной темой предстоящего визита названа

договоренность о поставке пробной партии вакцины от ковида. У них, вишь, несмотря на развитую фармакологию, дела с разработкой собственной вакцины идут не сказать, чтобы успешно. И это в то время, как в Индии смертность от заразы бьет все рекорды. У китайцев просить – гордость не позволяет, в связи с напряженными отношениями на границе. Вот он и наострил лыжи к нам. Но, естественно, разговор будет касаться не только этой темы. Будет затронут широчайший круг вопросов: от поставок углеводов до совместного выпуска некоторых образцов современного вооружения. В этом плане я возлагаю большие надежды на его визит. Помимо того, что это первый визит столь высокого гостя, служащий легитимации нашей власти в глазах мирового сообщества, он еще косвенным образом повлияет на наши отношения с Китаем. Надо прозрачно намекнуть товарищу Си, что он не является для нас единственным божеством, на которое надо молиться денно и нощно. Понимаешь теперь, как важно нам будет постараться ублажить гостя?

– Да-да, я понимаю, – поспешил согласиться Вальронд.

– А ублажать, помимо прочего, придется еще и изысканной кухней! Чуешь, куда я клоню? – насмешливо взглянул на кавторанга Верховный.

– Чую, – уныло вздохнул тот, поняв, что кроется за последней фразой тестя.

– Настасья-то при всех своих положительных качеств, как стряпуха, скажем откровенно, так себе. Ниже среднего.

Училка. Что с нее возьмешь? Только и может, что тыкаться в школьные тетрадки.

Вальронд благоразумно не стал комментировать выпад диктатора против своей дочери. Однако попробовал найти выход из ситуации:

– А что местные повара? Не могут не упасть в грязь лицом? Или может, стоит пригласить кремлевских? Те-то уж наверняка собаку съели на этом деле, в прямом и переносном значении.

– Можно, конечно и кремлевских пригласить, да и местные, если что, то не подведут. Да только вот Настасья-то об этом не знает. С местным шеф-поваром я уже перетолковал давеча. Мужик хороший и не подведет. Если она будет спрашивать, то он разведет руками и скажет, что индийская кухня весьма специфична, а сам он не является ее большим знатоком.

– А если она начнет допытываться до кремлевских поваров? – выразил опасения Петр.

– Господи, – закатил глаза Афанасьев, – да наври ей чего-нибудь. Дескать, не могут они работать вне места своего пребывания. Главная твоя задача – поднапугать ее как следует. Мол, принято по индийским традициям, чтобы еда была приготовлена руками хозяйки и подана на стол ею самой, иначе гостю обида невыносимая.

– Ну, хорошо, напугаю я ее до полусмерти, а дальше то, что? – уставился Вальронд на Афанасьева.

– А дальше сделай так, чтобы она в испуге и отчаянии позвонила мне сегодня, когда я уже буду у Вероники. Попозже. Где-нибудь часов десять или одиннадцать вечера.

– И? – с придыханием спросил кавторанг, по-детски чуть приоткрыв рот.

– Она в состоянии паники позвонит мне..., – по-садистски стал растягивать концовку финала Афанасьев, чтобы насладиться нетерпением Петра.

– Ну-ну, – от нетерпения стал подпрыгивать на кресле зять.

– Я, конечно, поломаюсь, для приличия, а потом скажу невзначай, что, мол Вероника большой дока в индийской кухне. И тогда у Настьки не будет иного выхода, как обратиться к ней за помощью. А уж на кухне-то они сумеют найти общий язык.

– А она, правда, дока? – выразил опасения Вальронд.

– Нет, конечно, – поморщился диктатор. – Но вот уже второй день неустанно зубрит рецепты.

– Стало быть, она уже в курсе?

– Признаюсь честно, что это и была ее идея изначально, – хитренько взглянул на зятя диктатор.

– Ох уж эти женщины! До чего же прехитры и изворотливы! – выдохнул Петр.

– Да, – усмехнулся Валерий Васильевич сардонически. – И мы должны доказать, что тоже не лыком шиты. Вот поэтому я тебе, как самому близкому мне, после дочери, человеку,

и доверяю провести эту наисложнейшую дипломатическую миссию! Не подведи меня, сынок! – с излишним пафосом произнес Афанасьев.

– Я постараюсь изо всех сил! – с дрожью в голосе от проникновенных слов тестя, произнес зять, прикладывая правую руку к сердцу.

– Да уж постарайся, – опять легкая усмешка пробежала по губам Верховного. – Тем более, что от этого зависит и твое здоровье. Хватит на ступеньках сидеть, отмораживая почки. Ты, кстати, говорил ей об этом, как я тебя учил?

– Говорил, – кивнул зять.

– Ну, и?

– Жалееет, само собой.

– Жалеть – мало! – с пафосом заметил тесть. – Она делом должна доказать к тебе свою любовь. Ладно. Будем надеяться, что наш план увенчается успехом, – подытожил Верховный.

Поняв, что разговор по душам на этом окончен, Вальронд не стал злоупотреблять вниманием всесильного родственника:

– Разрешите идти? – поднялся он во весь свой могучий рост.

– Ступай, голубчик. Ступай милый, – напутствовал его Афанасьев.

Не успел Петр выйти из кабинета, как его дверь открылась и на пороге возникла фигура Михайлова.

– Что случилось? – озабоченно спросил Валерий Васильевич, повернув к нему голову.

Он уже стал несколько побаиваться таких необъявленных визитов даже от своего адъютанта, ибо они почти никогда не несли в себе ничего положительного.

– Товарищ, Верховный, разрешите доложить?

– Докладывай, – не слишком-то ласково пробурчал тот в ответ.

– Не знаю, интересует вас или нет, но в новостях только что сообщили об отставке Директора ЦРУ, Начальника Объединенного Комитета Штабов и Государственного Секретаря Соединенных Штатов.

– Вот как?! – вскинул брови Афанасьев. – Это весьма любопытно. Какие подробности?

– О подробностях сообщений не было. Ясно только одно, что отставка была неожиданной и носила скандальный характер, – с нескрываемой торжественностью поведал полковник.

– И какие факты указывают на это? – поинтересовался Верховный.

– Еще накануне все трое фигурантов, заявляли по отдельности, что рассчитывают сохранить за собой занимаемые посты в случае переизбрания Трампа на второй срок, – продолжал ехидным голосом докладывать Михайлов. – К тому же все трое должны были на следующей неделе принять участие в дебатах Конгресса по утверждению расходной части бюд-

жета на 2021 год.

– Так-с, так-с, – пробарабанил пальцами по столу Афанасьев. – Кажется, не все благополучно в датском королевстве.

– Насчет неблагополучия в Дании, сведений пока не поступало, – извиняющимся тоном проговорил Михайлов. – Но я могу навести дополнительные справки.

– Да, нет-нет, – отмахнулся Афанасьев, – не обращай внимания. Это просто присказка такая. Шекспир наш Вильям. Пьеса «Омлет».

– Омлет? – изумился Борисыч.

– Ага, – кивнул диктатор, – с луком и помидорами. – Ладно. Проехали. Не заморачивайся по пустякам.

– Разрешите идти? – несколько обиженным голосом спросил тот.

Афанасьев молча кивнул, не поворачивая к нему головы, сосредоточенно уставившись на полированную столешницу.

«Чудны дела твои, Господи! – думал про себя в это время Валерий Васильевич. – Неужели Трамп совсем обезумел, устраивая чехарду с отставками в своем ближайшем окружении, да еще накануне выборов, исход которых отнюдь не ясен? И потом, почему он отправляет в отставку своих «силовики» вместе с толстяком Помпео? Неужто это связано со вчерашними событиями? Очень странно». И тут острая, быстрая и яркая мысль промелькнула у него в голове, попутно расставляя все по полочкам. Он, наконец, понял брошенную Трампом вскользь фразу о том, что он сожалеет о

невозможности уничтожить своих врагов, довольствуясь их отставкой. Трамп напрямую причастен ко вчерашним событиям. И если даже он лично не отдавал приказа на совершение прямого террора в отношении российских граждан, то уж, во всяком случае, заранее знал об этом. Но что-то пошло не так и многоходовая операция с треском провалилась. Непосредственные исполнители акции были помножены на ноль. А оставшихся в живых участников, он настоятельно рекомендовал мне уничтожить. Но кроме непосредственных исполнителей имеются еще и их руководители, которые в любой момент могут дать показания против него, свалив с себя всю ответственность за провал, который по любому не удастся замолчать на длительный срок. Это никак не входит в планы президента идущего на перевыборы. «А значит, он таким замысловатым образом намекает мне, чтобы именно я взял на себя неблагодарную роль палача его врагов и невольных свидетелей! Ну и Дональд! Ну и сукин сын!»

II.

Он кинул взгляд на настенные часы, прикидывая, находятся ли еще на своих рабочих местах члены Президиума. За Рудова, Юрьева и Тучкова он мог поручиться. Что же касалось разведчиков, то они птицы вольные и вообще редко сидят по кабинетам, предпочитая мотаться по своим тайным делам. Пересаживаться в свое рабочее кресло, чтобы оттуда

вызвать Михайлова по селектору не стал. Просто рыкнул погромче с места, зная, что тот все равно услышит:

– Борисыч!

Тот, словно джинн из бутылки тут же материализовался на пороге, буквально из воздуха и замер в вопросительной позе.

– Вот что, голубчик, срочно созывай Президиум.

– Есть, созвать срочно Президиум! – отрепетовал адъютант и ринулся вон из кабинета, соображая на ходу, что могло стать поводом для такого аврала.

Первым, как и ожидалось, прискакал «пруссак», благо его рабочее место находилось в этом же здании. Вторым, через десять минут пришел Юрьев, по счастливой случайности, находившийся тоже в этом здании – в кабинете Министра обороны. Еще через десять минут прибыл Тучков, в отвратительном состоянии духа, ибо своим внезапным вызовом Афанасьев рушил все его планы на вечер. Осталось только дожждаться разведчиков. Уже прибывшие сразу стали настойчиво интересоваться такой скоропалительностью, предчувствуя, что-то не совсем хорошее, но Верховный стоически хранил тайну, желая ее обнародовать только в присутствии всех членов Президиума. Ворча себе под нос об излишней торопливости и конспирации, они отступили. Через двадцать минут прибыли и остальные главари хунты. Для этого им пришлось воспользоваться вертолетом, который и доставил их обоих к месту совещания, приземлившись на

крышу Национального Центра обороны. Когда, наконец, все собрались, Афанасьев, сложив локти на стол, вкратце поведал присутствующим о внеплановом видео-звонке заокеанского президента. После чего попросил находящегося здесь Михайлова продемонстрировать запись беседы с Трампом, выведя ее на экран телевизора, стоявшего в углу кабинета. Протокол заседания, по настоятельной просьбе Верховного, вести не стали, поэтому Михайлова, после того, как он наладил трансляцию, выпроводили в приемную. После просмотра наиболее важной части переговоров, Афанасьев, откинувшись на спинку кресла, задал членам Президиума общий вопрос:

– Ну, товарищи хунтята, как вы истолкуете смысл просмотренного диалога?

Рудов ничего не ответил, так как ранее уже высказывался на эту тему, и добавлять ему было нечего. Юрьев, как человек бесхитростный и не обладающий дипломатической изворотливостью тоже только пожимал плечами, искренне недоумевая, в чем собственно был смысл звонка, если не считать согласия Трампа на поддержку России в ООН. Ему было удивительно, почему из-за этого Афанасьев сорвал его с важного заседания Комитета по гражданской обороне. А вот разведчики вкупе с Малютой крепко призадумались. Первым нарушил глубокомысленное молчание Тучков:

– Я так понимаю, что подгорает у нашего Трампампама. Иначе, как объяснить отсутствие его заинтересованности в

освобождении оставшихся в живых террористов? Не хочет, видимо, дядя, чтобы освобожденные, если мы, конечно, захотим их освободить, дали интервью газетчикам о провале операции.

– Да и боестолкновение в воздухе хочет представить, как банальное нарушение Правил по безопасности полетов, – вставил Костюченков.

– Он просто хочет, чтобы мы присоединились к заговору молчания и не портили ему предвыборную кампанию, – в тон ему предположил Барышев. – Ради нашего молчания, он даже согласен поступиться принципами по безоговорочной поддержке страны 404.

– Так я не понял, господа, что нам делать с пленными, когда их смогут доставить ко мне на Лубянку?

– Здесь нет господ, тут только одни товарищи, – окрысился Рудов, по многовековой привычке не любить господ в «лазоревых мундирах», доставшейся ему в наследство от офицерской касты.

– Ладно-ладно, молчу, оговорился, – не стал устраивать балаган на ровном месте жандарм.

– Пленных, Николай Палыч, как только они придут с первым бортом, законопать куда-нибудь туда, где Макар телят не пас, и чтобы о них ни слуху, ни духу не было слышно, ну и, естественно, возможности бежать. Но прежде поработай с ними так, чтобы им небо с овчинку показалось. Вытряхни из них все, что можно и не можно. При этом оставь

чуток здоровья. Они нам еще возможно пригодятся для закулисных торгов, не с этим, так с другим президентом, – со знанием дела дал ценное указание Афанасьев своему оберпалачу.

Все сидящие в кабинете невольно поежились от этих его людоедских слов, зато сам Тучков радостно заулыбался, как ребенок, которому мама пообещала купить новую игрушку. Верховный внимательно обвел взглядом своих соратников:

– Ну, что, товарищи, иных соображений нет? Вы всерьез полагаете, что Трамп пошел на контакт с нами только для того, чтобы мы помалкивали до поры до времени о том, как облажались его «морские котики»? – прищурился Валерий Васильевич.

Члены Президиума начали переглядываться между собой, откровенно не понимая, какое еще «двойное» дно могло крыться в давешнем разговоре двух мировых лидеров.

– А вы помните его слова о том, – начал на пальцах объяснять соратникам ситуацию Афанасьев, – что он сожалеет, что не может расправиться со своими недругами, ограничиваясь принятием их отставок?

Все дружно закивали головами, но все еще не понимали скрытой подоплеки его слов, брошенных, видимо в сердцах на свое неумелое окружение, не сумевшее провести операцию надлежащим образом.

– А теперь сопоставьте его слова с информацией о том, что Милли, Хассел и Помпео после визита к президенту бы-

ли срочно отправлены в отставку, – с торжеством произнес Глава Военного Совета.

– Это точная информация? – с удивлением спросил Барышев.

– Да. Об этом только что заявила CNN, как известно, очень близкая к правящим кругам, – утвердительно кивнул головой Валерий Васильевич.

– Он с ума сошел что ли?! – округлил глаза Игорь Олегович. – Менять коней на переправе. Они же обязательно ему отомстят, при первом же попавшемся случае.

– За Милли не ручаюсь, а «Кровавая Джина» с «Весельчаком У» не упустят своего шанса воткнуть ему в зад отравленную иголку, – поддержал своего коллегу Дмитрий Аркадьевич.

– Они в любом случае это сделают, чтобы переложить всю ответственность за провал операции на него. Ведь долго удерживать информацию в секрете, все равно не удастся, так или иначе, – поправил своих соратников Афанасьев.

– То есть вы хотите сказать, что Трампу известны их намерения, и он желает от них избавиться первым, как от нежелательных свидетелей на возможном процессе о государственной измене, который светит ему в случае обнаружении неудобных фактов?! – вытаращил глаза Внешней разведки.

– Вот именно, – обрадовался, хоть и запоздалой, но все-таки догадливости своего главного нелегала Валерий Васильевич. – И не просто избавиться, а сделать это нашим ру-

ками. К тому же просит он это сделать действительно и как можно скорее, пока они не заговорили первыми, переметнувшись в стан его врагов.

– А вдруг это провокация? – передернул плечами вечный пацифист Юрьев. – Может, нас там уже ждут, чтобы поймать с поличным и доказать, что они де не единственные в мире террористы? Вы-то сами, как считаете, стоит ли нам удовлетворять его завуалированную просьбу?

– Трамп сидит на раскаленной добела сковородке. И он сейчас не в том положении, чтобы заниматься «грязными» играми с нами, ибо поимка наших людей еще больше раздует пламя скандала, в котором он никак не заинтересован, – пояснил свою позицию Афанасьев.

– Хмм, – многозначительно промычал Костюченков, – какой, однако шустрый этот старикан Трамп.

– Жить захочешь – еще не так раскорячишься, – хохотнул Тучков, вспомнив фразу из известного кинофильма.

– Верно, ли мы интерпретируем его слова? – засомневался всегда осторожный в поступках Барышев.

– Да уж куда вернее?! – развел руками Верховный.

– В принципе, мы так и так собирались это сделать, – косвенно поддержал Верховного Игорь Олегович. – Просто к пяти мишеням добавилась еще и шестая. Да и сроки резко сдвинулись влево, на что мы, честно говоря, не рассчитывали.

– Вы, Игорь Олегович, лучше поведайте нам, как у вас

реально обстоят дела с подготовкой к акции? – поинтересовался Афанасьев. – И имеется ли возможность как-то форсировать ее проведение без ущерба качеству и обеспечению безопасности ее исполнителей?

– Подготовка к предстоящей операции не прерывалась ни на один день и в настоящее время идет полным ходом, – начал неторопливую и обстоятельную речь Костюченков. – Для соблюдения конспирации мы решили забросить в Штаты не одну группу исполнителей, а целых четыре, с конкретным заданием для каждой из них. Естественно, что каждая из групп ничего не знает о других и взаимодействие этих групп в дальнейшем нами не предусматривается. Спасибо Дмитрию Аркадьевичу за то, что его люди из «спящих ячеек» приняли «гостей» с нашей стороны, разместили и уже успели легализовать. Сейчас завершается подготовка к проведению непосредственной акции. Параллельно с этим подготавливается план отхода с места завершения операции и «залегания на дно». Исходя из служебного ранга «мишеней» варьируется и сложность исполнения операций. Наименьшие хлопоты в устранении доставят нам Мэтью Скайлз – бывший помощник военного атташе в Москве и Начальник отдела по изучению России и Европы – Дэниел Смит, так как первый не имеет вообще никакой охраны, а второго опекают лишь два частных охранника, которым он платит из своего собственного кармана. Охрана у директора ЦРУ и Госсекретаря, естественно, будет посолидней, поэтому-то мы и ждали,

когда вследствие перевыборов президента им придется уйти в отставку, а значит охрана на государственном уровне у них значительно ослабнет. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, нам, разумеется, придется внести некоторые коррективы по срокам, а также осуществить заброску на территорию противника еще одной группы «ликвидаторов».

– Учтите, Игорь Олегович, что в сроках у нас получается цейтнот. Акцию возмездия придется провести в наиболее кратчайшие сроки, – тоном, не терпящим возражений, заявил Афанасьев. – Делайте, что хотите, но основные фигуранты, я имею в виду Хаспел, Милли и Помпео, должны быть ликвидированы в приоритетном порядке.

– Мы постараемся, Валерий Васильевич, – понуро ответил адмирал.

– А не повлечет ли это ответные действия со стороны Штатов, в отношении руководства России, – поежился Юрьев.

– Вы, Борис Иванович, умный, но одновременно с этим еще и очень наивный человек, – горько усмехнулся Верховный. – Я вас уверяю, что те, кому назначено вас ликвидировать, уже давно находятся в России-матушке. К вашей ликвидации, впрочем, так же, как и к моей, уже все готово. Осталось только получить прямой приказ.

– Вы в этом точно уверены? – зрачки глаз Министра обороны расширились, как у кошки в сумерках.

– Увы, мой друг, – вздохнул диктатор, – но такова участь

всех руководителей более-менее значимых стран – находиться под постоянным прицелом.

– Ха! – выдохнул Рудов, ощеряясь в саркастической улыбке. – Вам ли – обладателю второго «ядрёного чемодана» опасаться пули в лоб, когда на вас персонально и без того нацелено с десятков боеголовок? А уж перед началом всемирного Апокалипсиса, вы, точно будете одним из главных кандидатов на устранение. Или вы этого не знали?

– Ну, почему же не знал? – засмутился Юрьев из-за опасений обвинений в трусости. – Знал, конечно. Вернее, предполагал. Но это в случае войны, а так, чтобы быть банальной мишенью для террористов...

– Я, наверное, не открою никакой государственной тайны, – вмешался в разговор жандарм, – если скажу, что не было еще ни одного руководителя в России, на которого, хотя бы пару раз не было совершено покушений. Кстати, последний наш президент побил предыдущий рекорд товарища Сталина, на которого покушались девять раз. На Бутина покушались – одиннадцать и только двенадцатого он не смог пережить.

– Только вы не подумайте, что я трушу! – встрепенулся Министр обороны и вдобавок премьер-министр. – Просто, столько еще не сделано, и столько планов ждут своей реализации. Обидно было бы оставить все это в незавершенном виде. Да и внуков жалко, отца-то нет, а я им и за отца и за деда, – чуть слышно пробормотал он последнюю фразу.

– Не переживайте вы так, Борис Иванович, – попробовал его утешить Тучков. – Мы, совместно с ФСО (он по привычке считал эту организацию самостоятельной, хотя она уже больше месяца, как подчинялась его ведомству) делаем все, чтобы обеспечить достойную охрану первым лицам государства.

– Ладно. Мы слегка отвлеклись от основной темы разговора, – прервал минорное настроение в кабинете Верховный. – Лучше скажите, Игорь Олегович, что вам еще нужно для успешного проведения операции? Дополнительное финансирование или, быть может, оборудование?

– Да нет, в общем-то, – пожал он плечами. – Люди Дмитрия Аркадьевича, на местах, снабдили всем необходимым наши группы.

– Кстати, вот еще что, – спохватился Афанасьев. – Учтите, когда будете проводить операцию, что ликвидации должны будут пройти почти одновременно. Иначе спецы с той стороны догадаются, откуда и куда ветер дует, и смогут просчитать в какую сторону мы нанесем следующий удар, и успеют подготовить ловушку.

– Фактор одновременности мы учитываем в подготовке к операции. Сейчас это будет сделать посложнее, в связи с тем, что добавился новый «клиент» в лице мистера Милли, но мы постараемся, чтобы между началом и концом операции прошло не более суток, – кивнул Костюченков.

– Все это хорошо, товарищи, – вмешался главный неле-

гал, – но вот, как мы с вами будем выглядеть после завершения операции, в благополучном исходе которой я почти не сомневаюсь, если с главных фигурантов будет снята охрана? Ведь все будут тыкать в нас пальцами, утверждая, что новые люди, пришедшие к власти в России – настоящие террористы, ничем не отличающиеся от своих заокеанских визави.

– А вы, Дмитрий Аркадьевич, – нехорошо прищурился Афанасьев, – решили всю жизнь прожить и умереть, не снимая белых перчаток? Зачем тогда соглашались участвовать в этом?

– Про перчатки это вы хорошо сказанули, Валерий Васильевич! – поднял кверху большой палец Тучков. Наш Дмитрий Аркадьевич никогда не снимает их, чтобы не оставлять следов после каждого совершенного его людьми политического убийства.

– Вы неправильно меня поняли, товарищ Верховный, когда я говорил о том, как мы будем выглядеть, – обратился он к Афанасьеву, одновременно кидая острый взгляд в сторону балагура из пыточных застенков. – Я имел в виду, что может быть не следует поступать настолько демонстративно? Может, следовало, как-нибудь представить все в качестве несчастных случаев или трагических стечений обстоятельств.

– Да бросьте вы, Дмитрий Аркадьевич, там ведь тоже не дураки сидят. Уж два плюс два, как-нибудь, да сложат, – скривил рот диктатор. – К тому же проработка операции для

более тщательного сокрытия следов, потребует гораздо большего времени и средств. А временем, как вы успели заметить, мы не располагаем от слова «совсем». А насчет того, что о нас подумают в мире, вы тоже не правы. Мировое общество привыкло уважать силу. К тому же удачливую силу. Оно, даже если на словах и будет какое-то осуждение, безусловно, поймет, что новые власти России слов на ветер не бросают. И если уж публично обещали расправиться с теми, кто устроил бойню в сердце столицы, то непременно выполнят обещанное. А, значит, на будущее будут знать, что время, когда Россия наматывала сопли на кулак, ушло безвозвратно. Поэтому вести с нами нечестную игру, а уж тем более вытирать об нас ноги, поопасятся.

III.

08.09.2020г., США, округ Колумбия, г. Вашингтон, Пенсильвания авеню 1600, Белый Дом.

Когда директор ФБР и технический персонал, обеспечивающий связь покинули Овальный кабинет, президент смог, наконец-то, расслабиться. С его лица стекал, как водопад обильный пот.

– Ну, что скажешь, мой мальчик? – обратился он к зятю, доставая из брючного кармана немалых размеров носовой платок, чтобы утереться. – Как я тебе показался?

– Выше всяких похвал! – не упустил шанс лишний раз

подольститься молодой человек с обрезанной крайней плотью. – Вы, как всегда сумели продемонстрировать свои лучшие качества.

– Это, какие же? – отдуваясь, спросил Трамп, напрашиваясь на новый поток беспардонной лести.

– Во-первых, волевой настрой. Я ведь сразу заметил, что вы с восточным сатрапом, даже не поздоровались, продемонстрировав, тем самым, что являетесь лидером всего прогрессивного мира, которому претит желать здоровья тирану и узурпатору, – начал ворковать хитрец.

– Разве?! – выразил искреннее удивление Владыка Мира. – А я, признаться, даже и не помню, здоровался я с ним или нет. Но, раз так, то пусть так и будет. Русским нельзя чувствовать себя нашей ровней. Они от этого только хамеют. Но ты продолжай-продолжай.

– Во-вторых, именно вы задали тон и тематику беседы, проявив тем самым недюжинные лидерские качества, – растянулся зять в ковровую дорожку перед пока еще всемогущим тестем. – Русский диктатор все время был вынужден становиться в позу обороняющегося. Это было великолепное зрелище, которое со временем войдет в историю, как образчик дипломатического искусства.

– Правда?! – всерьез обрадовался Трамп. – Хотя, что это я говорю? Конечно, правда. Многолетний опыт руководства корпорацией, которая представляет собой нечто вроде маленькой империи, выковал во мне все эти качества, а умение

вести беседу на разных уровнях возвел в ранг подлинного искусства. Я тебе сынок, так скажу: если ты умеешь руководить корпорацией, то руководство страной уже не покажется такой сложной штукой.

– Ах, как верно вы подметили это, Дон! – с обожанием воскликнул Джаред.

– Это, так, – самодовольно кивнул тесть. – Умение все подмечать и делать при этом правильные выводы, выковываются годами упорного труда. Но, что еще тебе понравилось? – не унимался пожилой джентльмен, жаждая еще больших похвал, как провинциальная актрисочка с неутоленным тщеславием.

– Еще мне понравилось, как ловко вы не только задали тон и тему разговора, но еще и склонили этого генерала принять именно ваше видение ситуации. У него просто не нашлось аргументов, чтобы вам что-то возразить, настолько он был растерян и подавлен, – продолжал суесловить Кушнер со слащавой улыбочкой коммивояжера.

– Это-то меня больше всего и настораживает, – согнал с лица самодовольное выражение президент. – Почему он не стал мне возражать? Ведь, без сомнений, он должен владеть всей полнотой информации. Или же его прихлебатели-царедворцы скрыли от него правду?

Джаред, вслед тестю тоже сделал лицо серьезным:

– При всей моей нелюбви к русским, этот Афанасефф отнюдь не похож на человека, которого можно просто так об-

манывать.

– Вот и я об этом думаю, – нахмурился Трамп. – Он далеко не прост, несмотря на свою нелепую внешность. Почему же он тогда так легко согласился с моим мнением по данному инциденту?

– Какая нам разница, почему он так легко принял вашу точку зрения? Главное заключается в том, что это, в любом случае, играет нам на руку, – промурлыкал пронырливый родственник.

– Нам остается только надеяться на то, что он и дальше будет придерживаться прежней позиции, – вздохнул Трамп. – И еще надеяться на то, что он не станет трезвонить по всему миру о нашем фиаско.

– В этом можете не сомневаться, Дон. – Если бы у него были подобные планы, то он уже непременно оповестил мир о своей «грандиозной» победе над мировым капиталом, – усмехнулся внештатный советник. – А он повел себя гораздо умнее, почти в открытую потребовав с нас плату за свое молчание.

– Вот именно, – согласился с доводом Кушнера президент, – то о чем я тебе и толковал. Он очень непрост.

– Только вот, не слишком ли дорого нам придется за это заплатить в ООН? – выразил осторожное сомнение Джаред. – Вы ведь сами проявили бдительность, заявив ему, что он добивается раскола в рядах союзников.

– Думаю, что не слишком дорого, – задумчиво ответил

президент. – Что такое ООН? Это просто помпезно оборудованное место для пустопорожней говорильни, в котором стороны не столько отстаивают свое мнение, сколько упражняются в красноречии. Ну, проявим мы толику сочувствия по погибшим при обстреле. И что? Сегодня заявим, а завтра об этом уже никто и не вспомнит.

– У русского диктатора на этот счет иное мнение, раз он акцентировал на нем свое внимание, – опять вкрадчиво посмел внести долю сомнений агент Моссада.

– Не заморачивайся на этом деле, сынок, – беззаботно отмахнулся тесть от сомнений зятя. – Наше особое мнение никак не повлияет на дальнейшую судьбу резолюции Совбеза, так лелеемую русскими. Я же уже, кажется, говорил, что любители шампанского и ямайского рома ни за что не пропустят ее в той редакции, которую предложат византийцы. Мы же, своей отличной позицией, напротив, продемонстрируем всему миру, как свою беспристрастность, так и свою принципиальность, осуждая терроризм в любой его форме, невзирая на то какая страна его в данный момент пытается культивировать. Скажу даже больше. Своей позицией мы задекларируем себя, как единственных в мире защитников права и справедливости. Глядя на нашу беспристрастную позицию, к нам потянутся все, кто еще колеблется в выборе правильной стороны.

– Все это, конечно именно так, как вы и говорите, Дон, но не посеет ли это в стане наших верных союзников некоторое

смятение? Если вы мне поручите составить текст, оглашающий нашу официальную позицию по данному вопросу, то я смогу постараться изложить ее так, чтобы в ней присутствовали условия, выдвигаемые русскими, но в то же время ее нельзя было толковать однозначным образом в их пользу.

– Нет, – решительно покачал головой президент. – Я не сомневаюсь в твоём умении выкручиваться из любых положений, подобно легендарному Гарри Гудини, но сейчас не стану прибегать к тактике братства Игнатия Лойолы. Ибо червато. Русский сатрап прямо предостерег нас от этого, пригрозив выпустить к журналистам оставшихся в живых «котиков». И потом, я на своем опыте уже не раз убедился, что сидя с русскими за одним карточным столом, надо играть либо предельно честно, либо не играть вообще, если не хочешь, чтобы тебе засветили в лоб канделябром.

– Ну, как знаете, – немного обиженно пожал плечами Джаред, встретившись с упрямством старика.

– Поэтому, я сегодня же вызову к себе эту страшилку Пауэр, у которой черти на лице горох молотили, чтобы лично проинструктировать ее в нужном ключе, – решительно произнес Трамп, потянувшись к селектору. – Фрэнки! Зайдите ко мне.

Старый секретарь не преминул тут же материализоваться, застыв в позе внимательного ожидания.

– Фрэнки, свяжитесь с нашим постоянным представителем в Совбезе ООН миссис Пауэр и пригласите ее ко мне

сегодня на прием к 17.00.

– Будет исполнено, сэр, – поклонил голову Палмер.

– Вот еще что меня смущает, Дон, – произнес Кушнер, когда за секретарем закрылась дверь.

– Что? – вскинул на него взгляд президент.

– Самое главное. То, ради чего, собственно, и предназначалась вся эта словесная дуэль с русским узурпатором. Правильно ли он понял ваш последний посыл? – почесал лоб молодой пройдоха.

– Я не мог, как ты сам понимаешь, в открытую предложить ему решить нашу проблему с соучастниками, готовыми стать свидетелями обвинения на моем процессе, – угрюмо и озадаченно констатировал Трамп. – Но будем надеяться, что у генерала хватит мозгов, чтобы поставить в один ряд мое желание расправиться с внутренними врагами и ограничениями наложенными Конституцией.

– Но хватит ли ему ума и духа, чтобы решиться на подобный шаг? – опять начал сомневаться Кушнер.

– Может надо как-то простимулировать этот процесс? – в тон зятю задал вопрос сам себе Трамп.

– Самым лучшим стимулом для русских будет полученная ими незначай информация о снятии государственной охраны с вышепоименованных лиц, – предложил советник.

– Они и так поймут, что нет охраны, когда узнают об отставках, – сморщился президент.

– Однако, было бы совсем неплохо, если кто-нибудь из на-

шего круга сугубо подчеркнул эту маленькую деталь перед русскими, дабы свести на нет их последние сомнения, – проворковал зятек.

– Вот ты этим и займись, – буркнул Трамп, недовольно поджав старческие губы.

– Куда деваться? Видимо, придется мне еще заняться и этим вопросом, – развел руками в стороны придворный жулик.

– Не обижу, – правильно смог понять того президент.

– Дон, позвольте задать еще один вопрос? – с тенью озабоченности обратился Кушнер к президенту.

– Говори, не стесняйся, – подбодрил его Трамп.

– А не может ли так случиться, что наши заговорщики были правы в некотором смысле, когда затевали все это против русских? Может этот пресловутый гразер и действительно существует? Уничтожили же они как-то нашу субмарину? – тревога проскользнула в его словах и повисла в воздухе темной тучкой.

– Я тоже об этом думал. И вчера и сегодня, когда получил окончательный отчет о провале миссии, – согласно кивнул президент, нервно перебирая мелкие предметы на столе. – Мы не знаем, каким образом им удалось потопить «Джимми Картера». Но точно знаем, что до последнего момента спутники фиксировали его находящимся в надводном положении. Не исключено, что его могли торпедировать или просто накрыть береговой артиллерией. Хотя, с другой сторо-

ны, разведка не докладывала об имеющихся у русских, в том районе, кораблей, несущих торпедное, либо артиллерийское снаряжение. Но ничего нельзя исключить. Черт знает этих русских. Возможно, что какое-то секретное оружие у них там и имеется, иначе, зачем бы им было затевать организацию новой базы, производственных и испытательных комплексов. Да и фото их монстра, сделанное нашим агентом говорит о существовании нечто подобного, о чем говорили на прошлой неделе два мерзавца. Однако я склоняюсь к мысли о том, что если это оружие и существует не только в головах наших проходимцев из разведки, то его функционал существенно отличается от заявленных возможностей.

– Что натолкнуло вас на эту мысль? – с робкой надеждой спросил Джаред, который по своей натуре был, в общем-то, трусоватым человеком.

– Все просто, – изобразил Трамп на лице покровительственную усмешку. – У нас нет «железных» доказательств применения этого оружия против незадачливых парней из спецназа и субмарины. Меж тем, как «Морской Конек» все еще торчит у берега в полупогруженном состоянии. Последние спутниковые фотографии четко определяют его контуры. Экипаж тоже, наверняка, погиб, как и те, кто с него десантировался. Однако сам корабль не провалился в тартарары и не испарился, хотя должен был, по заявлениям наших дураков. А это, сам понимаешь, факт довольно красноречивый. И он указывает на ограниченность его воздействия на

окружающие предметы. Будь у русских возможность сделать то, о чем так живописно мне докладывали накануне, то они, уверяю тебя, не упустили бы возможности лишний раз испытать свою новую игрушку.

– Вы даже не представляете, Дон, как вы меня успокоили!?! – демонстративно отер воображаемый пот со лба молодой проходимец.

– Ко всему прочему, – продолжал Трамп излагать свои размышления, – если бы у русских действительно была такая штукенция и с такими заявленными возможностями, то им ничего не стоило бы, воспользовавшись удобным моментом нападения на них, применить ее, но уже по нашей территории, якобы в ответ на неспровоцированную агрессию. А этого, как видишь, не произошло. Поэтому все измышления о том, что они готовились напасть на нас буквально через несколько часов, не стоят и ломаного гроша. Не напали. И вдобавок, заметь, не мы, а они просят у нас поддержки в ООН. А это может означать только одно. У них нет возможности атаковать не только нас, но даже и соседнюю страну, посмевающую им бросить перчатку военного вызова.

– Bravo! – воскликнул Кушнер, хлопая в ладоши от счастья. – Я восхищаюсь вашими аналитическими способностями! Примите еще раз мои искренние поздравления!

– Ну, что ты?! – разыграл смущение Трамп, лопавшийся от гордости за самого себя изнутри. – Это даже не анализ, а так, простое суждение неглупого человека.

– Тогда, может быть, пройдете еще чуть дальше и сделаете предположение о реальных возможностях русского монстра?

– Я, как ты знаешь, не являюсь большим специалистом в военных разработках. На этот случай у нас уже имеется контора под названием «DARPA». Но все-таки возьмусь предположить, что эта установка имеет какое-то отношение к лазеру, наподобие нашего HELIOS. Правда, наш лазер выглядит гораздо компактней, ну да русские, в свое время научившиеся у немцев, любят строить циклопические сооружения.

После последних произнесенных президентом слов, они дружно и весело рассмеялись, стряхивая с себя напряжение, скопившееся за последние часы.

IV.

08.09.2020г., Москва., ул. Кожевническая, д.1Б

Совещание у Верховного закончилось где-то в половине седьмого вечера. Афанасьев, то и дело бросавший украдкой глаз на часы, висящие над входной дверью в кабинет, невольно морщился и чертыхался про себя: «Черт побери! Опять засиделись почти до семи вечера! Значит, снова, как и вчера не успею заехать за Вероникой». Он с подачи Коченева – нынешнего директора ФСО, уже предлагал ей персональный автомобиль с водителем и охраной, но молодая особа, занявшая прочное место в его сердце, наотрез отказывалась пользоваться привилегиями за казенный счет.

– Кто я такая, чтобы иметь персональное авто с водителем и охраной? – задавала она при этом риторический вопрос и сама же на него отвечала. – Никто. Не жена и не дочь. И даже не любовница на содержании у стареющего олигарха. Я, все-го-навсего, очень близкая «к телу вождя» подруга и наперсница, удовлетворяющая, время от времени, как свои, так и его естественные потребности. Я ни от кого материально не завишу, но денег, чтобы тратить их на статусные излишества, у меня нет. И больше не приставай ко мне с этим, – не щадя диктаторского самолюбия говорила она, когда он к ней приступал с подобными предложениями.

– В том, что у тебя нет подобающего статуса, ты сама виновата, – огрызнулся он ей в ответ. – Я тебе с первого дня нашего знакомства предлагал оформить официально наши отношения, но ты сама сказала, что надо пожить какое-то время так, пока не привыкнем друг к другу.

– Все верно, – соглашалась она, – поэтому данный вопрос в настоящее время не актуален. Впрочем, – нашла она в себе силы сжалиться над лысеющим Ромео, – если у тебя будет возможность заезжать за мной по дороге с работы, то я сильно возражать, так и быть, не стану.

Это был, хоть и не полностью удовлетворявший желание Афанасьева, но все-таки, какой никакой компромисс. А вот в вопросе ночного размещения охраны первого лица государства у них наблюдалось полное сходство взглядов. Им обоим было невероятно жалко фэсэошников, ютящихся на

лестничной клетке, сидящих на крыше и бродивших под окнами ее квартиры. Из этой жалости и родился совместный план по переселению Вероники к будущему супругу, но неуклюжий Вальронд, своей галантностью все испортил. Пришлось срочно планировать новую комбинацию по «внедрению».

И вот он уже второй день подряд не может даже элементарно заехать за ней на работу. Хорошо, что Вероника оказалась женщиной чуткой и понятливой. Она ни словом, ни жестом не упрекала его в том, что тот не может порой, в силу объективных причин, оказывать ей даже такие незначительные знаки внимания. Она все прекрасно понимала, да и на работе уже второй день, как обсуждали ракетную атаку со стороны Украины на спящий Белгород. От сослуживцев, работающих в такой специфической конторе, ничего нельзя было скрыть. Они сразу «просекли», что за отношения складываются между Главой хунты и работницей их ведомственной столовой. Поэтому она нет-нет, да и ловила на себе их жадные взгляды, как бы вопрошающие: «Ну, что там, наверху?» Она в ответ на это, только молча пожимала плечами, давая тем самым понять, что ее осведомленность в государственных делах ничем не отличается от их осведомленности.

Смена носителей «ядерного чемоданчика», произошла совершенно незаметно. Он и оглянуться не успел, как на выходе из приемной к нему пристроился Андрей Ильич. Уже стоя в лифте, он, не смущаясь присутствия Коржика, кото-

рого считал абсолютно своим человеком, набрал ее мобильный номер:

– Ало, Вероника? Ты уже дома? Прости меня, пожалуйста! Я опять не смог за тобой заехать, – немного заискивая, еще говорил он в трубку коммуникатора.

– Да, ладно, проехали. Я же все понимаю, – послышался в ответ ее бархатистый голос. – Сам-то, когда прибудешь?

– Я уже на выходе. Где-то через полчаса и прибуду, – отлегло у него от сердца.

– Хорошо. Значит, я успею пожарить котлеты, – произнесла она абсолютно домашним голосом, от которого у него всегда ощущалось теснение в том месте, где сходятся нижние конечности.

– Тогда чмоки-чмоки (это словечко он не раз слышал от внука, разговаривавшего по телефону с подружками).

– Фу! Валера! – сразу донеслось в ответ. – Тебе не идет маскировка под прыщавого сопляка. Оставайся тем, кто ты есть.

Мда. Он-то, как минимум ждал, что она рассмеется его неожиданной придумке, а вместо этого нарвался на неожиданную отповедь. С этими молодыми женщинами порой и не поймешь, как себя лучше вести.

– Прости, дорогая, я хотел, как лучше.

– Прощу, – наконец-то рассмеялась она, – если ты у себя там в буфете купишь молока, а то я забыла. Я бы спустилась в магазин, но ноги уже отваливаются. И так сегодня набега-

лась.

– Конечно-конечно, я мигом, – обрадовался он этой ее маленькой просьбе, как очередному сигналу налаживания семейных отношений.

Многие офицеры, что проходили службу в Национальном Центре Оборона перед окончанием рабочей смены частенько закупались в местном буфете, расположенном на первом этаже. Во-первых, это было удобно, так не надо было шататься по городу в поисках качественных продуктов, а в качестве поставляемых продуктов в буфет сомнений не было никаких. А во-вторых, цены здесь, не в пример общегородским, выгодно отличались своей приемлемостью, да и ассортимент был неплохой. Нагло пользуясь своими диктаторскими полномочиями всюду проходить и нигде не простаивая, он забежал во главу небольшой очереди – прямо к стойке буфетчицы, оставив Коржика далеко позади себя, и затараторил несвойственным ему тенорком для публики:

– Простите! Извините! Я быстренько! Мне, пожалуйста, молока! – огласил он свое желание, одновременно протягивая карточку буфетчице.

К чести очередников, они не стали возмущаться поприанием своих прав, входя в непростое положение своего диктатора. Буфетчица – дама неопределенного возраста, явно злоупотребляющая косметикой и обладающая внушительными габаритами (почему все буфетчицы такие одинаковые?) разубалась во все семьдесят два зуба:

– Вам какой жирности, товарищ Верховный, двух или трех процентной?

Этот простой вопрос застал Афанасьева врасплох, ведь Вероника не давала никаких инструкций на этот счет. Пере-званивать ей при всех он не решился, поэтому беспомощно оглядел кучку офицеров, выстроившихся гуськом к прилавку, как бы ища у них совета, который тут же и поступил от одного седоватого полковника, явно умудренного семейной жизнью:

– Если вы маленьким детям, то берите 3%, а если для себя, то и двух хватит. В нашем возрасте лишний холестерин не нужен, – со знанием дела добавил он.

Толпа, соглашаясь с доводами бывалого полковника, дружно закивала. Приняв к сведению слова умудренного жизнью, Афанасьев повернулся к буфетчице:

– Тогда двух процентного, пожалуйста.

– Сию минуту! – продолжала улыбаться хозяйка продуктовой лавки, проводя карточкой по терминалу.

Затем обернулась к полкам за спиной и достала с одной из них внушительный по объему пакет молока, сопровождая передачу оногo сакраментальной и неубиваемой в веках фразой, видимо почерпнутой из какой-то пьесы Шекспира или Островского:

– Здесь литр. Пакет брать будете?

Небольшая толпа дружно заржала. Видя такую реакцию со стороны сослуживцев, Афанасьев произнес нерешительно:

– Да нет, пожалуй, тут недалеко до машины. Спасибо большое, – поблагодарил он ее и, обернувшись к офицерам, произнес, – и вам спасибо, товарищи.

Толпа вновь одобрительно загудела. Сунув пакет подмышку (только сейчас он пожалел, что не внял совету доброй женщины), он вышел на крыльцо центрального входа, где его уже поджидала охрана, эскорт сопровождения и, разумеется, служебный броневедомобиль с личным водителем и Коржик, уже успевший усесться рядом с водителем. Начальник эскорта осведомился у него о маршруте, и, получив ответ удалился в голову колонны. Сегодня за рулем «Ауруса» тоже был Андрей, но не Ильич, а Аверьяныч. Так что пришлось ехать в компании сразу двух Андреев, хоть желание загадывай. Усевшись на свое законное место, и не выпуская пакета с молоком из рук, Афанасьев без всяких предисловий, будто продолжал ранее прерванный разговор, начал нудить:

– А я тебе Андрей Ильич, еще раз говорю, бросай ты свой выпендрож. Нечего тебе тут по углам отираться, как беспризорнику. Да и лета у тебя уже не те, чтобы сидеть на каменных ступеньках все ночи напролет. Идем со мной. У Вероники есть раскладушка. Если ты стесняешься, то мы ее поставим в прихожей. Прихожая большая – хоть в футбол играй. И мы тебе не помешаем выспаться по-человечески, и ты никого не стеснишь своим присутствием.

– Не-не, – замотал головой подполковник, не оборачива-

сь назад, – даже и не уговаривайте, Валерий Васильевич. К тому же, с чего вы взяли, что я на ступеньках сижу? У меня, между прочим, скамеечка есть. Персональная.

– Это где же? – вытаращился на него диктатор.

– Да вот же она, – ответил Коржик и достал из бокового кармана кителя нечто похожее на барсетку.

– Ну-ка, дай, посмотрю, – сунулся к нему Верховный. – Ты, смотри-ка, и правда, раскладной стульчик, – принялся оглядывать он со всех сторон незамысловатую конструкцию. – И все равно это не выход.

– Нет уж, – сказал, как отрезал, принимая назад складной стульчик, Андрей Ильич, – я лучше подожду, когда у вас там все утрясется между женщинами (каким-то образом всему окружению было известно о непростых отношениях в семье Афанасьева). – Вам будет лишний стимул к решению этой задачи, улыбнулся он здоровой стороной щеки.

На последнюю, высказанную подполковником фразу, Афанасьев только крякнул неопределенно. На этом, собственно, разговор и закончился. Всю остальную дорогу ехали молча.

У подъезда их уже поджидали охранники, заранее прибывшие на место предстоящего ночного дежурства. Лифт работал бесперебойно, как кремлевские куранты и это не могло не радовать Валерия Васильевича, зашедшего в его тесную кабинку в сопровождении еще двух дюжих молодцов из ФСО. Так, вчетвером, они и добрались до нужного эта-

жа. На лестничной клетке их поджидала еще одна парочка охранников, казалось, не только одинаково одетых, но даже и похожих чем-то друг на друга, словно однойцевые близнецы. Дверь открывать своим ключом Афанасьев не стал, потому, как очень стеснялся этого, несмотря на то, что Вероника снабдила его дубликатом. Ему до зарезу не хотелось признавать эту ее квартиру своей. Видимо, дух покойного владельца двушки никак не хотел этого, и свое нехотение каким-то образом передал ему. Стоило ему коснуться кнопки звонка, как дверь моментально распахнулась, словно хозяйка ждала прихода любимого человека сидя прямо в прихожей. Не успел он перешагнуть порог, как ласковые руки обвили его шею. Она чмокнула его губами по щеке и чудом успела подхватить выпадающий у него из подмышки пакет с молоком:

– Ой! Воскликнула она. – Надо же, не забыл! Даже удивительно. Вот и хорошо. Будет на чем блинчики испечь.

– Ты что, увидела в окно, как мы подъезжаем? – улыбнулся он, наблюдая с какой грацией, слегка покачивая бедрами, проходит она на кухню, откуда доносились аппетитные запахи.

– Ничего подобного, – отозвалась она уже с кухни. – Вы всегда с такой помпой заезжаете, что все дворовые кошки падают от страха в обморок с мусорных баков. Иди, мой руки, пока я накрываю на стол.

Когда он закончил обряд омовения, стол уже был сервирован, а молоко кипятилось на плите. Котлеты с картошкой

были выше всяких похвал. Он с удовольствием съел бы еще и уже собирался сообщить об этом, но вовремя спохватился, здраво рассуждая про себя о том, что с набитым до отказа чревом, будет мало на что способен, когда придет время. «Эх, жизнь моя жестянка! – подумал он с сожалением. – А ведь были те времена, когда о таких мелочах даже и не думалось вовсе».

– А ты почему так мало ешь? – обратил он внимание на то, что она, положив себе, то же самое на тарелку, что и ему, почти ни к чему не прикасалась, старательно имитируя процесс поглощения пищи.

– Да я, то на работе, то дома, пока готовила, перехватила одно другое. К тому же время уже к восьми часам, а после шести, как ты наверно знаешь, женщинам не рекомендуется набивать свой желудок, если они не хотят, чтобы их разнесло, как коров.

– Российским коровам, – ухмыльнулся он со знанием дела, – переедание никогда не грозило.

– Ну, ладно, – подозрительно быстро сдалась она, как следует, пододвигая к себе тарелку, – так уж и быть, съем кусочек за компанию.

С этими словами она взяла вилку с ножом и принялась деловито отрезать от котлеты ровные кусочки, явно намекая, что одним уже не обойдется. Он с весельем пронаблюдал за ее ловкими телодвижениями и то, как она аккуратно и опрятно орудует столовыми предметами.

– Не смотри на меня, а то я так подавлюсь, – проговорила она с набитым ртом. – Лучше рассказывай, что там у вас опять приключилось, из-за чего тебе пришлось так надолго задержаться?

Он, подбирая остатки картофельного пюре, вкратце решил поведать о разговоре с заморским президентом. Вкратце не получилось, и он пустился в детали. Но при всем ее внимании к его рассказу, ему почему-то казалось, что ее мысли витают где-то далеко-далеко. Он тут же оборвал повествование и внимательно посмотрел ей в глаза:

– Что-нибудь не так? – с тревогой в голосе спросил он. – Тебе не интересно?

– Да нет, ну что ты такое говоришь?! – сделала она вид, будто и в самом деле возмутилась. – Просто, вся эта политика, переговоры, недомолвки и иносказания для меня, как китайская грамота. Я, конечно, понимаю, как для тебя это все важно. Но я простая женщина, еще вчера прибывшая из райцентра, поэтому для меня все это выглядит как-то странно и не совсем понятно. Я привыкла думать о том, о чем говорю, и говорить то, о чем думаю. По крайней мере, стараюсь.

– Но ты же сама, только что просила рассказать, чем я занимался таким, что задержался на работе, – немного обиделся он непонятное поведение Вероники.

Она заметила его обиженное выражение на лице, поэтому встала из-за стола, зашла к нему за спину и уже оттуда обняла его, прижимая к себе.

– Прости, Валер, я не хотела тебя обидеть. Просто я думала, что ты мне расскажешь то, что меня сейчас больше всего интересует.

– А что тебя больше всего интересует? – переспросил он, выворачивая голову назад, чтобы попробовать угадать ее мысли.

Она разомкнула свои руки, и пошла к плите, чтобы там налить, уже остывающее молоко в его стакан с какао.

– Я думала, что ты и сам помнишь о нашем вчерашнем разговоре, – раздался оттуда ее негромкий голос.

И тут его осенило! Он с размаху врезал себе по лбу пятерней.

– Ну, конечно же! Как я мог забыть?! Да-да, я разговаривал с Петей о нашем плане.

– Ну, вот! – живо обернулась она на его восклицание. – С этого и надо было начинать! А то рассказывает мне тут про всяких дурацких президентов!

– В общем, так, говорил я с Петром на эту тему, – начал докладывать Афанасьев вышестоящему командованию.

– Подожди, – оборвала она его в самом начале, подсаживаясь напротив и подперев голову рукой. – С этого момента поподробнее, пожалуйста.

Он, как мог, пересказал ей диалог с Вальрондом, присовокупив под конец со вздохом:

– Господи! Ведь кому рассказать – не поверят, что столько усилий и ухищрений приходится мне применять при разре-

шении банальной ситуации. А ведь я еще вчера разрабатывал планы по ведению полномасштабных войн с применением всех видов вооружений. И вот до чего докатился!

– Значит, ты полагаешь, что она позвонит? – не обратила Вероника внимания на его стенания.

– По идее, конечно, должна, а так... Кто ж ее знает? – пожал он плечами.

– Ладно, ступай. Там уже по ящику начинается твой любимый и нескончаемый политический шоу-сериал про Украину, а я со стола приберу, да почитаю, еще на всякий случай про особенности индийской кухни.

Он послушно выбрался из-за стола, не забыв, при этом, поблагодарить за превосходный ужин и косолапя по-медвежьи, побрел в комнату. Там, предварительно вынув из кармана коммуникатор и положив его на журнальный столик, плюхнулся на диван. Пошарив возле себя рукой, наощупь достал пульт от телевизора и нажал на кнопку включения. На телеканале, действительно, начиналась одна из передач, посвященных украинской тематике, которыми вдоволь пичкали последние шесть лет все российское население. Ну, да оно и понятно. Что может быть приятней для обывателя, чем лицезрение того, что где-то гораздо хуже живется, нежели у него самого. И уж вдвойне приятней, когда дела идут плохо у твоего соседа, не так давно растоптавшего нерушимую дружбу с тобой. Вероника, спустя некоторое время присоединилась к нему, забравшись на диван и поджав под себя

ноги. В этой изогнутой позе женщина выглядела чертовски привлекательно, о чем, видимо, и сама догадывалась, бросая украдкой взгляды на человека, ставшего для нее с некоторых пор смыслом жизни. В руках у нее была книга Макана Четна «Вкусная Индия», которую она принесла из библиотеки СВР, так как найти в продаже раритетный экземпляр не представлялось возможным. И он, и она старательно делали вид, будто увлечены своими делами, но на самом деле оба напряженно ожидали звонка на диктаторский коммуникатор. Время шло, а звонка так и не было. Когда стрелки настенных часов показали ровно 22.00, Валерий Васильевич тяжело вздохнул и произнес:

– Видать не получилось у Пети ни черта.

– Может быть, еще немного подождем? – в голосе у женщины прорезались просительные нотки. – Время еще не слишком позднее.

– Чего еще ждать? – скривился Афанасьев. – И так, все ясно.

Только он успел произнести последнюю фразу, как коммуникатор оживился, оглашая комнату саундтреком из фильма «Белорусский вокзал». Оба подскочили, как ужаленные. Афанасьев, не веря своим ушам, не решался протянуть к нему руку, пока более решительная Вероника сама не сунула ему мобильник в руки. Пока телефон продолжал надрываться насчет «десятого десантного батальона», он мельком взглянул на экран, где светилась надпись «Настенька».

– Слушаю! – необычно писклявым от волнения голосом произнес он в трубку.

Керженцева, находясь рядом, как собака наклонила голову набок, чтобы попытаться услышать важный для нее разговор.

– Ало, пап! – донеслось с того конца. – Я уж хотела положить трубку. Думала, что вы уже спите.

– Да нет, какое там?! Время-то еще совсем детское, – возразил он, краснея от волнения. – А вы чего еще не спите?

– Ой, нам тоже не до сна! – вздохнула дочь.

– А чего так? – сделал он вид, будто ни о чем не догадывается.

– Да Петя тут такого понарассказывал... Прямо не знаю, что и делать! – голос у дочери был растерянным и слегка подрагивающим.

– Чем же это он так тебя напугал? – продолжал прикидываться «незнайкой» отец.

– Ты что, пап, забыл?! К нам ведь послезавтра приезжает этот индус, как его...?

– Норендра Моди – премьер-министр Индии, – подсказал он ей.

– Вот-вот! – подхватила она. – И я абсолютно не представляю, что делать?

– То есть? – сделал Афанасьев вид, будто не понимает в чем проблема.

– Ну, как же?! – изумилась Настя в ответ. – Петя говорит,

что он приедет на два дня и остановится именно у нас, потому, что визит называется «дружеский и неофициальный».

– Так точно, – подтвердил Валерий Васильевич, мысленно потирая ладоши от того, что пока беседа проходит в нужном для него ключе. – И что из этого? Дом большой, разместимся как-нибудь. В чем проблема-то?

– О, Господи! – голос на том конце становился все заполошней. – Я же всё понимаю! Не дуручка! И без подсказок догадываюсь, насколько этот визит важен для страны, для нас, для тебя самого, в конце концов.

– В общем, да, – не стал он возражать своей любимице.

– Петя мне сказал, что такая форма визита подразумевает под собой организацию и прием гостей исключительно силами своих домочадцев. Якобы готовить еду и угощать гостей должны ближайшие родственники главы принимающей стороны! То есть готовить еду, подавать на стол и все такое прочее, должна буду я! – в ее голосе уже сквозили панические нотки.

– Боишься не управиться? – всюду наслаждался Афанасьев отчаянием дочурки.

Он беззастенчиво улыбался, и его улыбка передалась Веронике, которая растопырила свои уши на манер РЛС «Красуха-4», разве, что не шевелила ими для лучшей настройки.

– Какое, там боишься?! – взяла Настя верхнюю октаву. – Я вообще не представляю, что и как делать! Ты это понимаешь или нет?! Я даже простую-то пищу не умею готовить,

как следует, не то, что там всяческие восточные изыски! – продолжала она голосить.

– И чего ты кричишь? – продолжал отец тонко издеваться над любимой дочуркой. – Дело, конечно, приобретает скверный оборот. У тебя есть какие-либо дельные предложения, помимо истерических воплей?

– Даже не знаю, – призналась она в своей беспомощности. – Я ходила к дяде Саше – нашему местному шеф-повару, но он только руками разводит. Говорит, что, во-первых, сам не силен в рецептуре восточных яств.

– А во-вторых? – перебил Афанасьев ее не слишком ласково.

– А во-вторых, все равно всё я должна делать своими руками, иначе обида будет невероятная. К тому же надо соблюдать еще определенный этикет, о котором я понятия не имею. Они с Петей об этом в один голос твердят! Папа, я, правда, не знаю, что делать! Может быть, ты сумеешь как-то выкрутиться?! Посоветуй, а?!

– Ну-у, как сказать? – начал он протяжно. – Имеется тут один вариант, правда, не знаю, как он тебе подойдет...

– Я согласна! – без запинки выпалила она. Говори, что надо делать?

– Есть у меня один специалист в этом деле.

– Кто? Давай его немедленно пригласим, хотя бы для консультаций!

– Вероника мне как-то говорила, что восточная кухня и

связанный с ней этикет – её конек. Она вроде бы даже диплом защищала именно по индийской кухне, подвел Афанасьев диалог с дочерью к моменту кульминации.

– Ой, правда?! – не скрывая радости, вскрикнула Настя. – Папулечка, миленький, поговори с ней, пожалуйста. Попроси ее помочь нам.

– Э-э-э, нет, доча! – решительно отмежевался он от этой идеи. – Не буду я ни о чем с ней говорить. Да и не согласится она.

– Но, почему?! – искренне удивилась Настя.

– Как это, почему? – продолжал закручивать гайки Афанасьев. – А ты вспомни, как вы с ней в прошлый раз расстались? Ты ведь даже не захотела попрощаться с ней по-людски, сославшись на какие-то там свои дела, да и за столом вела себя, крайне вызывающе. Поэтому, максимум, на что ты можешь рассчитывать в сложившейся ситуации, так это на взаимность с её стороны.

– Пап, ну ты же знаешь, из-за чего все так сложилось! У меня и так нервы с этой школой совсем разболтались, а тут еще Петя вылез со своими поцелуями и ужимками. То же мне, нашел время! Я и сама понимаю, что была немного неправа.

– А раз понимаешь, то тогда тебе и карты в руки! Сама с ней и поговори. Она девчонка незлопамятная, авось и отошла уже.

– Может, все-таки, ты, а? – замялась дочь.

– Настыка! – прикрикнул он на нее. – Не коси под незначительного подростка! Ишь ты, моду взяла прятаться за отцовской спиной?!

– Ну, ладно-ладно, – скуксилась она сразу. – Она далеко там?

– На кухне, – не моргнув глазом соврал он, а Вероника прикрыла свой рот обеими ладошками, чтобы не выдать себя смехом.

– Позови её, попробую с ней сама поговорить, – смиренно произнесла Настя, даже не подозревая, какой душевный подъем вселила в сердце своего отца.

– Вероника! – громко позвал он сидящую на низком старте сообщницу.

Она быстро сообразила, что надо делать, поэтому тихонько отбежав в прихожую, отозвалась оттуда:

– Что случилось?

– Тут с тобой хотят поговорить, – сунул он ей в руку трубку мобильного коммуникатора.

– Кто?! – состряпала она на лице удивленно-испуганное выражение.

– Сама все узнаешь, – с деланным безразличием ответил он ей.

– Ало, я вас слушаю, – произнесла она, втайне ликуя от скорой победы над неопределенностью.

– Вероника? Здравствуйте. Это Настя...

– А-а-а, Настенька! Здравствуйте-здоровствуйте! Очень

рада вас слышать! – сразу защebetала она в трубку, так, как будто черная кошка никогда между ними не пробегала.

Обе женщины, как-то позабыли, что еще совсем недавно уговорились перейти на «ты».

– Вы уж простите меня, что я звоню так поздно...

– Ничего-ничего! – сразу перебила ее Керженцева. – И совсем не поздно. Мы недавно ужинали и я вот, только-только со стола убрала.

– Приятного вам аппетита, – рассыпалась в реверансах учительница младших классов.

– Ой, спасибо, Настюшенька! – не осталась в долгу буфетчица.

Неизвестно сколько бы они еще расшаркивались друг перед другом, если бы нетерпеливый Афанасьев не гаркнул, так, что не только Вероника, но и дочь смогла услышать его рык:

– Хватит сиськи мять! Говори по делу – коротко, но обстоятельно, как я тебя с детства учил.

– Ой! – разом пискнули обе сороки от неожиданности.

– Что это с папкой случилось? Какой-то он агрессивный, – пришла первой в себя Вальрондиха (выйдя замуж, она взяла фамилию мужа).

– Да ничего страшного, – заверила ее пока еще не Афанасьева. – Просто котлет из индюшины наелся, а они повышают тестостерон в крови, ну и мужскую агрессивность заодно.

– Да?! Вот как?! А я и не знала! – искренне удивилась

Анастасия Валерьевна. – И, что, хорошо помогают?!

– Еще как! Лучше любой виагры и без побочных эффектов, – со знанием дела раскрыла Вероника один из способов продлить семейное счастье.

– Ну, ничего себе! – вырвалось у непросвещенной в таких делах женщины. – Как-нибудь надо непременно попробовать.

– Это, что еще за разговоры не по теме?! – опять грозно и громко, чтобы его можно было слышать на том конце, вмешался диктатор. – Совсем уже стыд потеряли!

– Ох! И правда, извините. Что-то меня опять не туда занесло, – первой встала на рельсы конструктивизма училка. – А звоню я вот по какому поводу, еще раз простите за неурочный час. Папа как-то проговорился, что вы специалист по восточной кухне и ритуалам, связанным с ней. Это правда?

– Да. Совершенно верно, – солгала, не моргнув глазом, выпускница кулинарного техникума. – В свое время я очень сильно увлекалась данной тематикой и даже писала по ней дипломную работу. Как сейчас помню, она называлась «Особенности подготовки и сервировки к брачным застольям у народов Индии и Шри-Ланки».

– Ой, как замечательно! – обрадовалась опять Анастасия. – Значит, я по адресу попала со своей просьбой...

– Да-да, я вас внимательно слушаю, – в тон ей ответила любительница экспромтов.

– Не знаю, говорил ли вам отец, что послезавтра сюда при-

летает с неофициальным дружеским визитом премьер-министр Индии. Встреча, по неписаной традиции, должна проходить в домашних условиях, а я, представьте себе, совершенно некомпетентна в проведении таких мероприятий.

– Да, – согласилась Керженцева, – такое в жизни выпадает нечасто.

– Вот я и хотела бы вас попросить мне помочь в организации встречи. Хотя, нет. Что я такое говорю?! Не помочь. Нет. Напротив – взять на себя руководство организацией этого приема. Тем более, что вы уже не чужой для нас человек. А я уж буду у вас на подхвате.

Эти простые и незатейливые слова, произнесенные, явно, от всего сердца, настолько растрогали, не ожидавшую ничего подобного Веронику, что комок подкатил к ее горлу, а потому, голос ее дрогнул в порыве благодарности:

– О чем речь?! Конечно же, помогу всем чем сумею. Вы только скажите, когда к вам можно удобней подъехать, и я отпущусь с работы.

– Для вас, Вероника, удобней в любое время. Наш дом, я искренне надеюсь, в скором времени станет и вашим тоже, – с чувством произнесла Настя. – И ещё..., – сделала она паузу, – я бы хотела попросить у вас прощение за тот прошлый раз. Все так неудобно получилось. И я сама, как не своя была из-за пустяковины. Ну, в общем, вы меня понимаете?

– Ой, да какие тут могут быть обиды?! Что вы такое говорите?! Я сама женщина, и все прекрасно понимаю. И вас

понимаю, и вашу реакцию. Да я и сама такая же! – весело подвела черту под неловкостью извинений противоположной стороны молодая женщина.

– Просто, Петя – он такой неловкий бывает порой, а оттого, что и сам сознает это и пытается исправить, получается только хуже. Мужчины, они такие.

– Ах, как же я вас понимаю, Настенька! И муж у вас – замечательный человек, – вновь нечаянно вступила на скользкий путь Вероника. – А вы оба – очень красивая пара.

– Правда?! – засмушалась Настя от комплимента.

– Правда. Он у вас очень хороший и вы, я точно знаю, будете с ним очень счастливы. Правда, мой избранник, ничуть не хуже вашего будет, – опять тонко сыграла Вероника, давая понять, что не является конкуренткой.

– Да. Вы тоже с папой хорошо смотрите. Поэтому приезжайте и оставайтесь с нами. И если уж мы с вами как-нибудь поладим на одной кухне, то и в остальном не возникнет никаких проблем, так как не придется бороться за внимание одного и того же мужчины, – со смехом резюмировала Настя.

– О-о-о! – не скрывая удовлетворения, произнесла Вероника. – У нас теперь с вами будет достаточно времени, чтобы обсудить все семейные дела.

Потом они резко сменили, как это бывает у женщин, тему разговора, свернув ее совсем в другую сторону. А именно, в обсуждение последних веяний моды. Афанасьев не стал далее слушать этот бабский трёп. Он просто молча тихонько

вышел на лестничную клетку. Улыбаясь, подошел к Коржику, расположившемуся на своем низеньком стульчике и наливающему себе кофе в стакан из термоса.

– Кажется, Андрей Ильич, это ваше последнее дежурство в таком неприспособленном месте, – произнес он, кладя руку на плечо сидящего.

– Да?! – удивился и обрадовался тот одновременно. – Тогда это дело надо отметить! Держите стакан.

– А вы, как же?

– А у меня еще один есть, на всякий случай. Полиэтиленовый.

Глава 57

I.I

12.09.2020г., г. Уэлсли, штат Массачусетс, вилла Stone-Davis Hall

Городишко Уэлсли, что находится в девяти милях от Бостона, можно без всякого преувеличения назвать «типичным лицом провинциальной Америки». Причем, не просто лицом, а лицом, олицетворяющим настоящий консерватизм. Здесь, отродясь, не строили здания выше пятого этажа, но даже и таких зданий было немного. Все основные постройки в городе уходили своими корнями в середину и конец XIX века, и почти никогда не перестраивались с тех пор, что дало

право властям штата считать его своим историческим наследием. Едва-едва дотянув в численности населения до отметки в тридцать тысяч человек, он, как бы застыл в своем развитии и законсервировался в таком виде. Жителям таких мегаполисов, как Нью-Йорк, Чикаго или Лос-Анжелес, случайно побывавшим в нем, может и не совсем была по душе тихая и размеренная жизнь маленького городка, уютно устроившегося на берегу живописного озера Вабан, но местных жителей она вполне устраивала. Они даже, в какой-то мере бравовали своей провинциальностью, всерьез считая, что все эти кризисы, сотрясающие большие города, с их зашкаливающей преступностью, экономическими неурядицами, повальной наркоманией и гей-парадами, каким-то чудом обойдут их стороной. И это было неудивительно, напротив, видение данной ситуации местным населением имело под собой вполне реальные основы. Люди, живущие в Уэлсли, будто впитав в себя вместе с архитектурой дух самого города, представляли собой, почти идеальный образчик благочестия и законопослушания. Жизнь в этом тихом городке была настолько размеренной и скучной, что местный шериф мог себе позволить наесть пузо весом триста пятьдесят фунтов. В общем, если подводить итоги, то городок не вызывал особых симпатий у публики испорченной урбанистическими новоротами, сопровождаемыми всяческими бытовыми удобствами. В качестве курьеза тут можно отметить и такой факт, как то, что в городе до сих пор сохранилось уличное фонарное

освещение, питаемое от керосина (недешевое удовольствие).

И, тем не менее, у отдельной категории граждан Соединенных Штатов, город пользовался определенным успехом. Не следует думать, что самые богатые и влиятельные персоны Северной Америки и Британского Союза предпочитают проводить свое свободное время на Фишер-Айленд (Рыбный остров), где живут люди с достатком не меньше ста миллионов долларов, и где квадратный фут земли стоит безумных, с точки зрения, рационализма, денег. Многие из них предпочли сделать своей резиденцией городок Уэлсли, а вернее его пригород, расположенный вокруг живописнейшего озера Вабан, окруженного тенистыми дубравами. Так поступил исполнительный директор «Фрэнклин Темплтон» – компании управляющей активами негосударственного Пенсионного Фонда, составляющими около восьмисот миллиардов долларов. Так же поступил и руководитель корпорации «Дженерал Дайнемикс» – крупнейшего конгломерата предприятий, занятых в производстве военной и космической техники. И не стал отставать от них президент и генеральный директор «Бэнк оф Америка» – одного из самых могущественных банковских образований Соединенных Штатов, сосредоточившего в своих руках активы на сумму более полутора триллионов «жабьих шкурок». Именно он, шестидесятилетний Брайан Мойнихер и выстроил себе на берегу озера роскошный трехэтажный особняк в викторианском стиле, назвав его «Stone-Davis Hall», где очень часто любил прово-

дить свободное время, устраивая для себя и близких друзей вечеринки, сопровождаемые красочными фейерверками.

Сегодня у них с супругой Сьюзен Берри тоже намечалась грандиозная вечеринка по поводу тридцатипятилетнего совместного проживания. О намечаемом торжественном мероприятии все влиятельные жители городка и друзья Мойнихера были извещены заранее, а местная мэрия расстаралась и не пожалела средств на изготовление специального роскошно оформленного торжественного адреса для вручения своему почетному гражданину. Тридцать пять лет совместной жизни в браке – срок немалый, особенно в Штатах, и особенно среди видных персон, привыкших менять своих супругов, как перчатки после недолгого ношения. Но в тех кругах финансово-промышленных заправил, кои представлял собой Брайан Мойнихер, и где браки принято было заключать не столько по любви, сколько по расчету, это не являлось чем-то выдающимся, хоть и всячески приветствовалось. В когорту приглашенных бизнес-воротил затесался и Майк Помпео, хоть и бывший, с недавних пор, но все же Госсекретарь. Вернее даже будет сказать не приглашенных, а напросившихся. Помпео из кожи вон вылез, чтобы оказаться в числе гостей на этом мероприятии, и Брайан не смог ему отказать. Все дело в том, что их с Помпео связывала многолетняя и взаимовыгодная дружба, если можно применить этот термин к их отношениям. Они носили скорее деловой оттенок, нежели приятельский. Помпео сливал банкиру инсай-

дерскую информацию о намечаемых изменениях в политике и экономике, которая могла повлиять на биржевые котировки, а заодно лоббировал интересы Банка в окружении президента. Взамен этого Мойнихер не только щедро оплачивал его услуги «сексота» в политических эшелонах власти, но и предоставлял Госсекретарю депозиты в своем банке на весьма выгодных условиях. Обычно, если человек ранга Помпео уходит в отставку, да еще и так шумно обставленную, то он автоматически становится нерукопожатным уже на следующий день и от него стараются отгородиться всяческими способами даже ближайшие друзья и соратники. Майк очень опасался, что Брайан поступит с ним так же, как и принято, в их среде, а значит, найдет тысячу причин для отказа в посещении. Однако к своему удивлению отказа принять «старого друга» под благовидным предлогом не последовало. Этот странный поступок Мойнихера объяснялся очень просто. Банкир находился на таких недостижимых вершинах неофициальной властной вертикали, что ему было откровенно плевать на мнение общественности по поводу его отношения к тому или иному проштрафившемуся лицу. Он мог себе позволить поступать вопреки и наперекор устоявшимся традициям. И нередко даже бравировал этим, заслужив репутацию чудака в обитаемой среде. Впрочем, чудака весьма безобидного.

В связи с прекрасной погодой, а также обильным количеством приглашенных лиц, которых уже насчитывалось более

двух сотен, было решено отпраздновать юбилей не в душевых, хоть и роскошных покоях особняка, а прямо на лужайке перед ним, благо место позволяло. Лужайка была просторная и хорошо утоптанная мелкой крошкой битого красного кирпича. Тут было место для всего. Хватило пространства для размещения оркестрантов, для возведения небольшой сцены, на которой должны выступать приглашенные звезды эстрады, ну и, разумеется, место для танцев. Программа праздника включала в себя помимо концерта, танцев, катания на лодках по озеру. Кульминацией торжеств этого должен было быть традиционный фейерверк, поглазеть на который могли уже не только приглашенные, но и простые жители городка.

Счастливые и захлопотанные с самого обеда банкир с супругой не присев ни на минутку только и делали, что встречали все новых и новых гостей, принимая от них дорогие, и не очень, подарки. Среди прочих, вручил свой подарок и опальный Госсекретарь. Он вручил счастливым супругам искусно вырезанную из моржового клыка статуэтку, изображавшую собой классическую балетную пару, где мужчина делает партнерше поддержку, а она, раскинув руки, застывает в своем стремлении вверх. Тонкая и изящная резьба придавала ей вид изысканного совершенства. Сама по себе статуэтка была весьма недурна, однако ее изрядно портили аксессуары в виде совершенно ненужного здесь декора, обильно сдобренного дешевенькими стразами. Из-за это-

го она приобретала пошловатый и мещанский вид. Вся эта художественная композиция имела под собой массивное серебряное основание, давшее Помпео основание нагло заявить при вручении, что это де произведение рук самого Фаберже. Хозяин, который в отличие от настырного гостя все же мало-мальски разбирался в предметах искусства не стал с ним спорить, горячо поблагодарив за ценное подношение. Весь вечер Майк назойливо пытался уединиться с виновником торжества для приватной беседы, но сделать это было чрезвычайно трудно, так как Мойнихер ни на минуту не оставался один, пребывая все время в центре внимания. Наконец, торжественный ужин подошел к концу и гости разбрелись по закоулкам роскошного поместья в ожидании того, когда прислуга уберет столы и подготовит площадку для импровизированной сцены и зрительного зала. Тут-то Помпео, ожидавший подходящего момента, и взял несчастного банкира в оборот.

– Брайан, – уцепил он его за рукав пиджака, – мне необходимо с тобой переговорить по очень важному делу, – понизил голос бывший чиновник до уровня заговорщического.

– Ох, Майк, а нельзя ли как-нибудь перенести его на более подходящее место и время? – жалобным голосом проговорил Мойнихер, порядком уже подуставший от всей этой кутерьмы.

– Никак нельзя, Брайан, – развел в стороны свои пухлые ручки Помпео. – Завтра я уже должен быть на Капитолий-

ском холме, чтобы успеть сдать в библиотеку Конгресса документы, взятые мной ранее под отчет. Ты сам знаешь порядки в этой конторе. Если я опоздаю со сдачей, то начнутся всякие придирки, а там и до служебного расследования недалеко.

– Ну, хорошо. Выкладывай, что там у тебя? – сморщился, как от зубной боли «профессиональный Гобсек», явно предполагая, о чем может пойти речь.

– Что, прямо здесь, на ходу? – тоже скривил лицо с тремя подбородками отставник. – Может, найдется какое-нибудь укромное местечко для беседы старых приятелей?

При слове «приятелей» легкая тень пробежала по лицу Мойнихера, считавшего этого толстяка всего лишь одним из своих деловых партнеров.

– Хорошо, Майк, – согласился банкир, – я готов уделить тебе ровно двадцать минут своего времени, пока устанавливают сцену и расставляют стулья.

С этими словами он указал рукой в сторону беседки, находившейся неподалеку. Они быстрым шагом проследовали туда, где и уселись на одну из скамеек, уединившись от посторонних глаз, словно влюбленная парочка. Попутно банкир отдал незаметный знак своим охранникам, чтобы они обеспечили им конфиденциальность, не подпуская к беседке празднующую публику.

– Говори. У тебя мало времени, – сразу взял быка за рога практичный до мозга костей ростовщик.

– Ты ведь знаешь, дружище, что моя отставка была абсолютно неожиданной, не только для окружающих, но и для меня самого, прежде всего. Я даже не знаю, что стало первопричиной для того, – слукавил Помпео. – Какой-то дьявол вселился в, и без того, бешеного Дона, никогда не отличавшегося учтивостью и хорошими манерами. Она обрушилась на меня, как гром среди ясного неба.

– И ты, стало быть, ведать не ведаешь, за какие провинности получил под зад коленом? – ухмыльнулся банкир.

– Нет, поверь мне! – приложил пухлые олады ладоней к сердцу Помпео. – Я и сам бы это хотел знать!

– Не верю, – продолжал ухмыляться собеседник, развалившись на скамейке и положив, нога на ногу. – Судя по тому, что вместе с тобой турнули и Джину с Марком, вы где-то сильно обмишурились. Вот только не знаю еще где. Ну да все равно это вскоре всплывет на поверхность. Может это как-то связано с инцидентом в небе над Баренцевым морем? – предположил он, прищурившись.

– Боже, мой! – вскинулся Майк, заламывая руки, как дешевый провинциальный актер. – О чем ты говоришь?! Где я, а где Баренцево море?!

– Ну, не знаю, – пожал плечами Мойнихер. – Впрочем, какая теперь разница за что тебя выгнали в разгар предвыборной гонки? Видимо, Дон, посчитал тебя балластом на своем терпящем бедствие корабле, – констатировал он с палаческой откровенностью.

Помпео сделал вид, что не услышал явного оскорбления в свой адрес, а потому продолжил свои стенания:

– И я абсолютно не знаю, что мне теперь делать?! Все, с кем я имел до этого деловые связи, отвернулись от меня, будто я больной проказой или на мне стоит печать дьявола, которую все видят кроме меня самого.

– Может так оно и есть? – задумчиво произнес Брайан, продолжая играть с бывшим Госсекретарем, как кошка с мышью.

– Но ведь ты же не сделал этого, – попробовал подольститься к нему потенциальный посетитель биржи труда.

– Меня мало заботит сиюминутная конъюнктура, – с холодным высокомерием произнес хозяин поместья. – Что ты хочешь от меня? Не виляй своим облезлым хвостом, старый лис. Говори прямо, что тебе от меня надо?

– Говорю честно, как перед Распятием, я оказался на мели, как выброшенный штормом сухогруз, – признался толстяк.

– Странно слышать такие речи от такого прожженного и непотопляемого пройдохи, – с нескрываемой ехидцей в голосе произнес распорядитель полутора триллионов долларов. – Неужели ты до сих пор не озаботился о своем неизбежном приземлении с высот власти?

– Да в том-то и беда, что нет! – воскликнул Майк, всплеснув руками. – Все произошло так неожиданно. Я, конечно, знал, что моя отставка неизбежна, так или иначе. Но я ду-

мал, что это будет после того, как Трамп «прокатят» на этих выборах. А уж до передачи власти в январе будущего года, я как-нибудь продержусь и успею навести «золотые мосты», попутно прицепив себе «золотой парашют». А оно, видишь, как все обернулось?!

– Но насколько мне помнится, после продажи «Thayer Aerospace» и «Private Security» у тебя еще оставалась «Sentry International». Я позабыл, чем она занимается? – продемонстрировал отличную память Брайан.

– Она занимается поставками нефтепромыслового оборудования, – горько усмехнулся Помпео, пораженный тем, насколько в курсе его дел оказался собеседник. – Но ты, можешь догадаться и сам, насколько хорошо идут там дела на фоне мирового нефтяного кризиса. Фирма в долгах по самые уши и вряд ли сможет пережить нынешнюю передрыгу на рынке. Если уж таких гигантов, как «Экссон» и «Шеврон» штормит всюю, то куда уж мне с моей захудалой фирмой? – подпустил в голос плаксивых нот Майк.

– Ты хочешь сказать, что вообще ничего не оставил на «черный день»? – внимательно, с ног до головы оглядел он своего бывшего делового партнера, который страстно желал им оставаться и впредь.

За те четыре дня, что прошли с момента скандальной отставки бывший Госсекретарь сильно изменился, как внешне, так и внутренне. Всегда улыбающийся со здоровым румянцем толстячок сейчас выглядел просто ужасно. Вся его

дородная некогда фигура потеряла свой лоск и оплыла, как стеариновая свеча. Он просто превратился в бесформенное тело, на котором даже костюм сидел, словно снятый с чужого плеча. Былой румянец на щеках совсем исчез, превратив лицо в серую пергаментную маску, покрытую сетью множества едва заметных глазу морщин. И если четыре дня назад он не выглядел на свои реальные пятьдесят семь, то сейчас ему смело можно было дать все семьдесят. Надлом появился и в душе бывшего рупора внешней политики Штатов. Некогда заносчивый и даже хамоватый, привыкший со всеми, включая глав государств, говорить не иначе, как барственно-приказным тоном, сейчас он выступал в несвойственной ему роли униженного житейскими невзгодами просителя у дверей богатого мецената.

– Ну, почему же не оставил? – скорчил Помпео в гримасе лицо. – Оставил, конечно. Но этого хватит только на то, чтобы тихо встретить старость, где-нибудь в шезлонге на берегу Мексиканского залива, наблюдая, как жизненные процессы в обществе проходят в стороне от меня.

– Все мы мечтаем о тихой и безмятежной старости рядом с молодой и симпатичной сиделкой! – фривольно подмигнул ему банкир. – И ты еще легко отделаешься, если все это закончится именно таким образом, а не иначе.

– Что ты имеешь в виду?! – вытаращился на него Майк.

– Только то, что для тебя будет лучше всего, если о тебе уже завтра позабудут все на свете, включая комиссию по

расследованиям при Сенатском Комитете, – произнес Мойнихер не мигая, как питон Каа перед расшалившимся не в меру Муагли.

Помпео поежился под таким неприятным взглядом и опустил свои глаза:

– Оно, конечно, может быть и так, как ты говоришь. Но я не могу упасть на дно и лежать там, в ожидании благополучного часа. У меня ведь дети, жена, в конце концов, любовница. Я не могу, просто не имею права, оставить их ни с чем. К тому же я еще не превратился в развалину. Я не могу сидеть без дела. Я могу и хочу работать! – с пафосом произнес профессиональный тунеядец и гуляка.

– Но от меня-то, ты что хочешь?! – начал терять терпение от пустопорожних разговоров финансовый туз.

– Я слышал, что ты собираешься провожать на пенсию старину Пола – начальника твоего юридического бюро? Сколько ему уже стукнуло? Наверное, уже лет семьдесят?

– Семьдесят три, – машинально поправил Майка банкир.

– Ну, вот! – с пылом подхватил безработный. – Пора и честь знать. Пусть возится в саду с внуками. А мне еще даже шестидесяти нет, если ты помнишь.

– Значит, ты хочешь занять его место? – саркастически улыбнулся Мойнихер.

– Почему бы и нет?! Я ведь, ты прекрасно знаешь об этом, не всегда был разведчиком и политиком. Я еще доктор права и практиковавший адвокат. Причем довольно успешно прак-

тиковавший.

– Таких адвокатов, как ты, Майк, я могу приобрести на рынке по пятьдесят центов за пучок, и то, это будет слишком дорого, – жестко отреагировал он на предложение собеседника. – Назови мне другую причину, по которой я должен буду взять тебя на такое сытное место?

Помпео, наконец, обиделся. Последние слова в свой адрес, произнесенные этим выходцем из еврейского клана Ашкеназов, порядком разозлили потомка сицилийских мафиози.

– Я к тебе, Брайан, пришел не в качестве бедного родственника взыскующего теплое место на фирме богатого дядюшки лишь благодаря родовым связям, – прошипел он, еле сдерживая гневные нотки голоса, чтобы не сорваться на крик. – Я привык честно выполнять свою работу и свою часть контракта, даже, если он и не был подписан на бумаге, – сделал он прозрачный намек на их прошлые совместные дела. – К тому же я не сказал, что приду с пустыми руками.

Мойнихер понял, что несколько переборщил перед человеком, известным своим коварством и злопамятностью, но уж больно жалок был вид у хорохорящегося проходимца.

– И, что у тебя есть на руках? – спросил он, вздохнув, заранее предполагая ответ.

– Ты и сам это прекрасно знаешь, – тут же сменил гневный тон на умиротворенное мурлыканье хитрец.

– И все же?

– Хорошо, поясняю для непонятливых, – снисходительно вздохнул отставник. – Свою личную картотеку на хоть сколько-нибудь интересных лиц, я начал собирать еще задолго до того, как стал директором ЦРУ. Кстати, она мне, как раз и помогла занять этот пост. А когда я занял столь возжеленное для меня место, то не прекратил прежнюю практику. Наоборот, мои возможности в этом деле возросли многократно. Со всех отчетов, я снимал для себя копии на протяжении всех этих лет. И даже на посту Госсекретаря, не потерял рычаги влияния в бывшей своей конторе. Таким образом, к нынешнему дню, я являюсь единственным обладателем достаточно щекотливой информации на более чем сто пятьдесят тысяч физических и юридических лиц, имеющих большой вес в политике и экономике государства. Согласись, Брайан, что это весомый товар, с которым не стыдно выйти на «черный рынок».

– А-а-а, – протянул нарочито разочарованно банкир, внутренне напрягаясь, – старый хлам из просроченных задолженностей, неуплаченных алиментов и краж парфюмерии из супермаркетов больными людьми, страдающими kleptomанией?

– В свое время, – опять начал злиться Помпео, – этот, как ты выразился «старый хлам» помог твоему банку приобрести с большим дисконтом привилегированные акции «Merrill Lynch & Co., Inc.». И именно благодаря тому, что я, девять лет назад, нажал, как следует на Минюст, имея

некоторую информацию, ваш банк получил компенсацию в 335 миллионов по делу о дискриминационной практике в Countrywide Financial.

– За что и получил приличный куш, – закончил мысль Мойнихер, опять уставившись холодным взглядом в собеседника.

– Да, – согласился авантюрист высокого полета, – и мне, представь себе, это очень и очень понравилось. Однако у меня имеются сведения не только на твоих врагов, но и на твоих друзей, включая тебя самого.

При этом наглый проходимец опустил глазки в пол, как невинная девица на выданье.

– Ты пришел меня шантажировать, старый негодяй?! – зрачки Брайана приняли вертикальный вид и стали похожими на глаза болотной гадюки.

– Можно подумать, что ты, негодяй молодой, – скромно заметил Майк и тут же смягчил накаленную до предела ситуацию. – Но я пришел не угрожать тебе, а договариваться.

– О чем еще договариваться?! – глаза Брайана метали громы и молнии, но голоса он не повышал, стараясь сохранить остатки бывшего аристократического хладнокровия.

– О мирном и взаимовыгодном сосуществовании в рамках товарищества на паях, – теперь уже с благодушием ответил бывший продажный чиновник.

– А что же ты, имея такую обширную базу для шантажа, пришел именно ко мне, а не к тому же JPMorgan Chase? Ведь

он, наверняка отвалил бы тебе больше за компромат на меня? – все-таки уколол гостя банкир, начиная потихоньку сдаваться.

– Увы! – опять всплеснул ручонками Помпео. – Сила инерции. Я привык уже работать с тобой, а в моем возрасте, как утверждают врачи, вредно менять устоявшиеся привычки. К тому же, ты всегда старался играть со мной честно, – решил он немного подольститься к хозяину.

– Ладно, – ворчливым голосом произнес банкир, – твое предложение слишком серьезное, чтобы обсуждать его на ходу. Сейчас будет концерт, потом танцы, катание на лодках по озеру и салют. А потом, когда гости начнут разъезжаться, мы продолжим с тобой обсуждать детали нашего будущего сотрудничества.

Мойнихер встал со скамейки, давая понять, что первая часть торгов подошла к логическому концу, и сделал шаг к выходу из беседки. Гость тоже вскочил со своего места, подобно мячику.

– Ты даже не представляешь, Брайан, насколько я тебе благодарен! – рассыпался Помпео, приложив опять руки к сердцу.

– Представляю. И даже очень, – буркнул Мойнихер, не оборачиваясь.

I. II

Уже вечерело. Далеко немолодой человек, о чем свидетельствовала седая бородка клочковатого вида, бодро крутил педали велосипеда. Вся его непритязательная одежда, состоящая из полотняных штанов неопределенного цвета, выгоревшего на солнце, такой же майки и ветровки, вкупе с загорелым лицом, свидетельствовали о том, что их обладатель имеет непосредственное дело с работой далекой от офисной. На ногах у него были выдавшие виды сандалии, а за спиной висел небольшой рюкзак. На первый взгляд его можно было принять за местного фермера, объезжающего налегке свои аграрные владения. Но нет. Американские фермеры, даже едва сводящие концы с концами, избалованные цивилизацией, ни за что не променяют хоть и продавленное сиденье своего старенького пикапа на велосипедное седло. Поэтому, по здравому размышлению, старик был либо наемным работником, у которого закончился контракт, в связи с окончанием уборочной, либо просто бездомным, слоняющимся в поисках случайного приработка. Таких вот лишенцев, с начала кризиса начавшегося в 2008-м и не прекращающегося до сих пор, по стране развелось великое множество. Внезапно выкинутые из привычной среды обитания жестокими обстоятельствами, они, потеряв уже всякую надежду на поправку своих дел, бесцельно слонялись от города к городу, ища себе хотя бы временного пристанища. Путь его пролегал по извилистой и узкой дорожке, что служила ответвлением от оживленной трассы, соединяющей Уэлсли

с Ньютоном – таким же провинциальным городком. Дорожка петляла среди равнинной местности, где местные фермеры недавно собрали богатый урожай пшеницы. После уборки от хлебных колосьев осталась невысокая стерня, поэтому одинокого велосипедиста было видно издалека. В какой-то момент он свернул с тропинки и не спеша въехал в небольшую дубовую рощицу, расположенную на мысе, далеко вдавшемся в озеро Вабан. Передвигаться по лесу, даже такому небольшому, на велосипеде не представлялось возможным, поэтому пожилой джентльмен оставил его на краю дубравы, прислонив к одному из деревьев, но так, чтобы случайному прохожему он не был виден с дороги. Сам же, оглядевшись по сторонам, углубился в невеликую лесную чащу. Идти было недалеко, так как весь лесок занимал не более ста пятидесяти ярдов в диаметре. Время для того, чтобы выйти к берегу на оконечность мыса у него заняло всего лишь около минуты. На самом краю мыса высился дуб-великан, широко расправивший свои могучие ветви во все стороны. Его-то и выбрал старик целью своей поездки. Обойдя его со всех сторон, он любовно похлопал его по коре, как бы знакомясь. Затем не спеша снял с плеч рюкзачок и, покопавшись в его внутренностях, достал оттуда пару серповидных металлических предметов непонятного назначения. Но после того, как он ловко, но без излишней суеты приладил их к своим сандалиям, стало ясно, что это были особой конструкции, но все же узнаваемые «кошки», которыми пользуются электромон-

теры для лазания по столбам. Проверив, как следует крепление, он застегнул рюкзак и вновь повесил его себе на спину. Повернувшись к дереву лицом, загадочный путник, вновь похлопал шершавую кору дерева, попутно произнося себе по нос слова извинений за боль, которую он сейчас причинит лесному великану, вонзая в его плоть острые стальные жвала «кошек». Если сейчас рядом с ним мог находиться кто-то посторонний, то он немало бы удивился происходящему таинству. Зачем кому-то взбрело взбираться на дерево? За желудями? Но их и так в избытке валялось на земле – хоть гребни совковой лопатой. За ветками для бани? Но жители Штатов не были подвержены привычке, истязать себя прутьями, как это любят дикие русские. Да и слова извинений бормочущего старика вовсе не походили на американизированный английский язык.

Покончив с непонятным камланием, старик согнул ногу и резко воткнул острый шип, прикрепленный к носу одной из сандалий вглубь дерева. Попрыгав на одной ноге, чтобы убедиться в крепости воткнутого шипа, он с силой оттолкнулся от земли и воткнул в ствол вторую ногу, обняв при этом дуб, как родного брата. Замерев на пару секунд в такой позе, он выдернул из ствола первую ногу и опять вонзил ее в дерево, но уже выше. Потом выдернул вторую и сделал тоже самое. Таким вот нехитрым способом он хоть и не слишком быстро, но достаточно уверенно начал карабкаться вверх по стволу, забираясь с каждым шагом все выше и выше. Че-

рез пару минут он уже находился на высоте примерно соответствующей третьему этажу многоквартирного дома. И все равно, до вершины было еще далековато. Впрочем, простой старичок и не стремился к ее покорению. Найдя удобное местечко в том месте, где крона дерева в очередной раз делает развилку, он без труда умастился в ней вместе со своим нехитрым скарбом (нехитрым ли?). Развилка была интересна еще тем, что от нее почти горизонтально отходила толстенная ветка, на которую запросто можно было улечься даже взрослому человеку с довольно приличным комфортом. А еще эта ветка была примечательна тем, что с нее открывался шикарный вид, как на само озеро, так и на противоположный берег. Оглядевшись и удовлетворительно покачав головой, мужчина опять принялся стаскивать с себя рюкзак. Примостив его между согнутых колен, он чиркнул молнией застежки и вновь покопавшись, достал на этот раз монокуляр с большим разрешением. Музыка и характерный шум веселящейся толпы, доносившиеся с противоположного берега, явственно свидетельствовали о том, что веселье, на том берегу, находится в самом разгаре. Вот эту шумную кампанию старик и выбрал в качестве объекта своего внимания. Расстояние от того места, где находился наблюдатель до шумного сорища составляло немногим более трехсот тридцати ярдов. Откинув защитный кожух с монокуляра, мужчина тут же прильнул к нему и на какое-то время застыл живым изваянием. Затем медленно-медленно стал водить им из сторо-

ны в сторону. Веселая вечеринка проходила на вилле Stone-Davis Hall, принадлежащей одному из богатейших, а значит, и влиятельнейших банкиров Соединенных Штатов. Сегодня в доме банкира намечалась давно анонсированная сходка таких же воротил бизнеса, прикрываемая семейным торжеством. Еще с обеда сюда стекались на дорогих лимузинах гости чопорно одетые и с демонстративно вычурными манерами старой аристократии, но настоящими, то есть природными аристократами здесь и не пахло. Тут собиралась, под благовидным предлогом, самая настоящая разбойничья шайка, спаянная, как и настоящая банда, лишь одной целью – ограбить, как можно большее количество народу и благополучно уйти от ответственности, усадив на электрический стул своего конкурента, вместо того, чтобы усестись туда самому. Для того, чтобы составить план очередного «ограбления века» им не нужно было собираться в каком-либо помещении и там, запершись от любопытных глаз прессы обсуждать последовательность действий. Отнюдь. Таким прожженным в своем деле воротилам достаточно было просто собраться в одном месте и, прогуливаясь по тенистым аллеям под ручку со своими избранницами вести светские и непринужденные беседы, практически ни о чем серьезном. «Фишка» заключалась в том, что такие люди умели договариваться, даже не произнося ключевых слов. Они понимали намерения друг друга, просто встретившись глазами. Старик зорко наблюдал за этой малоприятной публикой минуты три, пока,

наконец, не отыскал, среди сидевших в импровизированном концертном зале того, кто ему сейчас был нужен больше всех на свете. Поначалу он даже не признал его, насколько тот видоизменился за четыре дня. Отставка очень сильно изменила его внешность, превратив из бодрого и вечно улыбающегося толстячка-бодрячка в поникшего и местами оплывшего старика, нервически подергивавшего головой и делавшего непонятные пассы руками. Складывалось впечатление, что его руки вообще жили отдельно от своего туловища. Тут и непосвященному было ясно, что человек находится на грани нервного срыва и только чудо провидения не дает ему окончательно впасть в истерическое состояние. Удовлетворенно пощелкав языком, наблюдатель стал внимательно следить за передвижениями искомого объекта. Вскоре, лицезрение такого малоприятного во всех отношениях типчика, кажется, сильно поднадоело наблюдателю, и он немного покряхтев, закрыл объектив монокуляра крышечкой, но далеко убирать не стал и слезать с дерева не торопился. Как цирковой фокусник, достающий на глазах у почтенной публики из своей шляпы кроликов, он стал вытаскивать из рюкзака и складывать перед собой на древесный сук, на первый взгляд непонятные детали. Деталей было немного, всего четыре. Аккуратно разложив их в определенной последовательности, он внимательно и с какой-то любовью осмотрел их, переводя взгляд от одной к другой. А затем, отложив рюкзак, принялся собирать их воедино. Это не заняло много времени – от

силы секунд пятнадцать-двадцать. И только после того, как он завершил все свои манипуляции, стало понятно, что за предмет он собрал.

Если бы снайперские винтовки имели аристократическую иерархию, то вот эта, что сейчас лежала у ног пожилого киллера, а теперь уже было ясно, что это он и есть, вполне заслуженно могла носить титул наследной принцессы. И действительно, все в ней было изысканно и утонченно, что выгодно отличало от других ее сестер по ремеслу. Созданная всего полгода назад, в единственном экземпляре, конструкторским бюро Владислава Алабаева, она являла собой вершину оружейного мастерства, вершину технического совершенства и красоты, если такой термин дозволено применить к орудию убийства. Свою «родословную» она вела от хорошо известной и отлично себя зарекомендовавшей СВАК-14, но от своей предшественницы отличалась радикальным образом. Эта к своему имени добавила всего лишь одну букву «М» (СВАК-14М), что означало «модернизированная». Всего-то одна буковка, но зато какие кардинальные изменения в конструкции она принесла с собой. Как и все снайперские винтовки, родившиеся в стенах КБ «Алабаев» она была изготовлена вручную, так как считалась эксклюзивным образчиком оружейного искусства. Созданная по классической схеме (без применения новомодного принципа «буллпап»), несмотря на свой крупный калибр в 12.7 мм., она, в отличие от своей прародительницы, не выглядела громоздко. На-

против, лишенная новомодных, но практически ненужных в данной ситуации «обвесов», включая сошки, она стала на порядок изящнее, как невеста, которая после застолья, сняла тяжелое подвенечное платье, оставшись на брачном ложе в легком пеньюаре. Даже массивный набалдашник дульного тормоза не делал ее менее изысканной и эстетически привлекательной. А приклад с плавными обводами только усиливал это впечатление. Творческий гений Владислава Алабаева, создавшего это совершенство, заключалось, прежде всего, в выборе материала, из которого потом и создавался этот шедевр. Он впервые в отечественной оружейной практике отказался от использования специальных марок стали при изготовлении ствола и ствольной коробки, заменив их «нержавейкой», что, как подтвердила практика, никак не сказалось на тактико-технических характеристиках винтовки. Именно поэтому ствол у нее был не вороненый, а никелированный. Конечно, нержавейка не могла поспорить по части долговечности с обычным – стальным стволом, но она существенным образом сокращала общий вес конструкции, что в условиях, далеких от полигонных, значительно облегчало её эксплуатацию. Изменениям подверглось и внутреннее устройство ствола. Пришлось изменить шаг его нарезов, дабы стабилизировать в полете длинную и тяжелую экспансивную пулю, способную поразить цель на дистанции более 2-х миль. Пулю, кстати, тоже пришлось переделывать. Дело в том, что проблемы стрельбы на сверхдальние расстояния

требуют увеличения массы пули и более совершенной аэродинамики. Это, как правило, вытянутые цельноточеные пули для стрельбы на дальние дистанции, которые еще называются Ultra VLD. Но если идти по пути увеличения массы пули, потребуется изменить весь патрон – либо увеличить камеру или применять новый прогрессивно горящий порох, либо вообще переходить на другой калибр. Другой калибр – это переход в другой класс и совсем другое оружие со всеми вытекающими последствиями: другие стволы, затворы, ствольные коробки, габариты, масса и значительное увеличение отдачи. Но Алабаев и тут пошел против канонов. Ему удалось разработать более тяжелую 30-граммовую пулю, оставаясь в рамках стандартного патрона. Модифицировали и дизайн пули: она стала напоминать длинное вытянутое веретено с двумя заостренными концами, что позволило добиться практически идеального баллистического коэффициента в единицу. Еще одной «фишкой» винтовки было то, что после выстрела гильза не выбрасывалась автоматически, а оставалась в затворной раме, и вытаскивать ее нужно было вручную. Кто-то скажет, что это де неудобно, отнимает время и прочее. Однако те, для кого подобное ремесло служит средством пропитания, в один голос не согласятся с подобным утверждением. И считать так, у них есть резон. Во-первых, эта винтовка предназначена исключительно для одного выстрела, а не для пальбы по тарелочкам, поэтому скорость для перезарядки здесь не нужна. К тому же, как правило, у

киллера есть только одна попытка осуществить задуманное. Второго шанса судьба ему не предоставит. А во-вторых, тот факт, что гильза остается на месте способствует сокрытию улики. Совершив акцию, исполнитель может спокойно ретироваться с места событий, вместо того, чтобы ползать по земле (иногда даже ночью), в поисках гильзы. Но изменения на этом не закончились. В новой версии винтовки, конструктор заменил, ставший уже классикой, японский прицел March 8-80x56, на отечественный прицел, изготовленный концерном «Штабе». Это, конечно, был риск. Ведь «японец» в своем классе был самым лучшим, так как обладал кратностью в 80 единиц. Но «штабевцы» не испугались признанного авторитета и не подкачали, изготовив прицел «Гиперон 2П96», имевший еще большую кратность. Ради соблюдения конспирации, «принцессу» доставили в США в разобранном виде и отдельными партиями. И вот теперь эта «красотка» смиренно лежала у ног исполнителя обещанной мести. Однако время имеет одно нехорошее свойство. Оно зачастую изменяется, и может увести совсем в ином направлении, нежели том, о котором думалось ранее. Первоначально задумывалось применить винтовку на дистанции превышающей полторы тысячи ярдов. Разработчики операции планировали устранить «клиента», выходящего из офиса Госдепартамента, для чего были заранее сняты апартаменты на верхнем этаже здания, находящегося на таком приличном расстоянии. Но последние события внесли свои коррективы, и планы пришлось

срочно менять, подстраиваясь под текущие реалии. Требуемое расстояние оказалось гораздо короче, нежели планируемое. Всего-то 330 ярдов, вместо 1500. Так что, винтовка была, но ее возможности оказались избыточными в данной ситуации.

Старик продолжал сидеть, почти отрешенно слушая доносившиеся до него звуки музыки и песен. Уже совсем стемнело. Он вскинул руку, на которой фосфоресцирующий циферблат часов показывал ровно 22.00. Концерту пора уже было заканчиваться. И правда, уже через несколько минут звуки музыки смолкли, и распорядитель торжеств объявил в микрофон, что следующим этапом увеселительного мероприятия становится катание на лодках по озеру, которое будет сопровождаться обещанным салютом. Снайпер вновь потянулся к монокуляру, отыскивая своего «подопечного». На этот раз он отыскал его гораздо быстрее, чем в прошлый. И опять поразился тому, как тот видоизменился. Теперь это опять был улыбающийся жизнелюбец с расправленными плечами и барственными жестами рук. «Интересно, что же такое произошло с ним за полтора часа, в корне изменившее его облик?» – подумал наблюдатель. И еще молил про себя наблюдатель о том, чтобы Помпео не присоединился к желающим покататься на лодках и оставался на месте, ибо лодка непременно будет раскачиваться, а значит, попасть в него будет гораздо сложнее, да и освещенность на воде будет не такой хорошей, как на лужайке возле особняка. Неиз-

вестно кто там на самом верху поспособствовал молитвам старика, но бывший Госсекретарь предпочел водной прогулке аппетитное застолье, где он мог, наконец, расслабиться после нескольких дней мучительной неизвестности относительно дальнейшего своего существования. Подавляющее большинство гостей решило поучаствовать в водной феерии. Только-только лодки отплыли от берега, как из-под воды там и сям начали всплывать небольшие платформы, на которых были специально установленные приспособления для метания в воздух хлопушек и петард, сопровождаемых фонтаном из огненных струй. Дамы при этом визжали в деланном испуге, а их кавалеры дружно гоготали над этим.

Снайпер отложил монокуляр и занял позицию лежа на толстом суку. Дородная фигура Майка неторопливо всплыла в объективе прицела. Изображение было настолько близким, что он мог бы без труда попасть пулей прямо в рот допившемуся до бесплатных угощений обжоре. Спокойно и размеренно дыша, старик продолжал вести наблюдение через прицел за бывшим чинушей. Он не торопился с исполнением акции. Он ждал, когда начнется салют, чтобы звук его грохота слился со звуком его выстрела (как и положено по классике, в стиле Честертона). По задумке устроителей шоу, салютных залпов должно было быть ровно тридцать пять – столько, сколько в счастливом браке прожили Брайан и Сюзен. Ждать пришлось недолго. Совсем скоро начал бухать салют, рассыпая в небе целые каскады ярких и разноцвет-

ных звезд, сначала распускающихся, а потом ливнем падающих вниз. Помпео все это время не переставал находиться в перекрестье прицела. Снайпер засек примерный интервал между залпами салюта, и когда, по его мнению, до следующего – двадцать шестого баха осталось секунда, плавно нажал на спусковой крючок. Он рассчитал все верно. Звук его выстрела слился со звуком салютного залпа. В плечо ощутимо толкнула отдача (все-таки калибр не маленький), но не так, чтобы очень уж сильно. И, тем не менее, отдача никак не помешала ему пронаблюдать в прицел за результатами своего кропотливого труда. Исполнитель мести с удовлетворением пронаблюдавал, как выпущенная им на волю Смерть начисто снесла всю верхнюю часть черепной коробки бывшего авантюриста от политик и хапуги. Безобразные ошметки лобной кости, темени и затылка, вместе с кусочками головного мозга хлестко разлетелись по сторонам. Сам же бывший Госсекретарь с набитым деликатесами ртом сунулся нижней частью головы прямо в тарелку. Его кровь, упругими толчками изливалась из того, что раньше называлось черепной коробкой. Но этого жуткого зрелища даже никто и не заметил. Оставшиеся за столом немногочисленные гости сидели далеко от места пребывания Помпео, к тому же были поглощены созерцанием водно-воздушного шоу и им не было ровным счетом никакого дела до отставного чиновника, который настолько упился, что уснул, уткнувшись мордой прямо в салат.

Убедившись, что дело сделано, снайпер быстро, но без суеты разобрал винтовку, сложил ее части в рюкзак, туда же бросил монокуляр и застегнул молнию. Он был абсолютно спокоен по части того, что никакая баллистическая экспертиза не сможет с уверенностью установить с какого места был произведен роковой выстрел. Пуля такого калибра при соприкосновении с препятствием не оставляет четко выраженного входного отверстия. Она просто выносит все на своем пути. А так как она была еще и экспансивной, то есть раскрывалась на манер «цветка» и при этом произвольно меняла свое направление на выходе, становилось ясно, что это покушение станет вовсе неразрешимой загадкой для любых экспертов. Во всяком случае им придется изрядно попотеть, чтобы установить истину. А за это время он сто раз успеет скрыться на необъятных просторах Штатов. Совершив эти манипуляции, он безжалостно спихнул ногой рюкзак на землю. Затем достал из кармана штанов флакон-спрей и, нажав на поршень, расположенный наверху разбрызгал вокруг себя средство, отбивающее запах присутствия человека. После чего, не медля ни секунды начал свой спуск вниз. Спускался он гораздо резвее, чем поднимался. Спустя минуту он уже стоял под кроной дерева, давшего ему временный приют. Быстро снял «кошки» и сунул их в рюкзак, для чего опять пришлось его расстегивать и застегивать. Закинув его себе за спину, огляделся по сторонам, как бы прислушиваясь к шороху леса, но шум веселой компании, раздававшийся со

стороны озера, не давал сосредоточиться и он бросил это занятие, здраво рассудив, что темнота и так скроет его присутствие. Опять достал флакон со спреем и обильно оросил им территорию возле дуба. Шагая по направлению к тому месту, где оставил свой велосипед он время от времени прыскал из флакона по сторонам и позади себя, пока не добрался до края дубравы. Там, он в последний раз пшикнул на свое транспортное средство и убедившись, что все содержимое флакона было потрачено, сунул его себе в карман, опасаясь оставлять даже такую мелкую улику. Вскочив в седло двухколесного коня, бойко закрутил педалями в сторону шоссе. Через двадцать минут он приблизился к одиноко стоявшему на обочине фермерскому пикапу. Это был его напарник и по совместительству страховщик. Не говоря ни слова, старик закинул свой велосипед в кузов, а затем и сам влез в кабину через заботливо распахнутую для него дверцу. И только после этого встречающий, такой же уже немолодой человек, коротко спросил на русском:

– Ну, как?

– Всё путём, – также коротко ответил он, поудобнее устроиваясь на месте пассажира и пристраивая у себя между ног рюкзак.

Взрыкнув, машина резво тронулась с места. Им надо было, как можно скорее добраться до Ньютона, пока местные власти не объявили план-перехват. Чтобы пересечь небольшую речушку под названием Чарльз, нужно было немного

проехать вдоль ее руслу, до ближайшего моста. Шоссе было пустынным, ни одна встречная или попутная фара не светила в темноте глубоких сумерек. Вновь пришлось расстегивать рюкзак.

– Езжай помедленнее, – обратился пассажир к водителю.

Тот, не говоря ни слова, понятиливо кивнул. Пока машина еле ползла, пассажир доставал поочередно детали разобранной винтовки и выкидывал их в речку через открытое окно. Вслед за основными уликами туда же последовали монокуляр и пустой флакончик. После того, как все «концы» в буквальном смысле были брошены в воду, машина вновь встрепенулась и опять помчалась по трассе.

– Не жалко было такое добро бросать? – спросил водитель.

– Жалко, конечно, – вздохнул и пожал плечами снайпер, – но своя шкура еще жальче.

Добравшись до Ньютона, они благополучно вернули на стоянку пикап, взятый ими накануне в прокат, и уже пешком – по темноте пошли на съемную квартиру, которую тоже арендовали на сутки у одного из тех, кто промышлял мелким и не совсем законным бизнесом по сдаче в наем жилья на непродолжительное время. Такими услугами часто пользовались те, кто не желал афишировать свои нетрадиционные наклонности, оставляя записи в регистрационных книгах отелей и пансионатов. Утром из комнаты, которую вчера арендовали два немолодых джентльмена, вышла никем незамеченная парочка молодых парней, одетых прилично, но не

броско. Они сели в припаркованный, еще со вчерашнего дня, за два квартала отсюда, «Шевроле-Кобальт» и укатили с ветерком в сторону Бостона.

II

13.09.2020г., США, округ Колумбия, г. Вашингтон

Сначала не помешает чуть-чуть окунуться в историю. Дэниел Смит – 49-летний мужчина среднего роста и плотного телосложения имел настолько непримечательную и неприметную внешность, что спроси у любого несведущего человека, какой, по его мнению, работой занимается данный персонаж, и он точно ответит, что никакой иной деятельностью, кроме, как шпионской, тот заниматься не может. И будет, безусловно, прав, потому что в разведку любой страны, как правило, никогда не берут людей с ярко выраженной внешностью, выпадающей из обывательского представления о среднестатистическом образе законопослушного гражданина. Сам Дэниел в кругу сослуживцев не раз, посмеиваясь, подчеркивал, что стезю профессионального шпиона выбрала для него родная мама, задолго до того, как он сам появился на свет. Сделала она это самым, что ни на есть элегантным способом. Она просто вышла замуж за молодого и подающего надежды профессора палеонтологии, поменяв свою немного комичную фамилию Дулиттл, на более благозвучную, но абсолютно невыдающуюся – Смит. Фамилия Смит (в

дословном переводе означающая «кузнец») наряду со своим русским аналогом являлась самой распространенной в мире. Поэтому в англоязычной стране иметь такую фамилию было все равно, что не иметь никакой. Завоевать общемировую известность с такой фамилией было бы весьма и весьма затруднительно среди миллионных толп «Смитов-Кузнецовых», зато для работы в разведке это было то, что надо. С самого раннего детства мальчишку увлекали шпионские детективы, бурно расплодившиеся на страницах бульварных романов и низкопробных кино постановок, в которых brave парни с тяжелыми челюстями и стальными глазами противостояли ордам «красных» шпионов и вредителей, шныряющих возле «сияющего града на высоком холме», под названием Соединенные Штаты Америки. И, естественно, что самым любимым его киногероем был неувыдающий Джеймс, который Бонд – неуловимый и несокрушимый борец с мировым злом, хоть и работавший не на Штаты, а на Её Величество, но это уже относилось к мелочам, которыми можно и пренебречь при случае. С детских лет он знал и верил, что когда-нибудь сможет пополнить собой ряды борцов с ненавистными ордами обладающими «раскосыми и жадными глазами». Он был пытливым и непоседливым ребенком в детстве и сохранил это качество, перейдя в юношеский возраст. Дэниел хорошо учился в школе и уже там начал проявлять зачатки своего аналитического мышления. Поэтому свой путь в Большую Разведку он начал с самых простых и,

тем не менее, самых эффективных шагов. В чередѣ этих шагов было поступление в Институт перспективных исследований Рэдклиффа при Гарвардском университете, также известным, как Гарвардский институт Рэдклиффа – бессменной кузнице кадров для разведывательных сообществ Соединенных Штатов. Сделать это ему было непросто, потому, как Институт перспективных исследований издавна являлся негласной вотчиной для отпрысков из аристократических семей, имевших, как правило, либо британские, либо германские корни, а он был всего лишь профессорским сыном, не имеющим обширного родословного древа и дворянского герба. В отличие от более «демократичного» Йельского университета, Гарвард перенял большинство из традиций своего старшего собрата и коллеги – Оксфорда, по сути оккупированного представителями аристократических семей. Но благодаря невероятным усилиям со стороны отца, в свое время предусмотрительно позаботившегося об обширном круге связей среди научных светил, которые снабдили его необходимым количеством рекомендательных писем для его сына, а также своим пробивным качествам, ему таки удалось пристроиться в это элитное учебное заведение. Стоимость учебы, не считая затрат на проживание в студенческом кампусе, была невероятно высокой даже для маститого ученого-палеонтолога, каким являлся его отец. Но, опять же благодаря пронырливости папаши, сумевшего добиться государственного гранта на обучение своего единственного, а потому и

любимого чада, пребывание в стенах этого заведения была более-менее приемлемо с точки зрения материальных затрат. Все остальное уже зависело только от собственных способностей самого Смита-младшего. Ребенок в полной мере оправдал вложенные в него средства и усилия, а потому не подкачал и на этом этапе борьбы за существование. В наследство от отца, Смит-младший получил не только научный склад ума и пронырливость, но еще и могучее свойство располагать к себе практически любого человека, даже негативно относящегося к нему. Умение разговаривать, расположить к себе и заставить полностью раскрыться перед собой, дало ему возможность проникнуть туда, куда вход обычным смертным изначально заказан.

Именно поэтому следующим его шагом на пути к вершине своих желаний, стало вступление уже на втором курсе в тайное студенческое общество под названием «Череп и кости». В него принимали только самых достойных представителей аристократического сословия. Изначально это братство появилось в стенах Йельского университета, но с годами его популярность среди молодых отпрыском с «голубой» кровью росла, и уже к началу XX века перекинулась и на Гарвард. Надо ли говорить, какая это была удача для Дэниела? И Йельский, и Гарвардский университеты были основаны, в свое время, членами масонской ложи «Северная Америка», а значит, являлись, по сути, их легальными филиалами. Поэтому «Череп и кости» была неким тайным об-

разованием внутри другого тайного образования. От подобной таинственности могла пойти кругом голова у кого угодно. Ведь членами общества становились не просто представители аристократической элиты, а выходцы из самых богатых и влиятельных семей США. Они всегда, по негласной традиции, занимали важнейшие посты: в политике; в СМИ; в финансовой, научной и образовательной сферах. Так, среди патриархов тайной ложи, её основателей, значились Расселы, Тафты и Гилманы. Впоследствии в состав общества входили Банди, Лорды, Рокфеллеры, Уитни, Фелпсы, Буши и другие.

Согласно сложившейся традиции, после того, как члены общества «Череп и кости» покидали изолированную среду кампуса Гарвардского университета и занимали важные посты в правительстве и иных общественных структурах, они продолжали поддерживать связь друг с другом на протяжении всей жизни. Для того, чтобы узнавать своих, они, по примеру «старших» товарищей из Великих Лож Европы и Америки, внедрили в обиход целый ряд незаметных жестов, деталей в одежде, и даже выработали нечто вроде своего языка – малопонятного для окружающих. Нет ничего лучше для подпитки своего тщеславия, чем находиться в одной команде с могучими властителями мирового закулисья. И Дэниел быстро понял, какие выгоды в будущем ему сулит близкое знакомство с вершителями мировых судеб. А дальше все пошло, как по накатанной дорожке. Сначала его взяли

на заметку кураторы курса – они же Старшие Смотрители над новоиспеченными адептами. В тихих и частных беседах, где-нибудь за чашечкой кофе они осторожно и ненавязчиво выясняли склонности молодого человека к тому или иному роду занятий, помимо получаемого наравне со всеми образования. Им не составило большого труда выяснить его пристрастия к работе в разведке. Следом за кураторами к его обработке подключились и совершенно незнакомые люди неопределенного возраста, одетые в строгие костюмы. Они задавали вопросы уже более конкретные. А вслед за вопросами пришла черед и мелких, почти ничего не значащих, поручений. Поручения, на первый взгляд, были весьма странными. Они просили его, то постоять на площади с пол часа, а потом в письменной форме изложить все, что отпечаталось в его памяти, то сходить на почту, получить там некое письмо и доставить по адресу точно к определенному времени. Однажды, даже попросили передать посылку означенному лицу, загодя предупредив о ее баснословной цене, видимо, желая пробудить в нем корысть и подвигнуть его, тем самым, на кражу. «Наивные люди», так про себя охарактеризовал он проверяющих. Потом был и вовсе странный случай. Ему вновь поручили передать посылку, но не сообщили ни имени, ни адреса получателя. Зато довольно подробно описали его внешность, характер и бытовые привычки. В сроках не ограничивали, но попробуйте-ка найти нужного человека в миллионном городе по таким незначитель-

ным приметам? Молодой Смит поначалу буквально сиял от счастья, ибо понимал своим острым умом, что судьба, наконец-то, связала его с будущими работодателями. Все порученное ему он выполнял безукоризненно и в минимальные сроки. Но вскоре энтузиазм несколько померк, ибо ему уже изрядно надоело исполнять роль банального курьера. У него даже в душе закралось подозрение, что его просто готовят на малозначительную роль связного, где-нибудь на просторах Восточной Европы. А роль мелкого посыльного его никак не могла устроить, хоть он и понимал про себя, что это возможно лишь первая ступень к его будущему возвышению. Дело дошло до того, что однажды он не выдержал подобной рутины и осторожно пожаловался людям в строгих костюмах на то, что его способности выходят далеко за рамки банального «подай – поднеси». На его жалобу никак не отреагировали, но, вскоре, характер поручений несколько изменил свою направленность. Не прошло и недели, как ему в приказном порядке велели соблазнить и уложить в постель самую Келли Стаутфорд – самую красивую девушку с их факультета, дочь влиятельного банкира, учащуюся на один курс выше его. Но мало того, так еще велели и представить убедительные доказательства этому. Поручение осложнялось тем, что вокруг нее всегда вилась уйма поклонников из той же среды сыночков состоятельных семейств, а он, как уже было сказано выше, обладал заурядной внешностью и почти полным отсутствием материальных средств к ее соблазнению. В другой

подобной ситуации он никогда б не рискнул подойти к ней даже на пушечный выстрел, трезво оценивая свои скромные возможности по настоящему ухаживанию, но когда серьезные люди дают такое нетривиальное поручение, то деваться, в принципе некуда, поэтому его надо как-то выполнять. История умалчивает, к каким ухищрениям прибегнул Дэниел, чтобы осуществить задуманное не им. Однако уже через две недели их видели прогуливающимися за ручку, а еще через неделю он смог представить доказательства соблазнения в виде тайно сделанной видеосъемки всего акта «укладывания в постель» – от начала и до конца, без разрывов и купюр. Впоследствии он узнал, когда случайно ознакомился со своим досье, что этот случай стал переломным моментом в тщательной проверке, которую ему устроили сотрудники АНБ. С этого момента к нему стали относиться гораздо серьезнее, чем было раньше. Теперь с ним вели не только беседы на отвлеченные темы, чтобы выявить степень интеллектуальных способностей, но еще стали в легкой и ненавязчивой форме преподавать те или иные дисциплины шпионского ремесла. Его учили пользоваться гримом, умению отрываться от слежки, делать «закладки» и пользоваться шифровальным блокнотом. Эта его вторая учеба приносила ему удовлетворение не меньшее, чем университетский курс.

Следующее его поручение состояло в том, чтобы втереться в группу молодых студентов, прибывших из только что распавшегося Советского Союза и принятых на обучение в

Гарвард вопреки всяческим традициям. Руководству Соединенных Штатов очень уж хотелось «прощупать», чем дышат детки «новых русских» и нельзя ли как-нибудь сделать из них, как минимум агентов своего влияния, а как максимум – осуществить их полную вербовку. Наконец-то это было настоящее задание, которого он так долго ожидал! Странное дело. Ему даже не пришлось, как следует, попотеть при совершении вербовки. Молодые лоботрясы, отцы которых еще недавно перепродавали шмотки возле «Березки», а потом, в результате мафиозных перестрелок пересели в кресла отжатых у государства предприятий, сами пошли на контакт. Складывалось впечатление, что они только за тем сюда и приехали, чтобы повыгоднее продать себя и свою Родину. Это обстоятельство весьма озадачило молодого Смита, воспитанного на клише о том, что русские с квадратными челюстями и твердокаменными головами, хоть и являются глуповатыми, но, однако не лишеными чувства патриотизма сталинского разлива. А эти «сыночки» оказались настоящим дерьмом в прямом и переносном значении. После успешной вербовки этих молодых мразей, Смит, получил-таки долгожданное предложение стать штатным сотрудником Центрального Разведывательного Управления.

Его сразу зачислили в штат, так называемого «русского дома», который непосредственно занимался агентурой завербованной на территории бывшего Советского Союза и его сателлитов, то есть находился на самом острие борьбы с рус-

скими. А то, что это борьба была с русскими, а не с мифическими коммунистическими угрозами, которыми пугали штатовских обывателей на протяжении десятилетий, он уже понял в процессе своего обучения. Там и тогда Дэниел понял, что независимо от того, какой строй, и какая идеология правят на одной шестой части суши, все равно, русские были, есть и будут оставаться врагами для западного сообщества. А это сообщество рассматривало русских только в двух качествах: либо как непримиримых врагов, которых необходимо уничтожать любыми путями и средствами, либо в качестве безусловных и безропотных вассалов, выдрессированных отдавать свои богатства за стеклянные бусы. Даже распад некогда могучего и глобального соперника не изменил взглядов истинных правителей западного мира. Напротив, все, что происходило в 90-х на территории бывшего соцлагеря, вселяло в него уверенность в правильности выбранной стратегии и тактике по уничтожению врага. Поэтому штат сотрудников ЦРУ, в связи с развалом Советского Союза, не только не уменьшился, но даже увеличился, как и финансирование работ по добыванию его самого крупного осколка в виде России.

Попав в эту среду, Дэниел Смит, сначала приуныл. Штатная численность сотрудников с начала 90-х возросла кратно. «Выбиться» наверх при таком количестве сотрудников, конкурирующих друг с другом за финансирование того или иного проекта, направленного на развал уже самой России,

представлялось делом невероятной сложности. Но Смиту отчаянно повезло, что он родился «в рубашке». В 93-м разгорелся скандал с Олдричем Эймсом – директором «русского дома», который, как оказалось, сам был в свое время завербован русскими и являлся их самым ценным агентом за все существование Советов. И это было никаким не преувеличением. За те годы, что он курировал Восточно-Европейское направление, все его сотрудники, работавшие на местах, благодаря его усилиям, находились в буквальном смысле под «колпаком» у советской, а затем и российской контрразведки. И если бы не предатель, что завелся в стенах СВР России, всей разведывательной сети американцев на территории бывшего Советского Союза грозил самый настоящий паралич, а затем и неминуемый коллапс. В Штатах, по этому поводу, разразился поистине мега-скандал, схожий чем-то с цунами, смывающим все на своем пути. И действительно, в отделе насчитывавшим около десяти тысяч сотрудников, начались грандиозные чистки. Обозленный таким обстоятельством Конгресс, резко сократил финансирование всех зарубежных программ, связанных с Россией. Сидящие на Капитолийском холме конгрессмены, здраво рассудили, что не следует попусту разбрасываться казенными средствами, если сам русский президент кормится у них с ладошки, постоянно клянча кредиты на содержание своего многочисленного семейства. Многие сотрудники отдела, не выдержав трудностей и постоянного психологического прессинга, про-

сто сами ушли либо на вольные хлеба, либо в параллельные структуры. Смита, который только-только стал штатным сотрудником, вся эта кутерьма не коснулась, по большому счету, потому что всем проверяющим и надзирающим было и без того ясно, что молодой сотрудник еще не успел ничем замарать свою биографию, да и связи полученные им в Гарварде, сделали свое дело. Нашлись-таки и у него заступники, замолвившие за него нужное словечко, где надо. Поэтому Смит, проявив терпение и немалую выдержку, никуда не побежал, чем дал повод лишний раз убедиться в своей лояльности. Для него настали поистине «золотые» дни, так как пертурбации в отделе открыли перед ним широчайшее поле возможностей проявить себя. Изжеванный и искромсанный отдел, сокращенный почти в три раза против прежнего, и лишившийся более половины финансовых средств на свое содержание, остро нуждался в энергичных и позитивно настроенных сотрудниках. Ему в этот момент как никогда нужно было показать свое рвение и умение правильно применить полученные ранее навыки. Среди царившего общего уныния коллег по поводу своего дальнейшего существования, он выглядел бодрячком. А почему? Да потому что не так давно он набрался храбрости и составил докладную записку на имя самого директора ЦРУ. В ней он излагал мысли о том, что де с уходом со сцены советской партийной номенклатуры и гибелью идеологического мышления в стане эвентуального противника, уже не имеет большого смысла

сосредотачивать свои усилия по вербовке советских, партийных и военных деятелей. Необходимость в этом отпала, ибо на авансцену на их место пришли совершенно иные люди с иными воззрениями на жизнь и ценности. По его мнению, ставку в борьбе за установление полного контроля над остатками СССР, необходимо было сделать на работе людьми, получившими реальные рычаги управления экономикой. Тот, у кого в руках промышленность и финансы, тот и является истинным хозяином положения в стране, а все эти секретари обкомов, комсомольские вожаки, если не успели вовремя перекраситься, являются пережитками вчерашнего дня, не заслуживающими большого внимания и потраченных средств. Он в своей докладной записке предлагал сосредоточить все усилия, даже не на тупоголовых «качках» в малиновых пиджаках, вознесшихся, по воле случая, на вершины российского олигархата. Иметь дело с боевиками, случайно выжившими после перестрелок – просто терять время. Работу надо вести с прицелом на будущее. А будущее – это дети. Поэтому сконцентрировать внимание надо ни на них, взяв на себя заботу о воспитании в нужном для Запада ключе, чтобы впоследствии вырастить из этого пластичного материала компрадорский слой буржуазии, целиком и полностью зависимый от воли своего хозяина. А уж те сами, в благодарность за такое воспитание вынесут на «блюдечке с голубой каемочкой» не только все военные секреты, тщательно оберегаемые остатками патриотично настроенных военных высшего звена, но

и все предприятия, передовые технологии и недра с их ископаемым богатством. Начальству, страдающему от повального бегства и отсутствия свежих мыслей у оставшихся сотрудников, мысль, изложенная молодым, но уже неплохо зарекомендовавшим себя агентом, показалась довольно здравой. Дело в том, что до сего момента, как бы это ни казалось странным, но у ЦРУ не было таких грандиозных планов в отношении своего противника. Вся работа этой организации сводилась к противостоянию, сдерживанию и нанесению всяческого вреда СССР. Перспективы же предложенные Смитом просто завораживали своей масштабностью, от которой у многих начинала кружиться голова. Его вызвали на «ковер» и там он в подробностях изложил весь свой дальнейший план по экономическому подчинению, а затем и расчленению России новыми хозяевами. Перспективы этого, грамотно изложенные молодым человеком настолько захватили заскорузлые умы высокопоставленных чиновников гильдии «плаща и кинжала», что финансирование его проекта выделили в отдельную графу, ужавшись в других местах, и даже предоставили в его распоряжение несколько наиболее головастых коллег, что еще не успели сбежать с поврежденного корабля. Для Смита-младшего это был настоящий прорыв. Шутка ли, в двадцать пять лет получить свой штат работников и щедрую финансовую подпитку? Кто другой почил бы на лаврах, тихо посасывая бюджетные денежки и имитируя бурную деятельность, что нередко встречалось в этой орга-

низации, но не таков был Дэниел – амбициозный и рьяный в своем желании, всеми средствами пробиться туда, где принимаются решения. Для реализации своего плана по завоеванию России изнутри. Именно в стенах ЦРУ родилась поговорка о том, что «слона нужно есть, отрезая по кусочку». Некоторые приписывают авторство этой крылатой фразы самому Дэниелу Смигу.

Сам Дэниел не стал ломать голову над изобретением новых схем по внедрению агентуры в среду «младореформаторов» типа Гайдара, Явлинского или Чайбуса. Это поле уже было занято и окучивалось Всемирным Банком и Европейским Банком по Реконструкции и Развитию. Его интересовали реальные активы, а не мошеннические схемы по выводу капитала и прибыли. Он пошел по кратчайшему и уже проторенному им пути. Смит возобновил связи с теми русскими – сыночками новоявленных олигархов, которых, в свое время ловко охмурил, будучи еще студентом. «Сыночки» не все и не сразу вспомнили молодого и улыбчивого коллегу по студенческому кампусу, ловко склонявшего их к необдуманным поступкам, а затем предлагавшим взаимовыгодное сотрудничество после подписания некоторых бумаг. Они уже и забыли о нем, так же, как забыли о них и цэрэушники, в связи с кутерьмой в своих рядах. И тут, вдруг, он опять объявился на горизонте. После напоминания о некоторых мутных моментах их биографий, память «сыночков» резко проснулась. «Сыночки», по-прежнему охочие до де-

нег и беззаботной жизни на пляжах Майами, сразу вспомнили старого приятеля и охотно пошли с ним на контакт. А дальше дело завертелось со скоростью электрической кофемолки. Они не только сами стали работать на вражескую разведку, передавая ей уникальные технологии, доставшиеся от Советского Союза, но и привлекли к этому делу сначала своих отцов, напуганных за судьбу отпрысков, а затем и своих товарищей – таких же олигархических сынков, не успевших пока вкусить плоды жизни в свободном мире. Разумеется, работа с отпрысками олигархов была не единственным методом медленного и неотвратимого поглощения реального сектора экономики России, но это был один из основных, показавших свою эффективность способов. А когда началась эра залоговых аукционов, то тут уж ребята Смита порезвились от души. За деньги, одолженные олигархам под весьма щадящий процент, они потребовали с них ни больше, ни меньше, как места в совете директоров, приватизированных предприятий. И уже к началу нулевых в России не было ни одного мало-мальски крупного или значащего предприятия, где бы не сидели тайные, а подчас и явные агенты мистера Смита. Несогласных с таким раскладом директоров просто ликвидировали, привлекая для этого криминальные структуры. Оставался еще русский ВПК, но к приходу нового российского президента он, опутанный долгами, отсутствием заказов и текучкой кадров, уже сам дышал на ладан. А все, что у него было ценного, уже давно перекаче-

вало в сейфы Lockheed Martin, Boeing, Raytheon, Northrop Grumman, не без участия и старания самого Смита. Ценную документацию, патенты и технологии вывозили целыми эшелонами, ничего не опасаясь при этом.

Вместе с расширением агентурной сети расширялась популярность и влияние Дэниела Смита. Каждый доллар, вложенный в его проект, возвращался кредиторам в стократном размере. Увеличивался штат «русского отдела», а вместе с ним и финансирование. Постепенно он обрел свое прежнее значение, в качестве главного отдела всего управления. Численность его сотрудников возросла до прежних величин. И все это благодаря ему – тихому и скромному на вид человеку. Уже через десять лет своего кропотливого труда он мог себе запросто открывать ногой двери почти всех чиновничьих кабинетов, однако не делал этого, а потому, за все свое время работы не обрел сколько-нибудь значимых врагов. Как-то находясь в прекрасном расположении духа, он даже прикинул в уме, насколько могло увеличиться его личное благосостояние, если представить, что «русский отдел» стал бы его неотъемлемой собственностью. Выходило так, что через своих людей он контролировал до 70% всего промышленного капитала бывшего Советского Союза, что примерно составляло, если правильно вести учет, что-то около двух триллионов долларов. А такие денежки, как известно, на дороге не валяются. Приход к власти нового российского президента несколько подпортило ему настроение. Через свои

коммерческие структуры подобраться к Бутину не представлялось возможным. Тот, как назло пользовался только своими личными, проверенными годами связями в коммерческой среде и никого из посторонних туда не допускал. Это обстоятельство одновременно и печалило и злило Смита, не сумевшего подобрать к русскому президенту свои ключи. Дело начинало принимать совсем уж дурной оборот, когда молодой русский лидер, окруженный со всех сторон своими ставленниками, лично обязанными ему, потихоньку начинал переходить в контратаку, там и тут осторожно тесня смитовскую агентуру. Горькую пилюлю пришлось проглотить Дэниелу, когда в России присадили на нары его главного ставленника – Михаила Ходорковского, которым Смит надеялся когда-нибудь заместить нынешнего президента. Это бы стало вершиной его карьеры и сулило пост директора ЦРУ. Но его мечту безжалостным образом подстрелили на самом взлете. Нужно было срочно исправлять ситуацию. Препятствие, в лице не поддающегося влиянию президента, необходимо было ликвидировать и чем быстрее, тем лучше. К этому времени, проведив на заслуженный отдых своего шефа, Смит сам занял его кресло, став единоличным управляющим всего Восточно-Европейского и Русского отдела. Оставалось только вытащить последнюю занозу из пятки, чтобы полноценно претендовать на пост директора ЦРУ. Многочисленные заговоры олигархов, инспирированные Смитом, не приносили никакого результата. По большому счету, ему следовало это

сделать в самом начале нулевых, когда власть молодого президента не имела твердой опоры в кругах крупного бизнеса, да и вообще не обладала каким бы то ни было опытом работы с бизнес-структурами. Осознание этой своей ошибки пришло к Дэниелу слишком поздно. Впрочем, кто бы в те времена мог предположить, что явный ставленник компрадорски настроенного прежнего президента, не вылезавшего из запоев, сумеет начать собственную музыкальную партию? После эпичного ареста Ходорковского, олигархи, напуганные перспективой разделить с ним место на нарах, притихли и пошли на негласный сговор с государством: «вы не трогайте нас – мы не лезем в большую политику». После этого мечтать о дворцовом перевороте под управлением прикормленных воротил от бизнеса, уже не было никакого смысла. Последней надеждой сделать хоть что-то в этом плане, была попытка смещения Бутина на волне организованных протестов в 2012 году, так называемыми «болотными активистами». Но и она провалилась благодаря четкой и слаженной работе силовых структур, оставшихся верными своей присяге. После провала попытки переворота, в которую было вложено немало денежных средств и иных ресурсов, руководство ЦРУ уже не так благосклонно стало относиться к Смитсу. Все чаще он ловил на себе косые взгляды своего руководства, хотя еще вчера он купался в лучах тайной славы и мнил себя, если и не хозяином всей Восточной Европы, включая Россию, то уж во всяком случае, непревзойденным экспертом во внут-

ренных делах бывшей Империи Зла. Над ним явно начинали сгущаться тучи. От него настоятельно требовали скорейшего устранения строптивного русского президента, более чем прозрачно намекая, что от этого будет зависеть дальнейшая судьба начальника «русского дома». В этой ситуации ему не оставалось ничего другого, как только перенести акцент своей деятельности в сфере промышленного поглощения России на работу с «близким кругом» президента, доступ в который был практически закрыт для посторонних. Начались безумные и кропотливые поиски предателя в самом центре высшей власти России. И хотя ему посчастливилось завербовать высшее руководство российской разведки, а по факту, они сами проявили в этом инициативу, все же это было не совсем то, на что он рассчитывал по-настоящему. Они, несмотря на то, что входили в ближний круг, абсолютным доверием русского президента не пользовались. Но зато вербовка таких высокопоставленных лиц среди окружения Бутина на время дала передышку Смиту, чтобы отвести от себя подозрительные взгляды коллег.

Путем невероятных усилий это удалось-таки сделать, завербовав заместителя директора ФСО – Вадима Анатольевича Вдовенко. Тут сыграло обычное в таких делах обстоятельство. Поздно женившись на блондинистой красотке, заместитель директора ФСО, дабы не потерять расположение молодой женщины к себе, начал осыпать ее со всех сторон подарками, выходящими по своей стоимости за рамки ге-

неральского жалованья. Это обстоятельство не укрылось от глаз коллег Вдовенко, но они к своему стыду, а может и бесстыдству, не стали придавать значения данному факту. Знали бы они, чем это может обернуться в итоге, может быть история пошла совсем по иному пути развития. Молодая женщина, войдя во вкус шикарной жизни, требовала с каждым разом от своего немолодого мужа все больше и больше. «Бедняге» приходилось крутиться волчком, чтобы удовлетворить возрастающие прихоти своей половинки. Началось с небольшого. Сначала он стал оказывать услуги по охране частных лиц из когорты предпринимателей высокого ранга. Естественно не сам, а путем откомандирования своих сотрудников в распоряжение охраняемых, что Уставом категорически запрещалось. Но коллеги и в этот раз промолчали. Знал об этом и его непосредственный начальник – генерал-полковник Коченев, двоюродный брат которого служил в «Альфе», но тоже помалкивал почему-то. Этого хватило ненадолго. Аппетиты красотки росли, как на дрожжах. Следующим его шагом к краю пропасти морального разложения стали махинации с госзакупками снаряжения бойцов ФСО. Заказывалось одно снаряжение, а поставлялось другое – более низкого качества, а «откаты» и разница в цене оседала в карманах Вадима Анатольевича. И вновь ему все сошло с рук по неизвестной причине. Тут-то он и попал в поле зрения мистера Смита, который начал спешно собирать на него компромат. Вконец потерявший осторожность

от безнаказанности, Вдовенко уже откровенно и беззащитно стал запускать загребущие руки в бюджетные средства своей конторы, вообще не заботясь о каком либо прикрытии своей деятельности. И опять, как и прежде, Коченев закрывал на это откровенное воровство, свои глаза, что могло навести на мысль о его тайном соучастии в этом деле. В конце концов, настал тот момент, когда к Вадиму Анатольевичу пришли люди и выложили перед ним на стол все, что сумели раскопать про его тайную жизнь и стали угрожать ему публичным разоблачением. Одно в этой ситуации было плохо. Это были люди Дэниела Смита. Свою угрозу разоблачения они подкрепили предложением, от которого он, разумеется, не смог отказаться. Банковский счет на предъявителя в размере ста миллионов долларов и поддельный паспорт, по мнению шантажистов, должны были уничтожить все остатки его сомнений в серьезности их намерений. История разведок еще не знала столь большой цены за предательство. Ходили, правда, слухи, что бывшего и единственного Президента СССР подкупили суммой в два миллиарда, но это была только ничем не подтвержденная информация. Ну и как тут было не устоять? Смит сделал очень большую ставку на этого проходимца и в очередной раз не ошибся. Все получилось гораздо лучше, чем можно было себе представить. В результате предательства Вдовенко, кстати, ничего не стоившего Смигу, по причине его устранения Романом Рахлиным, к праотцам отправился не только сам мятеж-

ный русский президент, но и все его ближайшее окружение. Тут, несомненно, было чему радоваться. После серии обидных провалов резидентуры, внедренной, хоть и не в высшие эшелоны власти, но все-таки в правительственные структуры, курирующие экономический блок (Нечаев, Дворкович, Алексащенко и Улюкаев), это была несомненная победа. Почетная медаль Конгресса, полученная Смитом, естественно, по закрытому списку, приятно щекотала воспаленное тщеславие Дэниела. Столь удачно проведенная акция по ликвидации руководства самой опасной для Штатов страны, была его красноречивой заявкой на место директора ЦРУ. Нет, ну а что?! Независимо от того переизберут Трампа на второй срок или на его место сядет «Сонный Джо», Джине Хаспел – нынешней его начальнице, все равно не усидеть на своем месте, по причине слишком скандальной репутации. И кто, как не он является ее естественным приемником на этом посту? Он, поднявший из руин «русский дом», прибравший к рукам почти всю экономику России (умолчим о том, что все достижения в последнее время были существенно нивелированы умелыми действиями команды Меншуткина), осуществивший «операцию века», устранив руководство страны, является единственным и неоспоримым кандидатом на пост, о котором мечтал всю сознательную жизнь. По крайней мере, он получил заверение в этом от своих друзей и покровителей, являющихся истинными хозяевами вашингтонского истеблишмента. К угрозам, которыми начал сыпать гла-

варь русской хунты, взобравшийся по кровавым ступенькам на престол, он не отнесся серьезно. Несмотря на свою незаслуженно скверную репутацию, русские даже в былые годы чурались проводить на чужой территории акты, связанные с политическими убийствами. Последний раз такое случилось в далеком 78-м, когда был убит болгарский диссидент Георгий Марков, уколом отравленного наконечника зонта. Да, и то, это сделали не сами русские, а болгарские спецслужбы, правда, при содействии КГБ, снабдившего их необходимым устройством. Что же касается нашумевшего дела в Солсбери, то уж кому-кому, а ему была известна подлинная история этой аферы британской MI-5, к которой он и сам приложил руку. Так что, с этой стороны он не видел для себя никакой опасности. Те, кто был в курсе истинного расклада дел, прекрасно знали, что русские уже давно ни на что не способны. И все их реноме держится на былых заслугах, относящихся ко временам СССР и правления Сталина. А русские из постсоветской России уже давно приучили весь мир к тому, что все их угрозы найти, отомстить, покарать и принять «ответные меры симметричного и асимметричного характера» являются ничем иным, как пустым сотрясением воздушных масс.

Три дня назад, как гром с ясного неба ударило известие о внезапной отставке Джинны Хаспел вместе с Госсекретарем и Начальником Комитета Штабов. Информация была тем сногсшибательной, что каких либо явных предпосылок

к массовой и скоропалительной отставке высших должностных лиц государства отмечено не было. Все, конечно, знали, что Трамп, мягко скажем, недолюбливал «Кровавую Джину», но это никак не сказывалось на их общении. Все четыре года пребывания Дона на своем посту он не позволял себе такого хамского обращения с руководителем одной из самых влиятельных разведок мира. Дэниел терялся в догадках о происхождении конфликта, повлекшего за собой скоропалительную отставку своего шефа, ибо не владел, хоть сколько-нибудь достоверными сведениями на данный счет. И это его чрезвычайным образом огорчало. Он, считая себя ферзем на шахматной доске, или, по крайней мере, принцем, в ожидании коронации, не любил подобных эксцессов, тем более тех, в которых не участвовал сам. Это явно свидетельствовало о том, что он не в курсе очень многих тайных процессов, а значит, свое влияние он преувеличивал. «Неужели это как-то связано с воздушным инцидентом в небе Баренцева моря, о котором второй день пестрят заголовками передовицы газет? И как она оказалась в одном списке отставников наряду с Милли?» – вертелась у него в голове мысль. «Какую такую шпионскую акцию они неудачно провернули у берегов России, да еще в обход него – курирующего все пространство бывшего Советского Союза?» – не переставал анализировать ситуацию Смит. А сегодня он узнал о том, что вчера вечером был убит Майк Помпео, с которым он был хорошо знаком в силу служебных обстоятельств. Тут бы Дэни-

елу призадуматься, но он почему-то не отнесся серьезно к этому знаковому убийству. Кого интересует судьба попавшего в опалу бывшего разведчика и Госсекретаря? Разумеется, можно было сколько угодно обижаться на то, что его держат в прихожей, не давая пройти в обеденную комнату, где он мог бы усесться за стол наравне с хозяевами. Но как бы там ни было, а место руководителя осталось вакантным, а значит, ему крайне необходимо было перебраться из Лэнгли поближе к месту событий, чтобы в решающий момент схватки за кресло не оказаться «у шапочного разбора», как говорят русские. Повод оказаться поближе к кухне подвернулся, как никогда, кстати. На сегодня в Международном музее шпионажа был запланирован ряд закрытых лекций для специальных слушателей, решивших посвятить себя этому ремеслу. Дэниел сам вызвался выступить в качестве лектора перед немногочисленной аудиторией.

Трехчасовая лекция закончилась и Смит, проводив слушателей, выглянул в окно. Сентябрь в этом году побил все рекорды по температуре воздуха. Жара никак не спадала уже четвертую неделю подряд и упорно держалась на отметке в 100° по Фаренгейту. Даже кондиционер не справлялся с жарой и духотой закрытого помещения, обращенного окнами на солнечную сторону. Оставшись один, он снял наконец-то промокший от пота пиджак, оставшись в одной рубашке. Читать лекции без пиджака Дэниел считал для себя неприличным. Собрав со стола конспекты своей лекции, он аккуратно

убрал их в свой слегка старомодный портфель, доставшийся ему в наследство от недавно умершего отца и, перекинув пиджак через руку, вышел в коридор. Там его уже поджидал один из двух личных телохранителей, которых он нанял в частной охранной фирме для поддержания своего статуса vip-персоны.

– Что, Джим, заждался меня? – участливо спросил он своего телохранителя. – Прости. Я не думал, что лекция затянется на такое время.

– Ждать – моя святая обязанность, сэр, – подчеркнуто вежливо ответил ему охранник. – Куда прикажете следовать?

– Сначала заедем в местное отделение нашей конторы. Узнаю, есть ли что-нибудь новенькое в нашем серпентарии, а затем можно и в гостиницу.

Они зашли в кабинку лифта, который через несколько мгновений доставил их на первый этаж здания, выполненного в стиле модерна, где вместо классических стен присутствует сплошное остекление в металлических переплетах. Парадный вход в здание тоже был весь застеклен. Над входом красовалась начищенная до ослепительного блеска металлическая надпись «INTERNANIONAL SPY MUSEUM». На одной из букв названия тихо и мирно дремала большая стрекоза размером с ладонь взрослого человека. Таких обычно принято в простонародье называть «морячками». Стрекоза уныло повесила свои крылышки, видимо, здешняя жара

и ее изрядно доконала, поэтому она не нашла ничего лучшего для себя, как спрятаться от палящего солнца среди букв названия, в ожидании наступления вечерней прохлады. Толстые и двойные стекла входа, автоматически распахивающиеся за счет фотоэлементов, реагирующих на приближение, величаво разъехались в стороны, как только эти двое подошли на нужное для срабатывания механизма расстояние. У того из них, что шел позади, был портфель и пиджак, перекинутый через руку, а у другого ничего не было в руках, зато он, в отличие от первого, постоянно озирался, будто чего-то опасался. Задержавшись у входа, он внимательно оглядел, сквозь темные очки, толстую негритянку, сидящую на автобусной остановке и обмахивающуюся газетой в ожидании общественного транспорта. Быстро оценив ее малозначимость с точки зрения опасности для опекаемого им лица, он перевел взгляд на противоположную сторону проезжей части, где стояла целая вереница из припаркованных автомобилей. Один из них был служебным автомобилем Дэниела Смита, в котором должен был находиться водитель и он же – второй охранник. Узнав знакомый автомобиль в очереди припаркованных, охранник незаметно кивнул сидящему внутри водителю. Затем, оглядевшись еще раз по сторонам, в поисках чего-нибудь подозрительного, и не найдя ничего особенного в этом плане, двинулся к краю проезжей части, чтобы перейти на ту сторону. Вслед за ним двинулся и охраняемый им объект.

II. II

Среди автомобилей стоявших у обочины напротив Международного музея шпионажа скромно притулилась и новенькая «Toyota RAV4» белого цвета – один из хитов авторынка 2020 года. У машины были сильно тонированные стекла, что не являлось редкостью в столице Соединенных Штатов, так как многие из влиятельных лиц, находящихся в Вашингтоне отнюдь не горели желанием афишировать свое присутствие. А таких лиц, с приближением предвыборной кампании в городе становилось все больше и больше. И, разумеется, в качестве сохранения своего инкогнито они предпочитали развезжать не на суперкарах, а на чем-нибудь поскромнее. Вот, как, например, эта машина, хоть и красивая и достаточно новая, но не самая шикарная. В машине сидели двое – мужчина и женщина. Обоим было на вид чуть меньше тридцати лет. Примерная возрастная одинаковость наводила на мысль о том, что они не просто попутчика, а скорее всего семейная пара. Мужчина, сидевший за рулем, был симпатичен и хорошо сложен. Плотная облегающая его туловище футболка с короткими рукавами рельефно подчеркивала его брюшной пресс и хорошо развитые бицепсы на руках. Небольшая и аккуратно подстриженная борода в стиле «команданте Че» придавала его лицу с правильными чертами дополнительный лоск и мужественность, на что весьма

положительно реагируют молодые девушки во всех концах земного шара. Ни в чем не уступала ему и пассажирка, при-
мопившаяся на заднем сиденье. Роскошная блондинка с во-
лосами до плеч, одетая в топик, запросто могла бы служить
лицом какой-нибудь парфюмерной фирмы мирового класса.
Правда, хорошо разглядеть черты ее лица мешали нечто по-
хожее на очки «виртуального видения». На коленях у кра-
сотки удобно расположился ноутбук, по клавишам которо-
го, девица бодро выстукивала дробь ноготками с непритяза-
тельным, но не лишенным вкуса, маникюром. Ноутбук был
самым обыкновенным, если не считать маленькой детали в
виде коробочки прикрепленной к нему через разъем USB.
Для обывателя это был просто один из многочисленных га-
джетов, служащих в качестве какой-нибудь приставки в иг-
ре. А специалист узкого профиля сразу бы распознал в нем
скремблер. Мужчина, через лобовое стекло, не отрываясь,
смотрел на вход в здание музея. Делать ему это было очень
удобно, так как машина стояла не напротив входа, а чуть по-
зади.

– Слушатели уже вышли, значит, скоро выйдут и наш кли-
ент, – напряженным голосом негромко произнес он по-ан-
глийски в его американизированном варианте. – У тебя все
готово, Мег?

– Да, Крис, не волнуйся. Мы уже на исходной, и у нас все
готово, – прощбетала девушка на том же языке, не переста-
вая стучать по клавишам.

– Хорошо, – коротко бросил он, продолжив наблюдать за входом.

– Ты уверен, что они будут выходить именно отсюда, а не с того входа, что находится за углом? – озабоченно поинтересовалась Мег, не отрываясь от экрана.

– Конечно, уверен, – ухмыльнулся ее напарник, а скорее всего, подельник. – Вон, напротив входа стоит «Самгу». Это его машина. По правилам охраны, принятым во всем мире, расстояние от выходящего из помещения объекта до автотранспорта должно быть максимально коротким.

– Молодец, – улыбнулась она, – я ничуть не сомневалась в твоих интеллектуальных способностях.

– Так же, как и я в твоих, – вернул он ей улыбку, кинув мимолетный взгляд в зеркало заднего вида.

Прошли еще около двух минут томительного ожидания. И вдруг, Крис, весь подобрался. Из-за распахнувшихся стеклянных дверей появилась фигура дюжего охранника в темных очках. Он немного замешкался в дверях, загоразивая собой идущего следом человека.

– Вот они! – воскликнул тот, кого звали Крис. – Приготовься!

– Вижу, – коротко бросила она, и ее пальцы еще быстрее замелькали по клавишам.

Внимательно обзрев пространство перед входом, охранник неторопливым шагом двинулся вперед. Вслед за ним зашагал и одетый в рубашку невысокий человек лет пятидеся-

ти с портфелем.

– Давай! – скомандовал Крис, но ответа на этот раз не получил. Мег молчала, сосредоточенно всматриваясь в то, что ей показывали очки оказавшиеся приемником телескопического видения выносного устройства. Картина, которую она наблюдала во всех деталях, была весьма занимательной. Она видела ту же самую картину, что наблюдал и Крис, но только с другого ракурса. У постороннего наблюдателя, будь у него такие же очки, могло сложиться впечатление, будто съемка ведется камерой высокого разрешения откуда-то сверху и сзади тех людей, что сейчас вышли из здания. Сверху и сзади, но не слишком высоко. Внимательный зритель мог бы предположить, что камера находится прямо над входом и прячется среди букв названия музея. Выждав пару секунд, пока эти двое не пройдут несколько метров до конца тротуара, камера внезапно начала быстрое движение в их сторону. Из-за быстроты перемещения, картинка слегка смазалась, а затем выровнялась, приблизившись вплотную к тому, который шел позади. Изображение было таким близким и четким, что можно было без труда разглядеть каждый прыщик на шее у немолодого джентльмена. Казалось, что камера на какое-то мгновение прилипла к его шее, но тут же вспорхнула и, сделав головокружительный вираж, устремилась ввысь.

– Ну, все! – выдохнула девица. – Дело сделано.

Все это было очень непонятно и сумбурно. Но если посмотреть на происходящее со стороны, да еще вооружив-

шись биноклем, то можно было бы увидеть интересное зрелище на грани фантастики. Вот двое прилично одетых человека, один из которых молодой, а другой среднего возраста выходят из здания музея и направляются к бордюру тротуара, чтобы пересечь проезжую часть. Вдруг откуда-то сверху к тому, кто шел сзади подлетает нечто похожее на большую стрекозу и пикирует ему прямо за воротник рубашки. Тот, почувствовав приземление на шею постороннего предмета, переложив портфель из одной руки в другую, не останавливаясь, пытается освободившейся рукой прихлопнуть «насекомое», но, не донеся руку до шеи, спотыкается и падает прямо на краю тротуара. «Стрекоза», не дожидаясь его падения, круто уходит «свечкой» в небо и моментально исчезает в том направлении, откуда и прилетела несколько секунд назад. Шедший впереди охранник, услышав шум падающего за спиной тела, мгновенно оборачивается всем корпусом назад, но сделать уже ничего не успевает. Подопечный лежит на тротуаре без каких либо признаков жизни. Охранник выхватывает из внутреннего кармана пиджака пистолет и бросается к упавшему, пытаясь определить куда попала «пуля», но не находит никаких признаков пулевого отверстия, а потому начинает беспомощно оглядываться по сторонам. К нему на помощь, выскакивая из стоящей напротив машины, и вытаскивая на ходу пистолет, бросается другой охранник, но тоже ничего понять не может, тупо водя стволом из стороны в сторону. Все случилось настолько быстро, что с начала опе-

рации и до ее завершения прошло не более 5-6 секунд.

– Второй, пошел, – произнесла она непонятную фразу.

– Надо же?! – изобразил на лице удивление Крис. – Я, честно говоря, и не думал, что все произойдет так здорово.

– А ты сомневался в успехе? – усмехнулась красотка, срывая с лица очки.

– Не то, чтобы очень сомневался, просто не думал, что все будет так стремительно и гладко сделано.

– Вот и напрасно, – услышал он от нее ответ в мурлыкающих тонах. – Пора уже начать привыкать к качеству изделий «Объединенной приборостроительной корпорации».

– Угу, – буркнул он ей в ответ.

– Чего сидишь? Валим отсюда, а то сейчас копы с фэбэ-эровцами нагрянут и оцепят весь квартал, – тоном заправской жены набросилась Мег на своего «мужа».

– Не торопись, – спокойно ответил он ей. – Видишь, камеры на противоположной стороне? Если мы сейчас рванем отсюда, то это будет весьма подозрительным. Камеры это зафиксируют и за нас тут же уцепятся. Так что, давай немного обождем. Сейчас толпа соберется. Можешь даже присоединиться к ним, – со знанием дела стал он наставлять свою подельницу.

– Вот, еще! – фыркнула она. – Как будто мне больше нечем заняться, кроме как разглядыванием дохлых мужиков.

– А чем тогда ты желаешь скрасить свой вынужденный

досуг? – обернулся он к ней.

Она вновь принялась отстукивать на клавишах известную ей одну азбуку Морзе:

– Надо, во-первых, удалить программу управления микро-дроном и отформатировать диск. Да и тебе найдется занятие...

– Я даже знаю, какое, – опередил он ее. – Давай, – потянул он назад руку.

Она отсоединила скремблер от ноутбука и вложила его в протянутую к ней руку напарника. Тот взял коробочку скремблера, а затем принялся шарить рукой в бардачке, ища там микро-отвертку.

– Что там с нашей птичкой? – спросил он, развинчивая аппарат зашифрованной связи.

– Не волнуйся, – хихикнула Мег, – она уже далеко отсюда. И через пять минут сработает ее самоликвидатор. А вот, что насчет инъекции? Ты уверен, что результат гарантирован на сто процентов.

– Конечно, – кивнул Крис, пыхтя и сопя над мелкими болтиками. – Это вам, миссис Харрисон, не какой-то пресловутый «Новичок». Это старый и добрый цианистый калий. Пропуск мистеру Смигу на тот свет уже выписан и штамп проставлен. Его уже там принимают с распростертыми объятиями рогатые и хвостатые привратники.

– Замечательно, а главное, что очень образно и наглядно сказано, – поддержала она его, потягиваясь на заднем сиде-

ные.

Распотрошив скремблер на мелкие фрагменты, он опять обратился к ней:

– Доставай бутыль.

Она достала большую и с широким горлышком бутыль, стоявшую на полу возле ее ног. Бутыль была наполовину заполнена прозрачной, как слеза жидкостью. Затем с величайшими предосторожностями отвинтила стеклянную пробку.

– Давай ее сюда, – скомандовал он.

Она опять осторожно, чтобы не расплескать содержимое просунула ее между кресел. Он принял бутыль одной рукой, так как в правой у него лежали детали и корпус от последней улики их деятельности. Недолго думая, он аккуратно ссыпал все детали с ладони в бутылку. Оттуда слегка зашипело и на поверхности стали появляться пузырьки газа, что говорило о протекании бурной реакции. Уже через три минуты от деталей и корпуса скремблера не осталось и следа. «Царская водка» сделала свое дело.

Глава 58

I.I

14.09.2020г., штат Флорида, Фишер-Айленд

Если кто-то думает, что самые дорогие адреса в мире расположены в районе Манхэттена, то они глубоко ошибаются.

А все, потому что самый дорогой адрес в мире и одно из самых закрытых мест в США находится гораздо южнее, а именно в штате Флорида на маленьком острове носящим название «Фишер-Айленд». В книгу рекордов Гиннеса он вошел в качестве места, где число миллиардеров и мультимиллионеров на квадратный фут земли, является самым высоким в мире. Он без всякого преувеличения является шедевром архитектурных и ландшафтных дизайнеров. От природы ничем не примечательный, он, словно конструктор «Лего», весь был собран по частям. Пляжи, что опоясывают его почти со всех сторон, созданы из песка, привезенного с Багамских островов. Великолепная флора, украшающая собой пейзаж, с пальмами, орхидеями и гиацинтами, была практически полностью импортирована из Индийского и частично южной части Тихого океанов. Фауну составляли преимущественно птицы с экзотическим оперением, также свезенные сюда со всех концов Земли.

И если бы можно было себе представить Рай на Земле, то Фишер-Айленд, без сомнений, в черед на это звание стоял на первом месте. Видимо поэтому остров с чьей-то «легкой руки» и назвали "Островом мечты". Благоустройство и застройка острова Фишер-Айленд, начавшаяся в 1980-х годах в настоящее время практически завершена. Рукотворный остров имеет площадь менее одной квадратной мили и преимущественно геометрические очертания береговой линии. Большинство местных жителей и туристов в Майами

имеют возможность видеть этот остров только с другой стороны пролива и не иначе, поскольку Фишер Айленд не соединен мостом с материком, а значит, добраться сюда можно только по воде. Для этих целей здесь круглосуточно курсирует паром, отправляющийся от стенки Терминал Роуд. Остров круглосуточно охраняется собственной службой безопасности. На остров нельзя попасть без приглашения кого-либо из его резидентов. Охранник встречает въезжающие автомобили в частном паромном терминале, проверяет документы на каждого пассажира в автомобиле, и сверяет со списком гостей на гауптвахте. Вот почему здесь полностью отсутствует криминал. На острове всего 700 резиденций, поэтому все жители знают друг друга в лицо. Однако для большей части резидентов остров не является постоянным местом проживания. В среднем, примерно, тысяча людей проживает на острове, а в межсезонье садовников и домработниц может быть больше, чем самих владельцев недвижимости. Чтобы иметь возможность в полной мере наслаждаться непревзойденным сервисом мирового уровня, резидентам острова необходимо оформить членство клуба Фишер Айленд Клуб. Стоимость единовременного членского взноса для вступления в который составляет 250 тысяч долларов. Членство клуба дает привилегии, включающие в себя доступ к эксклюзивному загородному гольф клубу Южной Флориды, теннисному клубу, изысканным ресторанам, расположенным на острове, спа-центру, салону и оздоровитель-

ному центру, причалам, доступ к частному пляжу и пляжному клубу, Снукер-клубу, бассейну Вандербильт. Поскольку остров частный, сюда, как уже говорилось выше, нельзя приплыть без приглашения, поэтому если в списке резидентов клуба не найдется ваших друзей или родственников, то и вход вам сюда заказан раз и навсегда. И тут уж не помогут никакие знакомства и никакие рекомендательные письма. Цена на недвижимость варьируется от десяти миллионов долларов до вообще невообразимой для сознания среднего обывателя суммы. Только толщина кошелька диктует свои правила в архитектурных изысках. Владельцами элитного жилья на Фишер-Айленд являются известные международные финансисты, руководители крупнейших корпораций, а также представители творческой и спортивной элиты.

Короче говоря, закрытый и комфортабельный Фишер Айленд – лучшее решение для тех, кто любит наслаждаться роскошью без лишних глаз и ажиотажа вокруг своей персоны.

Именно все вышеописанные факторы и подтолкнули бывшую директрису ЦРУ почтить своим вниманием этот островок благополучия. В отличие от Майка Помпео, для которого отставка явилась громом с ясного неба, она была более трезвомыслящим человеком и никогда не исключала такого исхода событий. Тем более, как известно, ее отношения с ныне действующим президентом никогда не были радужными для них обоих, а значит, угроза внезапной отставки постоянно висела у нее над головой. Шумный и суетливый бывший

Госсекретарь, обхаживавший глав концернов и транснациональных компаний, так до последнего момента и не выбравший для себя «запасной аэродром», был наглядным для нее примером того, как не следует действовать в критических для карьеры и жизни ситуациях. Постулат о том, что «каждый – сам кузнец своего счастья», четко отпечатался у нее в мозгу, поэтому она больше всего надеялась не на добрых дяденек из корпораций, нуждающихся в ее бесценных советах по ведению бизнеса, а на свои собственные силы и, естественно, накопления.

Эта милая и улыбчивая старушка начала сколачивать свои капиталы еще в далеком 1985 году, когда ее – молодую сотрудницу ЦРУ отправили в Москву на стажировку под видом корреспондента одного из средств массовой информации. Там-то она и начала проявлять свои недюжинные таланты. Помимо основного вида деятельности – получения сведений закрытого характера и вербовки наиболее перспективных, с точки зрения ЦРУ, лиц, принимающих партийно-хозяйственные решения в стагнирующем СССР, эта веселая и молодая женщина быстро поняла, как без ущерба для своей карьеры можно заработать неплохие деньги. Всегда модно одетая и раздающая лучезарные улыбки направо и налево, она моментально обрела популярность среди великовозрастных деток московской партийной номенклатуры. Этот образ молодой и неунывающей девушки не портили даже тонкие губы, выдававшие в ней алчность и двуличие. Вечно всем

недовольные и завидующие «демократическим ценностям» Запада представители «золотой» молодежи нашли в ее лице не только благодарного слушателя всего того, о чем говорилось на закрытых тусовках подмосковных дач, но и еще своего будущего подельника в неблагоприятных махинациях. Все дело в том, что в отличие от своих заскорузлых предков, молодая поросль партийной элиты, а также начинающая нарождаться творческая богема, с первых дней после объявления «перестройки» страстно мечтала только об одном. И эта мечта была стара и тривиальна еще с незапамятных времен Остапа Бендера. Её суть заключалась в том, чтобы быстро, незаметно и безопасно переправить через границу все, что нажито непосильным трудом, а затем и самим свалить туда же, оставляя гнить «проклятую Рашку» в своей отсталости и захолустье. Вот тут-то молодая Джина, еще даже не мечтавшая о «кровоавой» приставке к своему имени, и почувствовала у себя под ногами «золотую» жилу в прямом и переносном смысле. Продавец и покупатель, что называется, нашли друг друга без особых хлопот. Пользуясь тем, что выезд из СССР, даже для детей чиновников высокого ранга, все еще представлялся довольно сложным мероприятием, сопровождающимся строгим контролем со стороны, все еще могущественного КГБ, она, как добрая фея, тут же предложила свои услуги тем, кто желал осуществить транзит уворованного. Для ловкой девицы это не составляло практически никакого тяжелого труда и не несло каких-то особых рисков.

Почему? Да, потому что горбачевские власти, озабоченные сохранением своего имиджа в качестве открытых и миролюбивых, твердо вставших на путь интеграции с западной цивилизацией, за столом которой им было обещано местечко с краю, строго настрого запретило своим таможенным органам досматривать багаж иностранных корреспондентов, аккредитованных в столице. А мисс Хаспел имела привычку очень часто отвозить материалы для печатных изданий самолично, не доверяясь телетайпам и входившим в моду факсам. Надо ли говорить, сколько валюты и прочих ценностей перевозила эта молодая особа в своем багаже? За те два года, что она проходила стажировку в Москве, ее деятельность на этом поприще приобрела поистине промышленные масштабы. И если в «высоких» кабинетах Москвы на эту ее деятельность смотрели сквозь пальцы, то в стенах ее собственной «конторы» это вызвало неподдельную тревогу. И даже стало предметом внутреннего разбирательства. Её шефы, не веря в откровенное простофильство своих московских коллег, искренне полагали, что все это является плодом какой-то хитроумной мистификации, служащей непонятно каким, но явно коварным целям. Среди руководства ЦРУ бытовало даже мнение о том, что русские нарочно организовали утечку незначительной части ценностей ради того, чтобы в удобный момент через этот же канал, пользующийся доверием, провести крупную дезинформацию, либо еще что-то в этом роде. Поэтому, несмотря на то, что основная деятельность мо-

лодой агентессы была признана достаточно успешной в плане получения нужной информации и вербовки, было принято решение убрать ее оттуда подобру-поздорову, во избежание возможных неприятностей, если когда-нибудь КГБ очнется от спячки. И, тем не менее, именно эти два года, проведенные во вражеской столице заложили фундаментальную основу ее будущего материального благополучия. Злые языки, в свое время, не без основания утверждали, что за два года своей командировки, мисс Хаспел – выходец из небогатой семьи, прочно встала на ноги, войдя в круг миллионеров. Так это или нет, официальная история об этом скромно помалкивает. Но ясно одно, что в эти годы она получила первый и неоценимый опыт по выгодному совмещению своей профессиональной деятельности с личными материальными интересами, ловко конвертируя свое служебное положение в звонкую монету кэша.

Однако, несмотря на ее бурную коммерческую деятельность, так напугавшую вначале ее руководство, карьера шпионки не закатилась. Напротив. Используя полученный опыт сочетания личного обаяния и умения извлечь из всего выгоду, она начала медленно, но неуклонно карабкаться вверх по служебной лестнице. А горячее дыхание в затылок молодого и самоуверенного Дэниела Смита, только подстегивало ее непомерные амбиции. И никто из ее коллег до поры до времени не подозревал, что в этой маленькой и хрупкой с виду женщине сидят два демона – непомерной жадности.

наживы и извращенного сладострастия. После СССР ее направили сначала в Африку, а потом и на Ближний Восток, где она близко сошлась с руководством ливанских наркокартелей, занимавшихся переправкой зелья из Центральной и Юго-Восточной Азии в Европу. Нужно ли сомневаться, что личное благосостояние теперь уже миссис Гудмен (между делом она успела выскочить замуж), укрепилось еще больше. Демон наживы работал кропотливо и неустанно, пока его собрат тихо подремывал в глубинах подсознания. Её махинации с наркотиками опять попали в поле зрения службы собственной безопасности, и ей пришлось немало попотеть, давая показания о побочном заработке. Как ни странно, и это сошло ей с рук. Одно время думали, что ее карьера будет загублена, и она уже никогда не сможет подняться выше должности резидента одного из местных филиалов ЦРУ. Но потом, вдруг, начальство вспомнило, что ее первоначальной специализацией был СССР. В Россию ей путь был заказан, а вот попробовать ее в качестве куратора от ЦРУ в Закавказье, определенно стоило. Там она и пребывала, руководя нелегальными поставками оружия в мятежную Чечню. Может быть, на этом ее карьера и завершилась, если бы не пресловутое «11 сентября». Ни с того, ни с сего она всплывает из небытия в качестве заведующей одной из тайных тюрем ЦРУ, разбросанных по всему белому свету. Ей выпало возглавить администрацию одной из самых жутких тюрем под названием «Кошачий глаз», которая располагалась в Та-

иланде и куда свозили огромное количество арабов, подозреваемых в совершении теракта. Другой бы на месте Джинны огорчился такому повороту событий, но только не она. Настала пора проснуться и второму ее демону. Всему миру известен факт, что исполнителями террористических актов в Нью-Йорке и их пособниками были подданные саудовского короля. Но мало кто знал, что среди них были представители королевской династии. И госпожа Хаспел (Гудмен) входила в число посвященных в эту мутную историю, так как в ее руки попались сразу два представителя коронованного семейства. Ими оказались Абд-эль-Рахим аль-Насири и Абу Зубайда, подозреваемые в принадлежности к «Аль-Каиде». Наконец-то, ей выпал шанс совместить приятное с полезным. Помимо многочисленных изуверских пыток, до применения которых она была большой охотницей и выдумщицей, Джина не гнушалась и вполне плотскими развлечениями. Неизвестно, как уж там у нее складывалась семейная жизнь с мистером Гудменом, но по интернету стали гулять фото и видеозаписи, где женщина, очень похожая на Джину Хаспел, одетая в латексный костюм и с хлыстом в руке, занимается извращенным сексом с заключенными секретной тюрьмы. Поэтому неудивительно, что она не обошла своим изощренным и воспаленным вниманием двух особей королевской династии. Перемежая пытки, извращения и откровенный шантаж она вынудила обоих подозреваемых, а также самого короля Саудовской Аравии перечислить на ее банков-

ский счет умопомрачительную сумму в двести миллионов долларов. В результате, оба подозреваемых, ставших к тому времени инвалидами, были все-таки отпущены, а миссис Хаспел утолила свои извращенные вожеления, попутно обогатившись до сказочных размеров. Король, разумеется, всерьез обиделся на поведение «друга и союзника». Он даже попробовал через Европейский центр конституционных прав и прав человека восстановить некую справедливость в отношении своих незадачливых родственников, но максимум чего смог добиться, так это то, что из публичного пространства были изъяты все видео и фотоматериалы гнусного шабаша с участием «неустановленного лица женского пола». Джине опять пришлось давать показания не только перед своим непосредственным руководством, но и перед Сенатской комиссией. И опять этой удачливой во всех смыслах, женщине все сошло с рук, если не считать, что с тех пор она получила прозвище «Кровавая Джина». Во всяком случае, она материально никак не пострадала, выйдя из воды абсолютно сухой.

Из «тюремных надзирательниц», конечно же, после всего случившегося пришлось уйти. Но в опале она пребывала недолго. ЦРУ – не такая организация, которая может себе позволить разбрасываться кадрами направо и налево, поэтому уже через полгода она вновь оказалась в Центральном Аппарате, где и заняла пост директора «русского дома» к вящему неудовольствию Дэниела Смита, рвавшегося на эту

должность.

Но Судьбу нельзя испытывать вечно, потому что она особа капризная и очень нетерпеливая к тем, кто ставит над ней эксперименты. И хотя удача все еще продолжала сопутствовать миссис Хаспел, все же первые признаки ее пробуксовки не заставили себя долго ждать.

Когда грянула война на Донбассе, ее сын – Грегори Гудмен, пошедший по стопам своей маменьки и ставший агентом ЦРУ, оказался не только в «горячей точке», где курировал деятельность спецподразделений США, но и еще умудрился попасть в плен к ополченцам вместе со своим ноутбуком. На этот раз русские не стали ловить ноздрями мух, быстро переправив в Москву, как сыночка высокопоставленной фигуры американского разведсообщества, так и его ноутбука. Попади он в руки к Пасечнику – руководителю ФСБ и его судьба сложилась бы совсем иначе. Но он попал в лапы к его заместителю – молодому и патриотично настроенному Тучкову, который за неделю вытряхнул все, что нужно и из Грегори и из его ноутбука. Дело грозило принять скандальный оборот. Для того, чтобы замять последствия сдачи в плен неудачливого агента, в Москву тайно пришлось прилететь самому тогдашнему директору ЦРУ – Бреннану. Итогом встречи с самим Бутиным стал возврат сыночка счастливой матери вместе с уже бесполезным ноутбуком. Чем за это пришлось поступиться американцам, история умалчивает, однако в результате случайного совпадения к русским

попала информация о большом количестве «спящих» ячеек ЦРУ как на территории ЛДНР, так и самой России. Мамаше бы успокоиться и прислушаться к первым звоночкам со стороны Фатума, но нет, напротив, она еще глубже вгрызлась в свою черную работу по нанесению вреда стране, которая ей ничего плохого не сделала. Она развила настолько бурную и, если честно признаться, плодотворную деятельность, что ее пришлось рекомендовать на пост самого главы ЦРУ. Трампу очень не нравилась эта женщина с подмоченной репутацией, но за нее похлопотали настолько влиятельные лица из истинных правителей Соединенных Штатов, что ему пришлось, скрипя зубами согласиться с предложенной кандидатурой. Последняя ее задумка с атакой российской территории, используя тактический ядерный заряд, должна была стать самым ярким штрихом в ее небезупречной биографии, а также заявкой на то, чтобы попытаться усидеть в своем кресле и при новом правлении. Но Судьба на этот раз решила сказать свое твердое «basta». И вот она очутилась в одном из самых живописных мест на Земле под названием «Фишер-Айленд».

В отличие от своего хитренького, но глуповатого бывшего шефа и подельника – Майка Помпео, осторожно обхаживавшего воротил корпоративных гигантов, в чайнии присесть за их стол, хотя бы с края, она была женщина трезвомыслящая и практичная до мозга костей. Именно поэтому она сумела не только сохранить нажитые преступным путем мил-

лионы, никоим образом их не засвечивая, но у нее еще хватило достаточно ума, чтобы не лезть на глаза промышленно-финансовым структурам, предлагая свои услуги в качестве консультанта. Она прекрасно понимала, с какой неподдельной брезгливостью смотрят на нее обладатели накрахмаленных манишек. В ее услугах могла нуждаться только такая же «грязная» контора, которую она возглавляла еще неделю назад. Прекрасно все это осознавая, она еще задолго до всего случившегося договорилась о своем «пристанище» с «теневым» ЦРУ под названием «Stratfor», которой вот уже много лет руководил ее коллега и просто приятель – Джордж Фридман, являясь ее президентом и генеральным директором в одном лице. Фирма выполняла функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооружённых сил и связанных с ними организаций. А проще говоря, занималась тем же самым шпионажем, но только на сугубо коммерческой основе. Дела у предприятия шли неплохо, деньги рекой текли от государственных и частных заказчиков, желавших быть в курсе всех последних событий на политической мировой арене для того, чтобы успеть, куда-то вовремя вложиться и откуда-то вовремя «смазать лыжи». Но главный успех фирмы заключался не в трезвой аналитике, а в том, что клиенты слышали от нее только то, что сами желали услышать, и в этом плане Stratfor еще никогда не подводила своих заказчиков. А если и случались какие-то неувязки по поводу неоправ-

дававшихся прогнозов, то все легко списывалось на «неожиданно сложившиеся обстоятельства». В общем и целом, компания выступала в роли этакой цыганки, просящей «позолотить ручку», за что в ответ она брала на себя обязанность поведать банальности о том, что было, что есть и что будет, при этом всячески стараясь избежать расстроить клиента. Компанию давно и прочно оккупировали бывшие сотрудники ЦРУ, найдя в ней удобную и высокооплачиваемую гавань, где они бы могли проявить свои еще не до конца растраченные силы. И, тем не менее, несмотря на явное мошенничество, наивные главы компаний и государственных органов с упорством достойным лучшего применения продолжали нести свои кровные хапужистым шарлатанам. И не только, чтобы услышать ожидаемые и успокаивающие прогнозы, но и чтобы при случае козырнуть перед коллегами, что они пользуются данными, полученными из рук столь уважаемой фирмы.

В общем, как видно из всего вышесказанного, миссис Хаспел не очень-то заморачивалась относительно своего будущего. Рабочее кресло в конторе близкой ей по духу она за собой застолбила еще задолго до описываемых событий, а «подушка безопасности» в виде кругленькой суммы в одном из швейцарских банков давала право спокойно спать по ночам, не думая о хлебе насущном. Вот и сейчас она пребывала в своем особняке на Фишер-Айленд, куда прибыла сразу после громкой отставки. Для посещения райского уголка у

нее, как минимум, было три повода. Во-первых, ей очень хотелось скрыться куда-нибудь подальше от назойливых журналистов, преследовавших ее с момента скандальной отставки и желавших непременно узнать, с чем именно связано ее падение. А пребывание здесь гарантировало ей относительный покой, о котором она уже давненько мечтала, пребывая последние месяцы в состоянии постоянного стресса. Вторым поводом для посещения своего особняка, который она редко удостаивала своим вниманием, стала возможность провести неформальную встречу со своим будущим боссом – Джорджем Фридманом, у которого, по счастливой случайности тоже имелась здесь недвижимость в виде роскошной виллы на южной оконечности острова. Надо было в тиши и без спешки обговорить некоторые детали будущего сотрудничества, потому, как оба они понимали, что Джина придет в новую контору не с пустыми руками, а со своим личным архивом. И этими ее активами нужно было грамотно распорядиться. Третий повод, хоть и был самым малозначимым, однако тоже добавил толику краски в описание образа бывшего директора одной из самых могущественных разведок мира. История умалчивает, какой матерью для своего сына была Джина Хаспел. Вряд ли хорошей, несмотря на то, что она приложила все свои силы к его освобождению из плена. Она редко общалась, как со своим супругом, так и с единственным сыном, все время, колеся по миру и обтяпывая свои грязные делишки. Видимо поэтому их брак с Джимми

Гудменом и распался спустя всего четыре года после заключения. Мало найдется желающих быть мужем столь занятой женщины. Грегори тоже редко видел свою мать, отданный на попечение сначала нянькам, а затем воспитателям частного закрытого пансионата. Но то, что она, к удивлению многих, была хорошей бабкой для своего единственного, а потому и любимого внука – Энтони, не вызывало никаких сомнений. Почуввав неминуемое приближение старости, в ней начали просыпаться материнские инстинкты, которые она так тщательно глушила в себе на протяжении многих лет. Поэтому всю свою нерастраченную материнскую любовь она обрушила на внука. Уже пребывая в чине директора ЦРУ, она решительно отняла его у родителей и сама занялась его воспитанием. Все свое свободное время она посвящала ему, всячески балуя и потакая его прихотям. Иногда ее обожание доходило до того, что она, вопреки всем инструкциям, брала его с собой на работу. К моменту описываемых событий Энтони исполнилось шесть лет, и он, непривыкший к отказам своим прихотям, уже порядком «достал» свою бабулю желанием покататься на яхте по океану. Ну и как было не поддаться на подобные капризы? Тем более, что повод исполнить этот каприз подвернулся, как никогда, кстати. И вот уже четыре дня, как бабушка с внуком находились в этом самом живописном, а главное – безопасном уголке земного рая, наслаждаясь запахом магнолий и пением экзотических птиц.

Находясь вдали от столичной суеты, Джина, даже находясь в положении отставника, не переставала держать руку на пульсе актуальных событий, творящихся в мире, а особенно в Штатах. С огромным недоумением прочла она вчера в утренней газете сенсационное сообщение о том, что на вечеринке у президента «Bank of America» был убит только что отправленный в отставку Госсекретарь Майк Помпео. Криминалисты ищут след предполагаемого убийцы среди гостей маститого банкира, так как трасологическая экспертиза, по горячим следам установила, что выстрел из винтовки (предположительно «Барретт») был произведен со стороны озера, где в это время и катались на лодках гости в сопровождении салюта. Журналисты же тем временем терялись в догадках, кому и зачем понадобилось убивать уже никому не нужного отставника? Но если для репортеров это было загадкой, то для Джины Хаспел, поднаторевшей в подковерной борьбе за все годы своего пребывания в специфической структуре, было все более-менее ясно. Трамп не только сводит счеты со своими персональными недругами, навязанными ему в качестве компромисса, но и замечает следы своего участия в неудавшейся попытке поставить Россию на «место». Она своим изощренным умом даже предположила, чьих рук это дело. Это только в гангстерских романах Марио Пьюзо итальянская мафия предстает в образе всемогущей организации, способной решать свои вопросы на самом высоком уровне. На самом деле все обстоит не так. Мафиози контролируют

лишь небольшую часть сегмента подпольного бизнеса, ограничиваясь наркотиками, проституцией и игорными заведениями. Бизнес неплохой, но отнюдь не самый крупный. Основные денежки всегда и везде будут крутиться возле поставок оружия. И доходы от его продаж не идут ни в какое сравнение с человеческими пороками, на которых прочно обосновались выходцы с Сицилии. Разница в доходах измерялась порядками. И вот тут уже заправляли куда как более серьезные люди, нежели пылкие, но не совсем дальновидные дети солнечной Италии. На денежных потоках этого бизнеса сидели сыны Израилевы. И их могущество никем и никогда не оспаривалось, ибо не было смельчаков противостоять этому монстру преступного мира. Среди людей знающих истинное положение дел в стране не было секретом, что Джаред Кушнер – зять президента, а заодно еще и тайный агент израильских спецслужб, помимо всего прочего еще является и связующим звеном между титанами ВПК и еврейским преступным сообществом, занимающимся заказами и реализацией по всему миру самого ходового товара. Если кто и убил глупого, как пингвин Помпео, то искать концы надо именно в этом направлении. У Джинны были свои, наработанные годами связи с заправилами этого теневого бизнеса, поэтому за свою жизнь она не слишком-то беспокоилась, намереваясь переждать смутное время гангстерских разборок в относительной безопасности закрытого от посторонних глаз «острова миллиардеров», как называют в народе Фишер-Айленд.

Однако, когда в сегодняшних утренних газетах она прочла о том, что совершено убийство Дэниела Смита – считай второго по рангу лица в ЦРУ, давно метившего на ее место, то призадумалась. Это убийство никак не вписывалось в канву ее логических размышлений. Тут уже мстостью Трампа с его израильской мафией и даже близко не пахло. Неужели же это проделки русских? Не может быть! Максимум на что они способны, так это устроить покушение на бывших своих сограждан, скрывающихся на Западе по причине совершения преступлений на своей исторической Родине. Застрелить бывшего чеченского полевого командира Яндарбиева, инсценировать самоубийство Березовского, отравить Скрипалей и Литвиненко (хотя с последними британцы сами наделали делов), ну, это еще, куда ни шло. Но совершать такие акции против граждан США?! Подобное, уже нельзя было вписать ни в какие рамки. Это уже переходило все неписанные рамки приличия, когда противоборствующие стороны обязуются не совершать никаких насильственных действий против руководства своих контор. Причем, акция была совершена на высочайшем уровне профессионализма. Смита убил дрон, приземлившись ему прямо на шею и выпустивший ядовитую дозу. Но разве русские обладают технологией создания микро-дронов? Судя по информации из газет, ни сам дрон, ни тех, кто им управлял вычислить, пока не удалось. В свете последнего убийства, устранение Помпео уже не выглядело, как однозначная месть Дона. Неужели рус-

ские спецслужбы всерьез восприняли угрозы своего главаря хунты, обещавшего найти и покарать всех, кто был, так или иначе, причастен к делу о взрыве на Красной площади? Но если это так, то русские либо полнейшие идиоты, решившие сунуть свою голову в осиное гнездо, и не понимающие какими последствиями им самим это угрожает, либо всемогущие ангелы мщения, которые просто наплевали на условности и решили идти до конца, во что бы то ни стало. Но тогда, если следовать их жуткой логике, кто должен будет пополнить собой их проскрипционный список? Железная англосаксонская логика подсказывала пожилой женщине, что ее имя обязательно должно присутствовать в очереди на расправу. Но почему русские начали именно с них? Почему они не устранили непосредственных исполнителей акции на Красной площади? Ведь насколько она была в курсе, ни сам военный атташе – Гаррик Хармон, ни его заместитель Мэтью Скайлз до сих пор живы-здоровы и, судя по всему им пока еще ничто не угрожает. Почему русские начали именно с высшего руководства? «Нет! Этого не может быть! Я не хочу умирать! Я еще не совсем старая для этого! Мне надо еще успеть поставить внука на ноги!» – суматошно металась мысли в ее воспаленном от воображения мозгу. Сейчас это была не прожженная и циничная шпионка высшего ранга, а испуганная пожилая женщина – скверная мать, но зато отличная бабушка. Тут она невольно поймала себя на том, что начинает лихорадочно обводить взглядом прилегающие

к особняку постройки, как бы выискивая лежбище снайпера, целящегося ей прямо в лоб. Но сколько ни шарила она глазами по округе, ничего подозрительного так и не смогла найти. Солнце ярко и весело освещало побережье райского острова, шум прибоя ласково шептал на ухо успокоительные ритмы. И ничего не могло нарушить эту мирную идиллию. Спустя какое-то время, она все же нашла в себе силы побороть паническую атаку, опять превращаясь в того, кем она всегда, по сути, и была – в хладнокровную и ни перед чем не останавливающуюся сотрудницу ЦРУ. И действительно, ну что могло угрожать ей и внуку здесь – на острове, куда ни за что и ни при каких условиях не может проникнуть посторонний? Пока она здесь, ей никто и ничто не угрожает. А она, по крайней мере, в ближайшее время покидать это славное убежище не намерена. А там, Бог даст, как-нибудь все и утрясется само собой.

Обладательница более чем солидного капитала, жадная старуха так и не приобрела для себя собственную яхту, считая это пустой тратой денег. Но, так как внук упорно не отставал от нее с требованиями устроить ему «настоящую прогулку по океану на настоящей яхте», любящей бабушке не оставалось ничего другого, как в очередной раз уступить. Но и тут она оказалась верной своим принципам скаредности, найдя выход из неловкого положения. Пользуясь личным расположением Джорджа Фридмана – обладателя роскошной океанской яхты под названием «Звезда Техаса» (штаб-

квартира «Stratfor» находилась именно в штате Техас), она упросила своего будущего шефа и компаньона отдать ее во временное пользование, чтобы исполнить заветное желание внука. Фридман, в отличие от своей подружки жадностью не страдал, поэтому без лишних уговоров предоставил ей во временное пользование не только яхту, но и ее экипаж, состоящий из капитана, его помощника, штурмана-радииста, двух механиков, четырех матросов, кока и стюарда. Предлагал даже свою личную охрану, но Хаспел не стала слишком злоупотреблять гостеприимством будущего коллеги, сославшись на то, что со своей охраной ей будет немного комфортней. Её личная охрана состояла из четырех человек.

Предыдущие два дня в Атлантике наблюдалось незначительное волнение не переходящее в шторм, однако Джина не стала лишней раз рисковать собой и Энтони, поэтому решила дождаться идеальной погоды для морской прогулки. А сегодня погода было просто замечательной. Лазурные воды с одной стороны, омывающие Багамские острова, а с другой Фишер-Айленд, были спокойными до умиротворения. Несмотря на середину сентября, осень в этих широтах никак себя не проявляла, даря летнее тепло вплоть до ноября. И лишь к началу зимы температура падала на несколько градусов принося с собой дождь и прохладу. Время для морской прогулки было выбрано как нельзя удачно. За бортом был штиль. И даже легкая рябь воды не мешала всем желающим, свесившись с борта, разглядывать причудливые корал-

лы, растущие со дня на мелководе.

I. II

Мигель Диас-Канель, так же как и его предшественник на посту президента Кубинской Республики – Рауль Кастро-Рус, страстно мечтал обзавестись своим подводным флотом. Однако промышленно-технологическое состояние государства не позволяло им осуществить постройку у себя дома за неимением специальной верфи и персонала, способного осуществить подобную мечту. Экономическое положение государства, шестьдесят лет находящегося в кольце блокады тоже ставило крест на покупке за рубежом хотя бы одной списанной подводной лодки. Поговаривали, что вроде как была договоренность об этом между последним президентом СССР и Фиделем Кастро. Пока был жив Советский Союз, еще была какая-то надежда на получение от него дизельной подлодки пр.613, но с его кончиной пропали и остатки надежды на подарок от «старшего брата». В 90-х старшему брату вообще, честно говоря, было не до «Острова Свободы», так как перед его преемником – Россией стояла задача, чтобы хоть как-то выжить самой и не распасться вслед за СССР. После прихода к власти в России ставленника спецслужб она медленно и со скрипом начала свое возвращение в когорту великих держав. И опять перед кубинским руководством замаячила тень надежды на полноцен-

ное сотрудничество с военно-морским флотом русских, которые вернувшись смогли бы восстановить портовую и судоремонтную инфраструктуру порядком одряхлевшую с момента их ухода. Появилась возможность вновь принимать и обслуживать русские атомоходы, начинающие вновь тормозить янки в их подбрюшья – Мексиканском заливе. А там, глядишь, русские и вспомнят о своем давнем обещании про передачу хоть какого-нибудь плавательного средства способного к погружению под воду. Почему эта идея заполучить подлодку стала своеобразным фетишем для кубинских лидеров? Да потому что обладание лодкой резко бы повысило статус Кубы среди латиноамериканских стран, лидером сопротивления которых американской гегемонии она по праву считала себя уже почти семьдесят лет. И эта мечта, наконец-таки, сбылась. Незадолго до своей трагической кончины президент Бутин тайно – прицепив к днищу танкера комплексного снабжения Тихоокеанского Флота «Борис Бутыма» одну из таких подлодок сверхмалого водоизмещения доставил подарок к месту своей новой службы. Для ее приема кубинские власти расстарались и даже выстроили специальный грот в районе городка Варадеро. Лодка пр.865 «Пирания» (в этой реальности не порезанная на металлолом в 1999г.), конечно не являлась каким-то шедевром конструкторской мысли ЦКБ «Малахит». К тому же была уже старовата, как с технической, так и с эксплуатационной точки зрения, но все же это была полноценная лодка, а даре-

ному коню, как известно в зубы не смотрят. Тем более, что российский президент обещал вскорости поставить еще одну, дав, таким образом, начало кубинскому подводному флоту. Несмотря на свои более чем скромные размеры – около тридцати метров в длину и около пяти метров в ширину лодка-малютка пр.865 представлялась довольно зубастенькой. Она имела на вооружении два 400 мм. торпедных аппарата, снаряженных малогабаритными торпедами «Латуш» и 4-мя пусковыми контейнерами для сбрасывания мин. На лодке также был установлен малогабаритный радиолокационный комплекс МРКП-60 «Радиян-М», а также гидроакустический комплекс МГК-13С «Припять-С». Экипаж лодки состоял всего из трех человек – командира, механика и специалиста по радиоэлектронному вооружению. Вдобавок ко всему прочему, подлодка могла нести в своем чреве шесть пловцов-диверсантов со всем необходимым снаряжением. К месту своего нового базирования «Пиранья» прибыла в середине июня. И вот уже на протяжении трех месяцев трое членов экипажа и шестеро пловцов-диверсантов передавали своим кубинским коллегам навыки своего мастерства. За это время лодка два раза самостоятельно выходила в море – в район Багамских островов, где совершала маневрирование на глубине с отработкой торпедных атак без всплытия на перископную глубину, ориентируясь, исключительно на показания своих радиолокационных приборов. Боевые пловцы, тем временем отрабатывали упражнения по выходу из суб-

марины через специально оборудованный шлюз и обратному возвращению через него же. В общем, работа кипела к вящему удовольствию обеих сторон. Идиллию от сотрудничества подкрепляло еще и то известие, что новые власти России не собирались останавливаться на достигнутом рубеже, обещая вскоре поставить еще одну субмарину. Мало того, русский премьер-министр, он же Министр обороны, уже успел побывать в Гаване с официальным дружеским визитом, где провел успешные переговоры с Мигелем Диасом по поводу восстановления военного присутствия России на объектах прежде эксплуатируемых Советским Союзом. Высокие договаривающиеся стороны отметили важность восстановления радиотехнического центра в Лурдесе, реконструкции военного аэродрома в Сьенфуэгосе, а также возобновлении эксплуатации военно-морской базы в Пляя Ларга, где могли бы на временной основе базироваться и проводить мелкий ремонт, как надводные, так и подводные силы российского ВМФ. Надо ли говорить какой неподдельный восторг у кубинского руководства вызвало данное предложение? Мало того, что все это предлагалось на основе денежной компенсации, в которой так сильно нуждалась государственная казна, пребывающая в плачевном состоянии, так это еще сулило и немалые инвестиции в гражданскую сопутствующую инфраструктуру с привлечением к работе местного населения, страдающего от хронической безработицы. Но главная «изюминка» состояла в том, что Куба вновь обретала некогда

утраченный зонтик безопасности. Теперь кубинские матери могли бы спокойно засыпать возле кроваток своих детей, зная, что их покой будут охранять атомные субмарины России с «Лайнерами» и «Булавами», снаряженными ядерными головными частями, а также надводные корабли с непревзойденными «Цирконами» на борту.

Вообще-то устранением Джины Хаспел должна была заниматься другая группа лиц, заброшенная на территорию Штатов еще месяц назад. В ее планы входило нападение на ее ранчо в Оклахоме, куда она частенько навещалась из Лэнгли по выходным. Все уже было, в принципе, готово к штурму, но тут неожиданно нагрянула ее отставка. А потом в резидентуру российской внешней разведки пришло сообщение о смене ее местонахождения. И это еще бы ничего, но в том же сообщении указывалось, что акцию по ее устранению необходимо провести в кратчайшие сроки. Местная резидентура пребывала в легком недоумении от скоропалительного приказа, но, как известно, приказы начальства можно обсуждать лишь после их выполнения. Добрый ангел в лице одного из прислуги Джорджа Фридмана, давно уже завербованного людьми Барышева сообщил не только о достигнутых договоренностях между опальной руководительницей ЦРУ и директором «Стратфорт» о совместной деятельности, но и о стойком желании ее внука осуществить прогулку на океанской яхте и «непременно с ночевкой». Именно за это последнее сообщение центральное командование опе-

рацией, сидевшее в Ясенево и уцепилось. Прикинув так и этак, решили провести акцию прямо в открытом океане. Тут же, кстати, вспомнили про группу боевых пловцов Северного Флота и про недавно поставленную Кубе подводную лодку, имеющую специальную шлюзовую камеру для выброски десанта. Шифрограмма с распоряжением немедленно провести операцию по ликвидации бывшего директора ЦРУ ушла в Сьенфуэгос на следующий вечер после прибытия Джинны на Фишер-Айленд. В этой же шифровке командиру группы боевых пловцов – капитану третьего ранга Юрию Шатохину предписывалось в срочном порядке согласовать свои действия в этом направлении с кубинскими коллегами, посвятив их в тайну операции. Это, конечно, был риск, потому что российские спецслужбы уже давненько не проводили совместных акций со своими коллегами с «Острова Свободы». Возникало вполне понятное опасение о возможном недопонимании серьезности момента во взаимодействии с давними союзниками. Риск потерять только что полученную с большими трудами субмарину был велик. Однако к удивлению Шатохина (позывной «Хан») принимающая сторона с неподдельным энтузиазмом восприняла предложение о сотрудничестве. Видно было невооруженным глазом, что у кубинцев уже давно руки чешутся совершить нечто подобное. Единственное, что они попросили, так это использовать при исполнении акции свой экипаж, только что прошедший стажировку. Свое желание они объяснили тем, что знают при-

брежные воды Флориды, как никто другой, поэтому смогут вывести субмарину к нужной цели, несмотря на мелководье вокруг Фишер-Айленд. Шатохину, а тем более руководителю сдаточной команды майору Придыбайло – довольно уже пожилому дядьке, когда-то командовавшему именно этой лодкой, возразить на эти доводы было нечего. Оставалось только поставить задачу перед подчиненными, да выяснить кое-какие детали насчет объекта – «Звезды Техаса». Ребята из команды Шатохина, которым уже довольно прискучили однообразные упражнения по взаимодействию с экипажем, не имели ничего против того, чтобы прогуляться к берегам Флориды. А желание реально поквитаться с теми, кто устроил теракт на Красной площади, лишь еще больше раззадорило их профессионализм. Покопавшись в интернете, боевые пловцы быстро нашли фирму изготовившую «Звезду Техаса». Ей оказалась известная в кругах богатой публики компания «Dettling Yachts». Прошло совсем немного времени, прежде чем чертежи особого проекта, по которому она была построена были скачаны и подробно изучены. На их основе тут же, прямо на ходу был разработан план захвата судна, нейтрализации ее немногочисленного экипажа и естественно, ликвидации главного объекта в лице вредной старушенции. Вариант торпедной атаки был, отвергнут сразу по той причине, что при расследовании происшествия сразу же, выяснен как тип выпущенной торпеды так и, разумеется, носитель, выпустивший ее. А так, все можно будет спи-

сать на банальное нападение пиратов, коих в этих водах была тьма-тьмущая. И хотя основной деятельностью морских разбойников считалась перевозка наркотических веществ из Латинской Америки в Северную, но и банальным грабежом зазевавшихся богатеев тут тоже не брезговали порой. В 23.00 по местному времени «Эухения», как ласково переименовали кубинцы субмарину, вышла в море, имея на борту трех членов экипажа и шестерых боевых пловцов.

Учитывая сравнительно небольшую подводную скорость субмарины, равную приблизительно 6.5 узлам, достичь точки возможной встречи с объектом планировалось к исходу следующих суток. И верно, в 0 ч. 40 мин. 14 сентября «Эухения» заняла выжидательную позицию в 30 милях юго-восточнее Фишер-Айленд. Все сутки, что она добиралась до позиционного патрулирования, море между Багамами и Флоридой было беспокойным, и экипаж субмарины волновался, что из-за этого прогулка на «Звезде Техаса» может быть перенесена на более поздний срок, либо вообще отменена. Но на небе слышали немую молитву мстителей, поэтому уже с утра 14-го числа установилась тихая и солнечная погода. Толстую трубу перископа решили не выдвигать, резонно опасаясь быть замеченными судами береговой охраны, шнырявшими в акватории там и сям. Ограничились лишь тем, что на короткий промежуток времени выставили антенну спутниковой связи, чтобы принять пакетные данные со спутника о местонахождении яхты. Спутник, в режиме

реального времени, подтвердил, что якоря «Звезды Техаса» выбраны, и она неторопливо покидает пирс, оборудованный глубоко внутри острова. Подлодка, лежа на отмели среди зарослей морской капусты, чтобы не заметили с воздуха, убрала антенну внутрь внешнего ограждения рубки, а вместо нее выпустила длинный – порядка ста метров подводный кабель антенны сверхнизкой частоты. Это позволило ей принимать сквозь толщу воды сигналы со спутника о перемещении яхты. Весь день и до позднего вечера велось наблюдение за «Звездой Техаса». Шатохин опять опасался, что яхта может уйти достаточно далеко от берега и тогда придется устраивать опасные гонки преследования, в которых их субмарина не способна была тягаться с быстроходным судном. Но и тут его опасения оказались напрасными. На свою «ночевку» яхта остановилась всего-то в восьми кабельтовых (примерно 1.5 километра) от поджидающего ее охотника. В 22.00 яхта бросила якоря. В тропических широтах ночная мгла рано и быстро покрывает собой земную поверхность, поэтому операцию решили не затягивать, а начать немедленно. Через полчаса, шестеро пловцов, соблюдая все меры предосторожности, покинули борт «Эухении» через шлюзовой портал. Им еще предстоял полуторакилометровый бросок к намеченной цели.

Расстояние до яхты, хоть и было небольшое для хорошо натренированных пловцов, но все заняло порядочно времени, так как пришлось плыть не налегке, а в полной бо-

своей нагрузке, включавшей в себя помимо самих аквалангов замкнутого цикла еще и специальные двухсредные автоматы (АДС) с несколькими запасными обоймами патронов, приспособленные под натовский 5.56 мм. стандарт, такие же пистолеты, ножи, тактические фонари, ПНВ и конечно же абордажные «кошки». Кроме этого пришлось нести на себе и мини-генератор помех, исключаяющий какую бы то ни было связь с берегом, будь то радиостанции или сотовые телефоны. Ее работы в активном режиме хватало на четыре часа. По прошествии этого срока в ней срабатывал механизм самоликвидации. К тому же пловцам приходилось время от времени всплывать на поверхность для ориентации. В этом месте, пользуясь относительным мелководьем, на ночевку остановилось сразу несколько яхт, и отличить в темноте одну от другой, ориентируясь исключительно на свет гакабортных огней, было весьма нелегкой задачей даже для диверсантов такого высокого уровня. Так или иначе, но за полчаса добрались до того места, где стояла «Звезда Техаса», бросив оба носовых якоря для надежной устойчивости. Хан подплыл к корме судна и, несмотря на окружавшую его темень, осторожно высунулся из воды. Еще раз убедившись, прочитав там название корабля и порт приписки, что прибыли точно к месту проведения операции, он погрузился в воду, чтобы жестами проинформировать об этом своих подчиненных. Не сговариваясь (все и так уже было отработано на многочисленных тренировках) поснимали с себя кислород-

ные баллоны, уложив их рядом с якорями. Там же оставили и не пригодившиеся «кошки», так как решили подниматься кверху, цепляясь за якорные цепи. Это было гораздо безопаснее с точки зрения соблюдения тишины. На их счастье палуба была почти никак не освещена, если не брать в расчет тускло светящиеся огни в ходовой рубке. Ни одного звука не доносилось ни с палубы, ни из кают. Казалось, что корабль, вместе с экипажем вымер, либо находится в глубокой и безмятежной спячке. Судя по всему, на палубе, если кто и находился, то отнюдь не для того, чтобы всматриваться до боли в глазах в непроницаемую тропическую ночь. Еще находясь в Сьенфуэгосе, при составлении плана операции единоголосно согласились избегать лишних жертв, постаравшись изолировать членов экипажа прямо в местах их пребывания. Для этого они взяли с собой специальные высокопрочные и в тоже время достаточно пластичные куски проволоки, чтобы ими запереть спускные клинкеты. Словно обезьяна по лианам, Хан опять же первым взобрался по якорной цепи и приподнял голову над краем борта. Некоторое время он чутко всматривался в просветы ходовой рубки, ища там силуэт самого капитана, либо его помощника, бдительно несущего свою вахту. Но сколько не напрягал свое зрение, так и не увидел никого. На палубе тоже не было ни души, что вполне его устраивало. Видимо, капитан, вместо того, чтобы добросовестно стоять «собаку», предпочел сладко подремать в капитанской рубке. Хан перелез через борт и дал сиг-

нал остальным проделать то же самое. Не прошло и минуты, как все шестеро, скинув на ходу ласты, короткими перебежками рассыпались по палубе. Первым делом включили станцию генерирования помех, чтобы исключить любую неожиданность. Старшие лейтенанты Тимофеев (позывной «Тим»), Игнатьев (позывной «Танго») и Муромский (позывной «Амур») взяли на себя обязанности по проникновению в подпалубные помещения и ходовую рубку для нейтрализации экипажа яхты. Сам же он, вместе с капитан-лейтенантами Бубликовым (позывной «Тор») и Крючковым (позывной «Крюк») взял на себя самую ответственную миссию по устранению, как личной охраны объекта, так и его самого. «Гостевая» каюта, в которой располагались бабка с внуком, находилась в надстройке верхней палубы. Хан не стал включать тактический фонарь, ограничившись очками с ПНВ, дабы не привлечь к себе внимания со стороны бдительных охранников. А то, что охранники Джины должны были быть бдительными, он ни капли не сомневался.

Тихо поднявшись по трапу, троица диверсантов очутилась в vip-зоне, где располагались каюты хозяина яхты и его возможных гостей. Коридор, куда выходили каюты, освещался тусклым светом матовых плафонов, прикрепленных к верхней переборке. Как и ожидал Шатохин, охрана не спала. По крайней мере, половина охраны. Это было слышно по тому, как оба телохранителя оживленно о чем-то беседовали, находясь в тамбуре для курения (запах дорогих сига-

рет хорошо распространялся по коридору). Самих охранников видно не было и это давало неплохой шанс для нападающих. Огнестрельное оружие, хоть и снабженное глушителями решили не применять, ограничившись ножевым боем, так как опасались не только звука щелчков выстрелов в замкнутом пространстве, но и падения тел, которое могло привлечь внимание остальных охранников. Перекинув автоматы за спину, вытащили ножи и бесшумными тенями скользнули по коридору до тамбура, где находились говоруны. Коридор, к счастью для нападавших, был достаточно широк, чтобы можно без излишних хлопот отработать сразу двоим, что, естественно, увеличивало шансы на быстроту и скрытность. По причине липкой ночной духоты охранники были облачены только в шорты, оставляя свои могучие торсы в голом виде. Однако пистолеты у обоих были заткнуты за пояс, а выдернуть их оттуда было делом одной-двух секунд. Но вся их беда заключалась в том, что этих-то двух секунд судьба и не предоставила. Две черных фигуры, одетых, словно японские ниндзя они заметили только за мгновение до своей гибели. Разом блеснули два лезвия ножей, погружаясь обоим телохранителям в область печени, от чего жертвы в результате болевого шока застыли, как парализованные, а нападавшие одновременно с этим перенесли точку тяжести на уже почти бездыханные тела, крутанули их вокруг своей оси и, зажав им рот, мягко опустили на пол. Все произошло настолько стремительно, что охранники даже не поняли, что убиты. Об

этом свидетельствовало удивление, так и не сошедшее с их лиц даже после кончины. Быстрая атака никак не нарушила ночной тишины. Осталось устранить еще двоих телохранителей, и тогда можно было смело сказать, что половина дела сделана. В коридор выходили двери четырех кают. Все каюты на этой палубе запирались обычными деревянными дверями, а не водонепроницаемыми, как в остальных помещениях. Это было сделано специально, чтобы лишний раз подчеркнуть особый статус их обитателей. Одна каюта – самая большая и роскошная, принадлежала самому хозяину яхты и была заперта на ключ. Еще оставалось три «гостевых». Та каюта, что занимали убитые охранники, была открыта и естественно, пустая. Оставалось, таким образом, еще две. И надо было точно определить, в какой из них находились еще двое телохранителей. Обе были заперты изнутри. Хан приложил ухо к одной двери и замер на несколько томительных мгновений. Судя по всему никаких звуков из-за двери не было слышно. Потом перешел к другой. Возле этой он вообще долго задерживаться не стал, поняв по характерному храпу, кто там обитает. Между диверсантами сразу завязался короткий немой диалог. Привыкшие в подводной среде к языку жестов они быстро распределили обязанности. Они с Тором берут на себя охранников, а Крюк разбирается с престарелой леди.

Подводных боевых пловцов еще со времен почившего в Бозе Советского Союза готовили не только с особым тща-

нием, но и по широкому, как говорится, профилю. Они не только мастерски владели приемами ножевого боя, умением закладывать взрывчатку в правильных местах, а также и изготавливать ее из подручных средств при необходимости, вести огневой бой на глубине – практически в полной темноте и выводить из строя любую технику всеми доступными методами. Но среди всех этих, безусловно, нужных навыков был и еще один, о котором мало кто знает из тех, кто непосредственно в этом не участвовал. Это было умение вскрывать почти, что любые замки, включая сейфы с повышенной сложностью запираения. Среди российских спецподразделений даже ходила такая шутка, что если бы не высокие моральные качества боевых пловцов, то они запросто могли бы сколотить шайку великолепных и неуловимых «медвежатников», перед которыми не устоял бы никакой из существующих банков не только своей страны, но и мира. У каждого из них в одном из многочисленных нагрудных карманов имелась миниатюрная связка универсальных отмычек. Вот этими отмычками они и решили воспользоваться. Действовать договорились одновременно. Замки в дверях кают были не ахти, какой сложности. Главное чего опасались пловцы, так это того, что двери при открывании могут скрипнуть, потому что все время находятся во влажной морской тропической среде, а значит, не исключено их набухание с последующим усыханием, следовательно, деформацией. Но Бог всегда на стороне удачливых. Они почти одновременно справи-

лись с нехитрыми замками и двери бесшумно пропустили их в пространство кают. Каюта, в которой очутились Хан с Тором, была хоть и вместительная, но не слишком большая, поэтому отыскать в ней две кровати с храпящими как слоны охранниками не представляло большого труда. И опять решили не прибегать к огнестрельному оружию. Вынули из ножен уже побывавшие в деле специальные ножи. Специфика убийства спящих людей совсем не та, что убийство бодрствующих. Для этого, вопреки, казалось бы, любой логике их надо сначала разбудить, прежде чем нанести решающий удар. А все потому, что человек, убиваемый во сне, непременно закричит и переполошит всю округу, а проснувшийся, но еще до конца не отошедший от сна, умрет гораздо тише. Поэтому Хан с Тором легонько толкнули спящих за плечо, а когда те, вскинулись, еще не до конца разлепляя веки ото сна, то резким секущим ударом ножей перерезали им глотки, почти отделяя головы от шейных позвонков. Тор оказался чуть проворнее своего командира, поэтому вовремя успел отскочить от обильно фонтанирующей кровью гортани, а вот сам Хан, которому струя ударила прямо в лицо, был похож на нерадивого ученика мясника. Тихо чертыхаясь, он стал утирать лицо занавеской, прикрывающей иллюминатор.

Крюк тоже не терял времени даром, быстро проскальзывая в каюту, где находились Джина с внуком. Но ему повезло не так сильно, как его товарищам. То ли старуха, мучимая бессонницей все еще не спала, то ли устранение охранников

в тамбуре прошло не настолько тихо, как хотелось бы, но когда он проник внутрь, то первое, что бросилось ему в глаза, это горящий ночник возле ее кровати. Бабка встретила его в полусидящем положении, откинувшись на прислоненные к спинке подушки. Расширенными от ужаса глазами она молча смотрела на приближающуюся к ней смерть. Ее охватил обычный в таких делах ступор. Приблизившись к ней почти вплотную, он поднял пистолет с глушителем на уровень ее глаз. Она по-прежнему испуганно таращилась на него не в силах даже закричать. Крюк легонько нажал на спусковую скобу пистолета. Раздался резкий щелчок и в голове пожилой женщины вмиг образовалось маленькое отверстие чуть выше переносицы. Голова ее дернулась и откинулась на подушку, а из затылка, заливая белоснежную наволочку, тонкой струйкой побежала кровь. Недолго думая, он сделал еще один выстрел, который пришелся на пару сантиметров выше предыдущего. Остекленевшие глаза уже мертвой женщины смотрели с удивлением и ужасом одновременно. Как на грех, сухие щелчки выстрелов разбудили мальчишку, который спал в противоположном конце каюты. Не понимая, что происходит, он с криками кинулся к уже мертвой бабушке. Крюк, развернувшись буквально на пятке, молча выскочил из каюты, едва не споткнувшись о ребенка.

Очувтившись в коридоре, он нос к носу столкнулся с Ханом, все еще недовольно отиравшим лицо от чужой крови. Тот вопросительно поднял глаза на Крюка, которого била

нервная дрожь. Ну, еще бы! Не каждый же день приходится убивать пожилую и безоружную женщину, да вдобавок ко всему – на глазах ее собственного малолетнего внука. Из незапертой каюты Джины доносились истошные крики ребенка:

– Бабушка! Бабушка! Что с тобой?! Очнись! – голосил мальчишка отчаянно теребя мертвую бабушку.

– Это, что еще там за вопли?! – недовольно рыкнул Шатохин на капитан-лейтенанта Крючкова.

– Эт-т-то, внук ее, – заикаясь, пояснил и так всем понятное Крюк.

– Он тебя видел? – нахмурился Хан.

– Д-да, н-наверное, – продолжал отбивать чечетку клацающими зубами Крючков.

– Крюк, не мне тебе объяснять наши правила, что свидетелей быть не должно, – глухо, как их бочки проронил Хан.

– Н-но эт-то же реб-бенок. Я н-не м-могу убивать д-детей, – ответил Крюк, чуть не плача.

– Сопляк! – выпалил Шатохин ему в лицо, будто плюнул. – А ты знаешь, что на гостевой трибуне Красной площади тоже были дети и многие ничуть не старше этого, – кивнул в сторону каюты с надрывавшимся в рыданиях Энтони. – И они тоже хотели жить. А эта ведьма убила их, даже не моргнув глазом.

– Н-но..., – хотел было возразить капитан-лейтенант.

– Никаких «но». Выполняйте приказ, Крючков!

– Есть, выполнять приказ, – ответил тот дрожащим губами и развернулся по направлению к каюте.

– Тор, – обратился тем временем Хан к другому своему коллеге, – давай заглянем в хозяйскую каюту, вдруг чего интересного надыбаем.

Пока открывали соседнюю каюту, то невольно прислушались тому, что делает Крюк.

Сначала были слышны громкие рыдания вперемежку со всхлипываниями ребенка. Затем раздался щелчок выстрела и рыдания, словно ножом отрезало. Разом на окружающих пала тишина. Шах облегченно вздохнул от того, что ему не пришлось выполнять это «грязное», во всех смыслах, дело самому, включая и устранение, впоследствии, самого Крюка, как проявившего слабость. Подводный спецназ, по определению, не терпит ни сантиментов, ни тем более слабости.

Пока устранили охрану и сам «объект», подошли Тим, Танго и Амур. Старший группы доложил, что экипаж яхты надежно заблокирован в своих каютах, и самостоятельно выбраться из них не сможет, по крайней мере, в ближайшие часы. Кстати, капитан «Звезды Техаса» свою вахту не стоял по причине нахождения в невменяемом состоянии из-за неумеренного употребления алкоголя. В таком виде его и перенесли в свою каюту, предварительно крепко связав. Также было доложено и о выведении из строя основной и запасной раций. Шатохин выслушал молча доклад, не отрываясь от замка каюты Фридмана. Он был чуть похитрее сконструирован,

но тоже поддался после минутного манипулирования. Каюта и впрямь была роскошна. Отделанные светлым орехом мебель и панели, мягкие ковры, хрустальные люстры, шелк и бархат обивки, все говорило о том, что хозяин этого уютного пристанища не испытывает по жизни никаких материальных затруднений. Большой письменный стол возле такого же большого окна, уставленный различной коммуникационной аппаратурой тоже свидетельствовал о хозяине, как о человеке деловом и влиятельном. Мощный сервак на столе притягивал к себе пристальное внимание, но Хан сам себя одернул от мысли завладеть его винчестером, ибо тогда версия о нападении пиратов просто полетит ко всем чертям. Поэтому он сам и все его люди ринулись искать сейф, который по их разумению обязательно должен был здесь присутствовать. Так оно и было. Хозяин не отличался большой оригинальностью мышления, спрятав его за своим собственным портретом, висевшим напротив широкой, как футбольное поле кровати. Собственно говоря, портрет и служил дверцей, прикрывавшей сейф. Сейф был небольшой, примерно, тридцать на тридцать сантиметров. А вот замок был у него хороший – типа «дактилоцензор», ключом открытия которого были отпечатки пальцев хозяина на сенсорной пластинке. Такой замок не откроешь простым набором отмычек. Конечно, если бы случилась надобность открыть именно этот сейф, то специальная группа заранее озаботилась изготовлением перчаток с нанесенными на них папиллярными бороздами иден-

тичными хозяйским. Хан прикинул на глаз возможную толщину стальной дверцы сейфа. Крякнул и покачал головой.

– Хан, – окликнул его из-за плеча Тим, – тут думай не думай, а без пластида никак не управиться.

– Да, пожалуй ты прав, – еще раз покачал он головой и отошел в сторону.

Тим покопался в одном из своих нагрудных карманов и достал оттуда желтоватый брусочек пластида вместе с запалом. Раскатав его в колбаску, прилепил петлям дверцы. Затем воткнул в нее запал и сделал всем знак отойти подальше. Все покорно выполнили молчаливый приказ взрывника. Грохнуло не по-детски. Дверцу сейфа буквально выдрало с мясом, и она отлетела далеко в сторону, обнажив чрево хранилища своих и чужих тайн. К удивлению «медвежатников» тайн было до обидного мало. Всего-то и было, что пачка стодолларовых купюр в банковской упаковке, золотые часы с браслетом фирмы «Брегет», инкрустированные мелкими и дешевыми бриллиантами, наградной «браунинг», также инкрустированный золотом и слоновой костью, да еще CD-диск с явной «порнухой». О том, что это была именно «порнуха» не возникало никаких сомнений. На это намекала наклейка, изображавшая голую и толстую бабищу с накаченными губами, как у «резиновой женщины». «Странно, – подумал Хан, – зачем хранить такую дрянь в сейфе?»

– Ладно, потом разберемся, что там, – буркнул Хан и сунул все содержимое сейфа в специальный целлофановый во-

донепроницаемый пакет.

Вскинув руку, Хан взглянул на циферблат часов. С момента начала операции прошло двадцать две минуты. Неплохо для операции, план которой составляли буквально на коленке.

– Ну, все парни! Дело сделано! Уходим. Крюк, ты как? Все нормально? – он пытливо уставился на капитан-лейтенанта – бледного и все еще не пришедшего в себя до конца.

– Да, все в порядке, – кивнул тот, и подобие улыбки появилось на его лице.

– Добро, – ответил командир и добавил негромко, – а то я уж хотел... сам понимаешь... извини...

– Я знаю, – опять кивнул Крючков.

– Ладно. Забудь и никогда не вспоминай об этом, – произнес Шатохин и легонько тронул капитан-лейтенанта за плечо.

Всей гурьбой быстро спустились на нос яхты. Там разобрали оставленные ласты и, не задерживаясь более, попрыгали за борт. Возле якорей нашли оставленные там баллоны с кислородом и пустились в обратный путь.

III

15.09.2020 года, штат Массачусетс, г. Винчестер, частный особняк

И опять наш старый добрый Массачусетс. Городок Вин-

честер, что находится северо-западнее Бостона, был таким же небольшим и провинциальным городком, как, упоминаемый ранее, Уэлсли. Единственное, пожалуй, явное его отличие от Уэлсли состоит в том, что находясь в восьми милях от столицы штата, он был несколько более оживлен и не представлял собой сонное царство, застрявшее на пороге XIX и XX веков. Здесь хорошо чувствовалось влияние индустриальных, а затем и постиндустриальных веяний. Скорее всего, он имел негласный статус «спального» района бостонского мегаполиса. Утомленные деловой активностью в столице штата, местные толстосумы с удовольствием к концу рабочего дня устремлялись туда, чтобы провести вечер и ночь в своих особняках, расположенных в самых живописных его уголках. Благодаря этому, Винчестер приобрел репутацию самого богатого из муниципалитетов Массачусетса, несмотря на то, что количество официально проживающих в нем лиц, по данным последней переписи населения, не превышало 23-х тысяч человек. Так как место считалось довольно респектабельным, то и криминальная обстановка в городе соответствовала ему. Сухие данные статистики говорят лишь о том, что в целом Винчестер безопасен по части преступности, которая значительно ниже среднего показателя по США. Наиболее распространенными преступлениями являются имущественные преступления и мошенничества в сфере оборота недвижимости. В 2010 году было зарегистрировано всего 62 кражи со взломом. Еще меньше бы-

ло зарегистрировано насильственных преступлений. За 10 лет было отмечено всего-навсего пять убийств и пять изнасилований. В 2016 году Винчестер занял 86-е место в списке 100 самых богатых мест Америки. По данным агентства Bloomberg, средний семейный доход составлял 204878 долларов. Это, пожалуй, все, что нужно знать об этом городе. Впрочем, к этому можно было бы добавить и еще один маленький штришок. Когда-то он был ориентирован на производство сельскохозяйственной продукции, но промышленно-техническая революция задела и его своим крылом. А урбанизация, выплеснувшаяся из Бостона к середине прошлого века, окончательно подмяла под себя остатки фермерских хозяйств. Фермеры в основной своей массе либо стали поневоле горожанами, либо просто убежали, не выдержав и разорившись в результате конкуренции с крупными торговыми сетями. От былой роскоши сельскохозяйственной житницы осталось всего несколько старинных усадеб некогда богатых скотоводов и производителей льна для легкой промышленности.

Вот, в одном таком старинном доме, доставшемся ему в наследство еще от деда, и проживал следующий наш фигурант политико-детективной истории. Двухэтажный дом, построенный еще в начале прошлого века из огромных дубовых бревен, был одним из немногих, что уцелел до наших дней. И не потому, что его деревянная конструкция, каким-то чудом избежала обветшания (дуб, в отличие от дру-

гих стройматериалов, со временем приобретает прочность камня), а просто потому, что строить дома из дерева стало немодным, да и технология строительства таких сооружений практически исчезла к середине XX века. И еще одно отличие от остальных было в этом доме. Американцы, да и европейцы тоже очень редко когда ставят заборы вокруг своих частных домов. Обычно они ограничиваются небольшими – не более трех футов в высоту оградками из штакетника, а то и вовсе обходятся без этих излишеств. Это вам не русские, которые купив себе участок под строительство дома, сразу начинают его ограждать чуть ли не трехметровым глухим забором, чтобы не дай Бог, соседи не проведали о том, чем занимаются хозяева. А еще говорят, что русские меньшие индивидуалисты, нежели англосаксы. Ничего подобного! Дух здорового коллективизма умер в них с последним вздохом Советского Союза. Иначе как можно объяснить тот факт, что именно в России прижилась мода на двойные, а то и вовсе металлические двери в квартирах, даже весьма небогатых горожан. Вот и эта старинная усадьба бывшего скотопромышленника была огорожена высоким забором из-за которого постороннему наблюдателю было видно только двухскатную крышу дома с металлическим флюгером на коньке в виде коровы. Дед нынешнего хозяина усадьбы был большой шутник. Итак, нынешнего хозяина старинной усадьбы звали очень просто – Марк Милли.

Председатель Объединенного Комитета Начальников

Штабов – шестидесятидвухлетний Марк Александр Милли – четырехзвездный генерал, осыпанный множеством наград и поощрений за долгую и непорочную службу, был весьма уязвлен своей отставкой. Вернее даже будет сказать не столько отставкой, к которой он в принципе и так был готов в связи со сменой хозяина Овального кабинета, а той скоростью, с которой она состоялась. Он-то не без оснований рассчитывал, что уйдя с поста Председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов в 2021-м году – вместе с президентом, как-нибудь еще сумеет прослужить в роли какого-нибудь инспектора еще два года, до того момента, когда наступит неминуемый срок выхода на заслуженный отдых. Но все его расчеты рухнули в одночасье после того, как бешеный Дон выкинул его не просто из кресла руководства вооруженными силами, а вообще с воинской службы с оскорбительной для офицерской чести формулировкой о «досрочном увольнении из рядов вооруженных сил в связи с выявленной некомпетентностью». Надежды на то, что через два года он, как и положено, в таких случаях, получит медаль от Конгресса «за долгую и непорочную службу» (не путать с Золотой медалью Конгресса), а потом с почетом уйдет на пенсию и будет консультировать одну из корпорации ВПК, не оправдались. С такой формулировкой в личном деле, с ним вряд ли кто из промышленных боссов захочет иметь дело. Конечно, за свою долгую службу в рядах Вооруженных сил он сумел сколотить кое-какой капиталец, хоть и пришлось

изрядно попотеть на этом поприще.

Поначалу карьера молодого Марка Александра складывалась не слишком-то удачно. Потомок ирландцев, издавна покинувших свою Родину, он не пошел ни по стопам своего деда, занимавшегося скотоводством, ни отца с матерью, которые всю жизнь посвятили Асклепию в чинах младшего медицинского персонала. Он с молодых ногтей решил окунуться в науку, для чего поступил в Принстонский университет на кафедру политологии, но учеба молодому человеку не далась. Он, кое-как смог получить только степень бакалавра. Потому что программу для магистратуры просто не осилил. Серого вещества в голове не хватило. Потом решил заняться изучением искусств в Колумбийском университете. И опять это занятие ему не понравилось. Дедушка, как и подобает пылкому ирландцу, даже грозил лишить внука наследства. Однако упорства внуку было не занимать. Наконец, после долгих мытарств он успокоил родителей и успокоился сам, осев-таки в Военно-морском колледже, при том же Колумбийском университете, где и получил свое первое офицерское звание в 1980 году. И тут Фортуна повернулась к нему лицом. Карьера его начала расти, как на дрожжах. На протяжении почти всей своей военной карьеры он, так и не участвовавший ни в одной военной операции, не задерживаясь надолго ни на одной должности, умудрился дослужиться до звания четырехзвездного генерала, занимаясь имитацией бурной деятельности перед вышестоящим начальством. Биогра-

фии Милли, как ни к какой другой соответствует аксиома о том, что все дураки почему-то стремятся изо всех сил показать окружающим свои выдающиеся умственные качества. Вот и потомок ирландских крестьян, являясь, по сути, дураком в чистом виде, решил продемонстрировать миру свои мыслительные способности. Но не на поле боя и не в штабах, разрабатывающих военные операции. Он решил, опираясь на крестьянскую хитринку, имитировать бурную деятельность, при этом, ничегошеньки не делая и не рискуя своей головой. Он, то участвовал в комиссии по модернизации Вооруженных Сил, результатом деятельности которой стал 500-страничный доклад о том, что нужно больше тренироваться физически и повышать на постоянной основе боевой и моральный дух. Доклад, в общем, ни о чем, а просто набор банальностей и надерганных цитат из Устава. Потом он принялся составлять тест на боевую пригодность. Он включал в себя комплекс фитнес-упражнений, которые и так уже входили в повседневную подготовку рядового состава. Разница состояла лишь в том, что они не были оформлены должным образом и не издавались в виде единого пособия. Кстати, на этом он неплохо заработал и даже получил звание доктора военных наук. Имитация бурной деятельности настолько понравилась генералу-лентяю, что следующим его шедевром стала реформа в области обмундирования. Несколько лет у него ушло на пропаганду и публичные дебаты по поводу возвращения культовой двухцветной униформы, известной как

«Розово-зеленая», в честь «величайшего поколения» солдат, сражавшихся во Второй Мировой войне. Он яростно отстаивал идею о том, что повторное введение обмундирования данной расцветки даст солдатам униформу для профессиональной среды, которая чтит армейское наследие, воссоединит нынешних солдат с их историей службы, укрепит гордость, поддержит набор и повысит готовность. И опять по этому поводу он издал многостраничный труд, уже всерьез представляя себя, как величайшего военного теоретика. И вновь не успокоился на достигнутом. Чем бы ни заниматься, лишь бы ничего не делать.

Следующим этапом его возвышения стало принятие участия в написании и публикации спорного исследования войны в Ираке 2003-2006 годов. Милли, вдруг, решил, что хочет издать двухтомный документ объемом 1300 страниц и 500000 слов, под своим именем, в котором бы исследовались причины начала и последствия окончания войны в Ираке. Сам он не написал ни строчки, ограничившись предисловием, а всю работу за него выполнили наемные борзописцы. Милли также приказал, чтобы внешняя группа ученых рассмотрела работу и дала положительную оценку. Восторженная оценка была получена (кто бы сомневался), а весь гонорар от публикации осел в его карманах. Пользуясь своим положением «научного корифея» Милли организовал небывалый тираж «эпохального труда», аж в 100 000 экземпляров. Один из журналистов, негласно привлеченных к написанию

двухтомника, попробовал было заявить свои права хотя бы на часть гонорара, но после проведенной с ним беседы в личном кабинете уже маститого генерала и военного мыслителя быстро-быстро отказался от своих прежних претензий. Сам же Милли так охарактеризовал свой печатный труд: «Команда, написавшая исследование под моим непосредственным руководством проделала чертовски хорошую работу, а само исследование было солидной работой».

Разумеется, он не ограничился только своей псевдонаучной деятельностью. Как и большинство генералов армии США он, допущенный до «кормушки» всюду поучаствовал в денежных распилах, торгуя подрядами для тех воинских подразделений, которыми командовал. И чем выше была должность, занимаемая им в армии, тем больше была «благодарность» от фирм подрядчиков. И, конечно же, как и любой другой генерал, думающий о своей старости, он заранее позаботился об одном или двух «тепленьких» креслах в консультационных комитетах при могущественных корпорациях, которым он, в свое время, оказывал протекцию.

Однако червячок тщеславия, присущий всем ирландцам, не давал ему покоя. Мистеру Милли очень хотелось занять самый высокий пост среди генералитета. И такой случай ему неожиданно подвернулся. Два года назад ему посчастливилось поучаствовать в беседе на телевидении с самим президентом Дональдом Трампом. Зная, насколько тот падок на грубую и беззастенчивую лесть, Милли не поскупился на ди-

фирамбы в адрес президента, назвав его «светочем американской демократии» и «надеждой всего прогрессивного человечества». Усилия генерала не прошли даром. Его льстивые слова были услышаны самовлюбленным президентом. Мало того. Он запомнил не только слова в свой адрес, но и личность самого говорящего. Вскоре генералу Милли поступило предложение занять самый высокий пост в армейской среде. И хоть противников его назначения было пруд пруди, Трамп упрямо настоял на своей креатуре. Генерал-бездельник занял-таки должность, о которой втайне мечтал не один десяток лет. В этом он был чем-то похож на Майка Помпео, тоже отчаянного лентяя и прохвоста. И вот, теперь, спустя два года, он, изгнанный с позором со всех постов, вынужден, словно одинокий сыч сидеть в своем родовом поместье и скуля от досады зализывать свои душевные раны. С утра до вечера, надуваясь дешевым виски (для дорогих напитков он был скуповат, как и все ирландцы), он грезил о былом величии и проклинал тот день, когда поддавшись на уговоры этого проходимца Помпео, согласился участвовать в аванюре по нападению на русскую военную базу.

Он был буквально разбит и раздавлен своей отставкой. Начав свою беспробудную пьянку, он стал абсолютно невыносим для окружающих, сделавшись домашним тираном. Хорошо, что дети давно выросли и покинули отчий дом. Однако для оставшейся рядом с ним в эти тяжелые времена жены сразу наступил кошмар. За три дня своего вынужденного

безделья он настолько извел пожилую женщину своими истерическими припадками, мелочными придирками и прочими фокусами, что она не выдержала и, собрав вещи, уехала к брату – одинокому вдовцу, в Хартфорд. Вслед за ней тут же уволились – повар, горничная и садовник. Милли остался один в большом, старом и пустом доме, таким же старым и пустым, как и его остаток жизни.

Неизвестно, как долго мог еще Милли пребывать в состоянии грогги, спозаранку наливаясь до бровей дешевым пойлом, если бы не прогремевшее, ни с того ни с сего, убийство Майка Помпео, совершенное несколько дней назад. Несмотря на свою грубоватую крестьянскую внешность и не слишком развитые интеллектуальные способности, генерал обладал сверхразвитым чутьем на грядущие события. Он на поверку оказался самым хитрым из тех, кого приговорили к смерти Афанасьев с Трампом. И только он один, сидя в одиночестве за бутылкой виски смог связать воедино факты, казалось бы, не имеющие друг к другу никакого отношения. Как только он узнал о роковом выстреле в Stone-Davis Hall, разворотившем половину черепной коробки весельчака Помпео, то сразу – шестым чувством осознал, что смерть стоит и за его плечами. Доселе кошмаривший своих домоладцев, теперь уже в состоянии кошмара пребывал он сам. То, что смерть дышит ему в затылок не вызывало у него никаких сомнений. Правда, он совершил ту же самую ошибку, что и Джина Хаспел, посчитав смерть Помпео делом рук

Трампа. Ему и в голову не мог прийти сценарий, по которому русские могли бы через океан дотянуться до его скромной персоны. Да и не считал он себя, по большому счету, причастным к провалу миссии на Севере. Не он, слава Богу, разрабатывал план операции и не он ее осуществлял. Все это делали флотские чины вкупе со спецслужбами. Он только немного поучаствовал в деле очковтирательства президенту по поводу мифического, в этом он ни капли не сомневался, оружия русских. Но разве это может служить поводом для столь жестокой расправы? Хотя, учитывая взрывной и мстительный характер Трампа, от него можно было ожидать всякого. Ясно было одно, в преддверии президентских выборов Дональд сделает все, чтобы отвести от себя всяческие подозрения в подготовке и провале операции. Будущий скандал никак не замаять тупым замалчиванием гибели атомной подлодки и десантной группы «морских котиков». А там, глядишь, и всплывет на поверхность попытка несанкционированного применения ядерного оружия. Милли сходил с ума, не зная, что предпринять для своего спасения. Из ситуации было три выхода. Первый выход заключался в том, чтобы пойти прямо к Трампу, и открыто заявить ему в лицо, что если с ним случится непоправимое несчастье, то документы, изобличающие президента, как основного участника антиконституционного поведения тут же лягут на стол Генерального Прокурора. Это был, конечно, блеф, после которого можно запросто войти в Овальный кабинет и не выйти из

него. Вернее выйти, но только через дымовую трубу и в виде черного и жирного сгустка копоти. Второй выход виделся в том, чтобы самому сдать федеральным властям, выговорив для себя на время следствия отдельную камеру с круглосуточной охраной. Но это было еще опасней, потому, как, начнись следствие, и наружу обязательно выплывет и приказ о перемещении ядерного заряда со склада, подписанного им собственноручно, да и не факт, что их посещение накануне операции кабинета президента не фиксировалось средствами прослушивания. И тогда всем станет ясно, что за провалом стоит именно он – четырехзвездный генерал. А это значит, что выбор будет до банальности прост – пожизненное заключение в каком-нибудь Алькатрасе или электрический стул. Более или менее подходящим оставался третий выход. Трамп, тоже ирландец по крови, горяч, как необъезженный конь, но и склонен к быстрому остыванию, если не удастся добиться желаемой цели с первого раза. Поэтому, нужно всего лишь переждать смутные времена, забившись куда-нибудь поглубже. А по прошествии времени, его гнев уляжется, и он потеряет былой интерес к своим поделникам. Трамп ведь не дурак и сам прекрасно понимает, что когда начнутся слушания в Сенатской комиссии по поводу инцидента с русскими, а они обязательно начнутся не сегодня, так завтра, ему будет не с руки «топить» заслуженного генерала, чтобы не всплыли собственные огрехи. Поэтому наверняка постарается все свалить на уже покойного Командующего Глобальным Удар-

ным командованием и этого прохвоста Помпео. А пока надо принять все необходимые меры предосторожности.

Все пришлось делать самому. Первым делом, он решил ни при каких обстоятельствах не высовывать нос наружу. Потребности и запросы у старого джентльмена были скромными, поэтому надобности выходить за пределы периметра огороженного высоким забором (спасибо предусмотрительному деду) не возникало. Что же касалось провизии, то он договорился с ближайшим к дому кафе о доставке всего необходимого прямо к калитке. Причем предусмотрительно оговорил условие, по которому продукты питания доставлял бы один и тот же посыльный и в одно и то же время. Посыльного он встречал заранее, высматривая его появление в бинокль. Он бы этим может и ограничился, если бы два дня назад не прогремело еще одно знаковое убийство. На этот раз под «раздачу» попала Джина Хаспел, зверски убитая вместе внуком и охранниками неизвестными диверсантами прямо посреди океана. Тут уже не было практически никаких сомнений, что в следующий раз газеты поместят некролог о нем самом. Милли охватил не просто страх, а настоящая паника на грани нервного срыва. Опасаясь, что пуля неведомого снайпера может найти его и в доме, он заколотил изнутри все окна, как на первом, так и на втором этаже. Но на этом не успокоился. Подозревая, что злоумышленники смогут использовать единственную его связь с внешним миром через посыльного из кафе, он отказался от услуг

по доставке еды. В воспаленном винными парами мозгу картины покушения на свою персону рисовались одна за другой. И с каждым разом мнимое покушение представлялось ему все более изощренным. Уже на грани полного безумия, он позавчерашней ночью, напялив на себя армейскую каску, бронежилет 5-го класса защиты и маскхалат, до утра трудился, сооружая из подручных материалов баррикаду, преграждающую проникновение через ворота усадьбы. Он все-таки опасался, что его жилище будут штурмовать, как минимум, с использованием БТР-ов. Сооружал и все время машинально бормотал одну и ту же фразу: «Так просто я не дамся!» И вновь не удовлетворился содеянным. В дом вели два входа: центральный – для домочадцев и запасной – для обслуживающего персонала. Оба входа он тщательно забаррикадировал старой, оставшейся еще от деда тяжелой мебелью. Вычитав из прессы, что директор «русского дома» был убит при помощи дрона, окончательно спятивший Милли, завалил старым хламом камин из-за опасений, что летающий убийца может проникнуть через дымоход, а также заколотил все вентиляционные отдушины в доме, тем самым, напрочь, отрезая себя от внешнего мира. На что он рассчитывал, и как он собирался держать возможную осаду без еды, неизвестно. Впрочем, погреб хранил в себе приличные запасы алкоголя, а большего ему в данной ситуации и не требовалось. Как и большинство американцев, Милли очень любил оружие. А став генералом, полюбил его еще больше. Нахо-

дьясь в высоких чинах, он мог себе позволить иметь приличный арсенал стрелкового вооружения, некоторые образцы из которого были даже запрещены к продаже частным лицам. Тут было почти все, что имелось на вооружении американской армии, начиная от простого помпового дробовика и заканчивая крупнокалиберными пулеметами и гранатометами новейших серий. Естественно, что и боеприпасов тоже было вдоволь. Сам же он ни на минуту не расставался со старой доброй винтовкой М-16 и громадным кольцом образца 1911 года, заткнутым за пояс. Вооруженный до зубов, потерявший ориентацию во времени и даже в пространстве, разговаривающий сам с собой, за неимением собеседников, он находился в своем собственном, наспех сооруженном мирке, где рассчитывал пребывать в автономном режиме продолжительное время. Хотя, может уже и не рассчитывал, а просто пребывая в горячечном бреду. Казалось бы, все предусмотрел генерал, слетевший от страха с «катушек» и постоянно подогреваемый алкогольными парами. Вот только не знал, да и не мог знать, что беда придет к нему совсем-совсем с другой стороны. Если бы те, кто сейчас готовил на него, в спешном порядке, покушение, знали, в каком состоянии находится их будущая жертва, то возможно, они и сами бы отказались от реализации своих планов. Зачем убивать и так, по сути, уже мертвого человека? Но они этого не знали, поэтому готовились к выполнению приказа, отданного лично главарем российской хунты.

II. II

17.09.2020г., штат Массачусетс, г. Винчестер

И опять экскурс в историю для дальнейшего понимания развития сюжета. Неисчислимое количество тайн хранит в себе Мировой Океан. Многие, наверное, слышали жуткие истории о кораблях-призраках. Одна такая история случилась в последней трети XIX века. В полдень 4 декабря 1872 года с английского брига "Дея Грация", находившегося в 600 милях к западу от Гибралтара, заметили парусное судно "Мария Целеста". Корабль то приводился к ветру, то снова уваливался, совершая замысловатые зигзаги. Опытному глазу было видно, что судном никто не управляет. Вскоре на борт бригантины поднялись моряки с "Деи Грации". На палубе не было ни души. Ветер завывал в порванных снастях фок-мачты, изодранные паруса с треском ударялись о мачту и реи. Поднявшиеся на борт обнаружили, что на камбузной плите кипит кофе, в салоне на столе расставлены тарелки. Но единственным живым существом на борту оказалась дрожащая от страха собака, забившаяся в угол одной из кают. Ни одного человека на судне не было. На столе капитанской каюты покоились карты, лоции, книги. Краткая запись в вахтенном журнале гласила, что судно благополучно достигло почти той точки, где его заметили с "Деи Грации". Вскоре выяснилось, что отсутствуют хронометр, секстант и таблица

склонения солнца, а судовой компас валяется разбитый в углу каюты. В ящике стола нашли значительную сумму денег и шкатулку с женскими украшениями. Осмотр матросского кубрика ввел моряков в еще большее недоумение. Койки были аккуратно убраны, все рундуки целы, а на столе лежали... недокуренные трубки. В трюме моряки увидели ровные ряды деревянных бочек. В бочках был спирт. Что же могло произойти с экипажем? Комиссия, назначенная для расследования, высказала много предположений, в том числе самых фантастических. Она долго и тщательно разбиралась с этой загадкой, но в итоге все-таки пришлось признать, что она не в состоянии предложить сколько-нибудь удовлетворительной разгадки этой истории. И снова нет ответа на вопрос: что случилось с людьми с "Марии Целесты"?

После легендарной «Марии Целесты» было еще несколько подобных случаев. И ученые всего мира до середины XX века терялись в догадках по поводу произошедшего. Пока кому-то в голову не пришла идея объяснить эту загадку некоторыми особенностями океанских глубин. Как известно, при зарождении в океане шторма высокой интенсивности на берегу резко ухудшается состояние больных, возрастает число самоубийств и дорожных происшествий. Виновника нашли быстро. Им оказался инфразвук. В докладах АН СССР еще в 1935 году академик В.В.Шулейкин связал возникновение инфразвуковых колебаний в океане со штормами, при которых наличие сильных ветров над поверхностью моря про-

исходит срыв потока на гребнях морских волн. Таким образом, в воздухе возникают не только поперечные колебания, но и продольные. Сила возникающего инфразвука пропорциональна квадрату волн. С чьей-то подачи это явление тут же окрестили «голосом моря». При скорости ветра в 20 метров в секунду мощность "голоса моря" может достигать 3 ватт с каждого метра фронта волны. Сравнительно небольшой шторм генерирует инфразвук мощностью в десятки киловатт! Основное излучение инфразвука идет приблизительно в диапазоне 6 герц. Опыты показали весьма слабое рассеяние инфразвука с расстоянием. В принципе, как показала практика, он может распространяться без значительного ослабления на сотни и даже тысячи километров, как в воздухе, так и в воде, причем скорость водяной волны в несколько раз превышает скорость воздушной.

В последнее время в печати появились сообщения об опытах профессора Гавро, кстати, русского по национальности. Были представлены новые факты биологической активности инфразвука. Ученый предположил, что причиной этого явления служит совпадение частот инфразвука и альфа-ритма головного мозга. Инфразвуки определенных частот могут вызвать у человека ощущение усталости, тоски, морской болезни, привести к потере зрения и даже смерти. "Инфразвук с частотой 7 герц смертелен для человека... можно остановить сердце, соответствующим образом подобрав фазу инфразвука..." – утверждает профессор. Итак, в море гене-

рируются мощные инфразвуковые колебания с частотой в среднем 6 герц, а уже частота в 7 герц смертельна для человека. Но вдруг существуют условия, при которых частота "голоса моря" будет чуть отличаться от обычной, со всеми вытекающими отсюда последствиями? Корабль, может быть, застигнут инфразвуковой волной в совершенно спокойном районе, причем, если частота приходящего излучения составляет 7 герц, смерть всего экипажа наступает внезапно, и самое тщательное рассмотрение не обнаружит причину смерти – ведь она наступает от остановки сердца. При других частотах, отличных от 7 герц, возможны эффекты, аналогичные приступам безумия.

Казалось бы, причем тут научные объяснения пропажи экипажей некоторых кораблей и судьба отставного генерала? Но все сказанное выше, всего лишь предыстория вопроса.

Советские ученые всегда были, что называется «на передовой», когда дело касалось нетрадиционных методов воздействия на человеческий организм, с целью управления им, либо уничтожения его. Такова суровая, правда жизни. Если ты не будешь заниматься разработкой данной методики, то рано или поздно, кто-то займется этим с тобой самим. Первые образцы инфразвукового оружия появились в СССР еще в 1987 году – в разгар «перестройки, разработанные в Институте теоретической и экспериментальной биофизики. Работы продолжались несмотря даже на кризис распада некогда могучего государства. И хотя Советского Союза не было уже

почти 30 лет, работы в этом направлении не прекращались ни на один день. С тех пор это оружие только совершенствовалось в плане усиления воздействия и миниатюризации. И если первые его образцы можно было с трудом разместить внутри дальнобойной фуры, то последние изделия запросто умещались в нескольких чемоданах. Испытания, проведенные несколько лет назад, показали поистине выдающиеся результаты. Объект, приговоренный к пожизненному заключению за многократные убийства, был ликвидирован в закрытом помещении с расстояния почти в два километра. Причем, сделал он все это собственноручно, повесившись у себя в камере на полотенце, после воздействия на его головной мозг тремя короткими импульсами в 0,5 секунд. Вряд ли это был единственный подобный эксперимент, но так или иначе, а установка под кодовым названием «Шум прибора» была принята на вооружение специальных подразделений в 2018 году.

Именно одну такую установку и решили задействовать для ликвидации одного из фигурантов дела о теракте на Красной площади. Первоначально задумывалось при помощи этой установки ликвидировать директора ЦРУ – Джину Хаспел. Планировалось запустить инфразвуковой излучатель недалеко от ее дома, находящегося на полпути из Вашингтона в Лэнгли. Она специально, в свое время приобрела себе дом в этом районе, чтобы не тратить много времени на поездки из дома на работу. Но стремительно раз-

ворачивающиеся события вокруг неудачной высадки десанта на Крайний Север, внесли свои коррективы. Скоропалительная отставка Джинны и ее не менее стремительный отъезд на Фишер-Айленд нарушили все прежние планы по ее устранению. Их пришлось с ходу переделывать. А уже готовую аппаратуру пришлось срочно перебазировать в другое место, чтобы уничтожить нового фигуранта. Если кто-то думает, что установку нелегальным образом завезли на территорию США, то он глубоко заблуждается. Установку собрали прямо здесь – на одном из предприятий по изготовлению бытовой техники. Естественно, предприятие, задействованное в этой схеме, принадлежало через подставных лиц Службе Внешней Разведки Российской Федерации. Барышев расстарался «разбудить», ради такого случая, одну из своих «спящих» ячеек. Однако операторы, которые должны были ей управлять, прибыли из Москвы. Верный своей манере действовать сверхосторожно, Дмитрий Аркадьевич не стал рисковать местными кадрами, то ли из-за опасений нарушить их конспиративное положение, то ли просто из-за недоверия. Все-таки, как ни крути, а годы, прожитые на чужбине под личиной добропорядочных граждан, а зачастую и влиятельных бизнесменов накладывают свой отпечаток на поведение и лояльность к далекой и уже порядком подзабытой Родине. Спасибо и на том, что хотя бы согласились изготовить нужную аппаратуру в установленный срок и со всеми заданными параметрами. Как ни была мала аппаратура инфразвуково-

го воздействия, но не могло быть и речи, чтобы поместить ее в салоне обычного автомобиля. Для этой цели пришлось добывать целый автофургон. Мало того. Автофургон пришлось еще и переоборудовать изнутри, чтобы спрятать в его чреве крохотную коморку для двух операторов установки. В итоге манипуляций, на свет появилась обычная с виду фура, раскрашенная под цвета и логотип «Coca-Cola». И действительно, почти все ее пространство было уставлено ящиками с этим напитком, годным, как для утоления жажды, так и для отмывания грязной посуды. Любопытный, захоти он осмотреть содержимое фуры, увидев, как там все заставлено, махнул бы рукой и не стал ворошить ящики, за которыми, в самом дальнем углу и расположилось секретное помещение. И вот они уже второй день находились в этом городишке. По поддельным накладным их фура выполняла договор по доставке в местные заведения общепита этого ужасного, но так любимого всеми американцами пойла. И это не должно было вызывать каких-либо подозрений. Потому что в город каждый день въезжали десятки подобных фур, принадлежащих мелким перевозчикам, а значит, и затеряться среди них, было парой пустяков. Ну, какому здравомыслящему человеку придет на ум в чем-то подозревать большегрузную фуру, водитель которой останавливался вчера на полчаса возле местного кафе, чтобы подкачать спустившую шину, а сегодня остановился опять, чтобы немного перекусить перед дальней дорогой? Конечно, никому не придет такая мысль.

А полчаса вполне достаточно для того, чтобы настроить аппаратуру, просканировать с расстояния в триста футов внутреннее пространство деревянного строения, спрятанного за высоким забором, нащупать и войти в резонанс с частотой колебаний электромагнитных волн внутри черепной коробки спятившего от страха генерала и произвести импульс длительностью в полсекунды. Для разбирающегося в этих делах человека это не составит большого труда. Он даже не вспомнит, ну, разве, что от духоты в тесной коморке фуры. Остронаправленный инфразвуковой луч ничем не выдаст себя и от его воздействия никто не получит ни малейшей травмы, за исключением самой жертвы. Вот и сейчас фура стояла недалеко от пересечения Уинфорд-Уэй и Олден-Лейн. Это была самая удобная точка, с которой хорошо просматривался весь особняк опального генерала.

Водитель фуры вылез из кабины и, потягиваясь конечностями, чтобы размять их после якобы долгого сиденья, медленной и ленивой походкой направился в сторону маленькой забегаловки, чтобы перекусить перед дальней дорогой, а заодно послушать местные сплетни. Это означало, что тем, кто находился внутри фуры, можно было продолжить начатую вчера работу.

– Ну, что, Айвен, начинаем локацию объекта? – спросил невысокий и остроносый как дятел парень лет двадцати пяти, одетый в майку и шорты.

– Да, Хьюи, давай прощупывай, где он там прячется, –

ухмыльнулся в ответ толстячок, примерно того же возраста, поворачивая бейсболку козырьком назад. – А я пока займусь фокусировкой.

Несмотря на то, что в тесном закутке фуры никого кроме них двоих не было, в целях соблюдения конспирации, говорили они исключительно на языке, употребляемом местным населением. У каждого из них перед глазами был индивидуальный монитор и пульт управления. Айвен отвечал за локацию объекта, а вернее, за точное местонахождение «клиента» внутри особняка. Дело это было весьма непростое, так как требовалось для этого просканировать все закоулки в доме, чтобы отыскать среди большого количества излучающей аппаратуры (телевизор, радио, телефоны, микроволновую печь и т.д.) именно тот объект, который нужен им в данный момент. Но мало было найти объект, с заданными параметрами электромагнитного излучения, нужно было его еще и зафиксировать, так сказать, взять на прицел, и крепко удерживать его в перекрестье. Аппаратура позволяла это сделать минут за пять-семь. Благо, что дом был деревянным, а не панельным, где металлическая арматура внутреннего каркаса в достаточной мере рассеивала сканирующий луч. И хорошо, что в доме находился всего лишь один живой объект, которого не надо мучительно вычленять среди ему подобных. Это гораздо упрощало задачу, иначе бы они провозились бы тут недели две. В задачу Хьюи входило более тонкая настройка на электромагнитное излуче-

ние мозга уже непосредственно самого объекта воздействия. Обязательно нужно было войти в резонанс с колебательными звуковыми процессами внутри черепной коробки. А затем пройти поочередно все стадии воздействия на головной мозг. Вчера они уже начали проходить все эти стадии. Сегодня уже нужно было заканчивать с этим. Где-то около 150 Гц, как и положено у среднестатистического и вполне здорового человека. На уровне 100 Гц у человека появляется легкая тошнота, головокружение, покраснение кожи и покалывание в теле. После этого возникает тревога, ощущение сильной усталости, горловое давление и респираторная дисфункция. При 50–100 Гц даже с защищенными ушами возникают "невыносимые ощущения в области груди". Другие физиологические изменения, которые могут произойти, включают вибрацию и изменения дыхательного ритма. Затем наступает легкая тошнота и головокружение, после чего достигается предел переносимости. Симптомы включают сопутствующий дискомфорт, кашель, значительное снижение давления и удушье. На частоте 43–73 Гц наблюдается снижение остроты зрения, показатели IQ снижаются до 77% от нормальных, нарушается пространственная ориентация, координация работы мышц, равновесие, речь становится невнятной, происходит потеря сознания. При 1–10 Гц мозг сначала блокируется, а затем уничтожается. По мере увеличения амплитуды еще вчера было отмечено несколько неприятных реакций, после чего начинается полное неврологическое вмешатель-

ство. Действие мозгового вещества физиологически блокируется, а его вегетативные функции прекращаются. Но опаснее всего для человеческого организма частота колебания в 7 Гц, поскольку этот ритм не только соответствует альфа-ритмам головного мозга, но и является резонансной частотой всех внутренних органов человека, поэтому при продолжительном воздействии 1,5-2 секунды, происходит их повреждение и даже наступает смерть. На сегодня, как раз и было запланировано перейти к колебаниям в 7 Гц.

Вот в таком порядке и диапазоне частот предстояло работать Хьюи. Центр, как обычно торопил с проведением финального этапа операции и в то же самое время настаивал на соблюдении осторожности, поэтому отказывал в возможности решить все одним махом – включить инфразвук на 7 Гц продолжительностью 2 секунды. Мозг «клиента» при таком воздействии конечно бы, расплавился, а все внутренние органы превратились бы в кашу. Центру хотелось, чтобы смерть Милли выглядела, как можно более естественной. Поэтому Айвен и Хьюи решили действовать в два этапа, растягивая удовольствие мести на двое суток. На первом – пристрелочном они выдали импульс около 100 Гц длительностью в 0.5 секунды, а сегодня решили довести дело до логического завершения, посылая импульс в диапазоне 8-7 Гц на протяжении полутора секунд. Этого бы хватило, как минимум на то, чтобы сделать из бравого генерала клинического идиота, что вполне укладывалось в рамки поставленной за-

дачи, либо привести к летальному исходу в результате остановки всех физиологических процессов в его теле.

– Хьюи, у меня все готово, – буднично произнес Айвен после пятиминутной возни с настройкой локации.

– Хорошо, – еще внимательней уставился напарник на экран монитора, по которому бежали какие-то кривые, попутно накладываясь одна на другую. – Даю обратный отсчет перед импульсом. Пять, четыре, три, два, один, zero.

Его безымянный палец мазнул по клавише «enter». Ничего не щелкнуло, ни звякнуло и не зажужжало. Со стороны наблюдателя, появившись он в этой компании, вообще не произошло ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Но оба исполнителя казни, как-то разом выдохнули и многозначительно переглянулись. Они, где-то с полминуты не отрываясь, смотрели в глаза друг друга. Затем Хьюи все-таки отвел свой взгляд и глухо произнес:

– Посмотри, что там?

Айвен отвернулся к своему пульту и начал выстукивать дробь на клавиатуре. Стучал недолго.

– Ритмы идут по нисходящей в лавинообразном режиме. Затухание интенсивное. Все. Объект прекратил локацию.

– Значит, дело сделано. Еще один пошел в минус. Осталось только дожидаться Бена, чтобы свалить из этого чертового городишки.

III.

17.09.2020 года, штат Массачусетс, г. Винчестер,
частный особняк

Начиная со вчерашнего дня, самочувствие генерала резко ухудшилось. Панические атаки и так донимавшие его своей регулярностью дополнились еще и чисто физиологическими расстройствами, начиная от обильного поноса, болей в области сердца и кончая сильным кровотечением из носа и ушей. А еще голова буквально раскалывалась от лихорадочной работы головного мозга, направленной на поиск выхода из сложившегося патового положения. Обложенный со всех сторон заряженным огнестрельным оружием, он, обхватив голову руками, сидел, раскачиваясь на диване, подобно маятнику. Алкоголь уже не брал его. Вернее он по-прежнему выпивал залпом почти всю бутылку, но виски не задерживалось в его желудке, выплескиваясь наружу в результате рвотных рефлексов, срабатывающих по своей прихоти. Голова была похожа на кипящий чан с водой, в котором заботливая хозяйка решила простирнуть грязное белье. Мысли были тяжелые и ворочались в голове так же тяжело, как и не постиранные простыни. И про себя и вслух он повторял всего одну фразу, колом засевшую у него в мозговых извилинах:

– Есть же выход, есть же выход...

Он повторял ее, как мантру, без выражения и остановки. А головные боли только лишь усиливались, заполняя собой все его внутреннее пространство. Когда начался очередной,

уже окончательно невыносимый приступ, он остановил свой уже почти безумный взгляд на поясе, где был заткнут старый «КОЛЬТ».

– Выход есть, – произнес он почти спокойно и сунул руку за пояс.

Вытащив пистолет, он снял его с предохранителя. Затем, глупо и жалко улыбаясь, почти прошептал последнее:

– Нашел.

Открыв рот пошире (дуло пистолета был довольно крупным), сунул ствол туда, как можно глубже, едва не до гортани. Зажмурившись, нажал на спусковой крючок. Выстрел в замкнутом и забаррикадированном помещении прозвучал особенно громко, но снаружи, в разгар рабочего дня, его вряд ли кто мог услышать. Только на соседнем участке, за высокой изгородью гулко и тоскливо, вдруг, завыла собака, повернув морду в сторону особняка, теперь уже бывшего генерала.

Глава 59

I.I

Чудом, вырвавшись из Москвы в начале июля, Мэтью Скайлз – помощник военного атташе США, первое время все никак не мог поверить, что угроза неминуемой расправы со стороны русской хунты его миновала. Но в своих вос-

поминаниях он все время возвращался к тем дням, которые считал для себя самыми трудными в жизни.

Животный страх быть убитым в результате снайперского выстрела с крыши одного из домов, укола отравленной булавкой или банального удара ножом в область печени, был настолько велик, что он даже не постеснялся у своего непосредственного начальника – бригадного генерала Гаррика Хармона выпросить для себя сопровождающих по пути в Шереметьево-2. Но и там, отчаянно трясясь за свою шкуру он, игнорируя их ухмылки, в приказном порядке потребовал проводить его до «зеленой» пропускной зоны, которой пользовались все, кто имел дипломатический паспорт и не желал проходить, вследствие этого, таможенный контроль. Народу в международной воздушной гавани было на редкость мало. Вернее сказать, народ, конечно, был, но по сравнению с прошлым годом, это не шло, ни в какое сравнение. Связано это было с тем, что ковидные ограничения и почти тотальный карантин свели на нет связи между странами. Летали сейчас только чартерные рейсы, увозящие своих граждан, застрявших в дикой России, домой. Впрочем, на опустевшие пассажирские терминалы аэровокзала повлияла не только пандемия, но и напряженная политическая атмосфера в России, сложившаяся после невиданного по своим масштабам теракта, унесшего с собой всю верхушку прежней власти. А чего ждать от хунты, пришедшей ей на смену, по воле рокового случая, никто не знал. Видимо, поэтому страны «благо-

получного» Запада постарались, как можно быстрее эвакуировать из страны, которая, в очередной раз преподнесла миру сюрприз, своих сограждан из-за опасений, что они могут стать разменной монетой в политических играх. В первые дни, после случившегося, вылететь и выехать было почти невозможно, но спустя несколько дней, обстановка не стала развиваться по худшему сценария, включающему в себя массовые народные волнения, и покинуть страну стало возможно без особых напряжений. Граждан, вылетающих в сторону Европы и Северной Америки, было немного. Их в основном вывезли еще весной. А те, кто составлял большинство пассажиропотока, являлись русскими, прибывающими из разных уголков мира и находящимися не в лучшем настроении из-за прерывания своего отдыха и перспектив оказаться по прибытии на Родине в карантинном лагере, что тоже не доставляло им большого удовольствия. Окруженный плотным кольцом морских пехотинцев из числа посольской охраны, Скай-Лз, озираясь по сторонам, как загнанный за красные флажки волк, быстро прошествовал по коридору, ведущему в ту часть пассажирского терминала, которая была предназначена для vip-персон и работников дипломатического корпуса. Здесь народу вообще не было, если не считать нескольких десятков представителей дипломатических кругов, неторопливо и достаточно высокомерно прохаживающихся по залу и стоящих у прилавков дьюти-фри. Просканировав глазами зал и убедившись, что все, кто тут находится, являются

иностранцами, Скайлиз позволил себе чуточку перевести дух. Всего лишь чуточку, потому что, как показывает печальная практика, обычно «прилетает» оттуда, откуда меньше всего ожидаешь. Попрощавшись со своим сопровождением, он уселся в одно из многочисленных кресел и стал смиренно ожидать объявления на посадку. Ждать пришлось недолго. Посадку объявили уже через пять минут. Вылетал он налегке, договорившись, что все свои вещи и барахлишко, которым он обзавелся за время почти восьмилетнего пребывания в столице недружественного государства ему вышлют потом по дипломатической почте. Сейчас же, для него было главной задачей, как можно быстрее унести отсюда ноги, оставившие свой кровавый след, тянущийся от этого идиота Рахлина к не меньшему идиоту Вдовенко, а от него и к событиям на Красной площади. Ведь сколько раз он предупреждал своего шефа – Хармона, что нельзя все время полагаться на одних и тех же лиц, в деле устранения врагов Соединенных Штатов. Ограниченность круга агентов, поверенных временно, с одной стороны являлась надежной основой для конспирации, но с другой стороны, не давала развиваться более широкой сети. Ведь и козе понятно, что рано или поздно, но они попадут в поле зрения русских ищеек, и тогда придется не только вытаскивать намокшие в дерьме хвосты, но и в срочном порядке обрубать их, лишая себя тем самым единственных исполнителей воли заокеанских хозяев. Если бы этот дурак Хармон послушал его в свое время, то сейчас ре-

зидентура располагала бы разветвленной сетью своих агентов по всей стране, не говоря уже о столице. Тем более, что закрытие консульств в Екатеринбурге и Санкт-Петербурге и так негативно сказалось на функционировании тех же «спящих» ячеек. А так, в результате поимки этого недотепистого Рахлина, перепутавшего работу секретного агента с театральными подмостками, он вынужден, словно карманник вызвавший подозрение у окружающих, прятать глаза, ретироваться с великосветского бала. Приходилось бежать. А почему? Да, потому, что все после этого пошло не по плану. Вместо того, чтобы доверить устранение Рахлина профессионалу, в целях экономии средств дипломатического представительства, дело это поручили какому-то местному наркоману за два куска «зелени» и содержимое карманов жертвы. Естественно, качественно ликвидировать того не получилось и он выжил. Но посольские чины в своей глупости, пошли еще дальше, и организовали повторное покушение на него, когда тот находился в больнице. И не нашли для этой миссии ничего лучшего, как направить туда одного из морских пехотинцев, служащих в наружной охране представительства. Тот тоже не справился с поставленной задачей. Мало того, что не сумел устранить единственного свидетеля, так дал еще и ухлопать себя в перестрелке с агентом КГБ. В результате этого сумбура русские получили все желаемые сведения насчет подрывной и террористической деятельности посольства Соединенных Штатов (можно подумать, что другие

посольства этим не занимаются). А он – Мэтью Скайлз, вынужден бежать из страны, принимая на себя роль основного громоотвода, потому что обвинять самого посла в такой «грязной» деятельности, это уже не просто скандал, а *casus belli*. Уже прощаясь со своим непосредственным начальником – бригадным генералом, Скайлз не без яда в голосе заметил, что и самому Гаррикуу не худо было бы позаботиться о собственной безопасности. Однако тот не воспринял слова предупреждения всерьез, заявив, что лично он, конкретно к делу взрыва на Красной площади не имеет прямого отношения. К тому же Россия, в которой он пробыл уже почти двенадцать лет, как бы там ни было, но пока все еще соблюдает Венскую конвенцию о неприкосновенности иностранного дипломатического персонала. Сказать-то сказал, но тревожные огоньки в глубине глаз все-таки подсказывали, что и у него душа не лежит на месте. «Ну, не дурак ли? Вот из-за таких дуболомов США в последнее время и терпят одно поражение за другим на всех фронтах» – подумал он тогда. За такие просчеты таких вот «мудрецов» ему и пришлось сейчас жертвовать своей карьерой.

Да, работу свою в Москве он очень ценил, считая ее хорошим трамплином для карьерного роста. И вообще ему в столице России было очень комфортно. Сервис ничуть не хуже, а зачастую и лучше, чем в любой из европейских столиц, относительно недорогие цены, по сравнению со Штатами, культурное общество, обилие развлечений на любой –

даже самый изысканный вкус, относительно невысокая уличная преступность и обилие красивых женщин, до которых он всегда был большим охотником. Всё это делало его местопребывание здесь удобным и комфортным. Его даже не раздражал тот факт, что время от времени он чувствовал на себе ничем не прикрытое внимание со стороны местных спецслужб, следующих за ним на некотором расстоянии, абсолютно не скрывая своего присутствия. В некоторой степени это даже льстило его самолюбию и повышало, как внутреннюю самооценку, так и авторитет со стороны коллег. И, как бы это ни было обидно, но всему приходит свой конец. Пришел конец и его деятельности в стране, которой он посвятил, пожалуй, лучшие свои годы. После того, как послу озвучили доказательства причастности некоторых его сотрудников, включая и Мэтью, к теракту на Красной площади, стало предельно ясно, что надо срочно уносить ноги, чтобы тебя не вынесли самого вперед ногами. Единственное, что смог сделать Хартман, так это упросить ведьму, которая стоит во главе местного МИДа, выпустить его из страны, не причиняя вреда. Впрочем, рассчитывать на честное слово, данное дипломатическим работником, это значит, всю оставшуюся жизнь ходить и оглядываться по сторонам в ожидании фатальных неприятностей.

Даже сидя в полупустом комфортабельном салоне самолета, уносившем его домой, он не чувствовал себя в полной безопасности. Наполненный внутренним страхом, он каж-

дый раз ежился, когда стюардесса проходила мимо него по салону бизнес-класса, эротично покачивая округлыми бедрами. На её неоднократные попытки предложить ему скоротать время за сытным обедом с большим выбором горячительных напитков, он угрюмо отвечал отказом из-за пошлой боязни быть отравленным. С такой же подозрительностью он оглядывал каждого пассажира желавшего прогуляться до «нужного» места и вынужденного проходить мимо его перепуганной персоны. Сам он тоже за весь почти десятичасовой перелет в Нью-Йорк так ни разу и не покинул своего пассажирского места (видимо заранее облачившись в памперсы). При этом не раз ловил себя на мысли, что чувствовал бы себя гораздо спокойней, находясь в багажном отделении среди чемоданов, нежели сидя в кожаном кресле пассажирского салона. Паранойя. От нее никуда не деться. Когда самолет прибыл в аэропорт имени Кеннеди, Мэтью не стал спешить с покиданием салона, любезно пропустив всех впереди себя. Его никто не встречал. Не такая уж он был и «шишка», чтобы отряжать на его встречу эскорт. Уже в аэропорту, он, как заправский нелегал, а вернее, как человек, насмотревшийся в свое время голливудских подделок о шпионах, пропустил мимо два такси, прежде чем остановить третье. Это такси и довезло его до пятизвездочного «Хилтона», что располагался на 6-м авеню. Мэтью, вернувшись на родину, решил, что в некоторых случаях можно и не экономить, тем более средства позволяли совершать такие траты. К тому же, когда еще

представится возможность шикануть, хотя бы денек-другой, проживая в апартаментах, рядом с каким-нибудь саудовским шейхом? Торопиться теперь было некуда. Он честно заслужил продолжительный отпуск, находясь на передовой борьбы с русской Империей Зла. А департамент по вакансиям ждал его в своих стенах лишь на следующей неделе.

Первое время по возвращении домой Скайлз пребывал в состоянии раздвоения личности. С одной стороны он безумно был рад вырваться из атмосферы тотального страха за свою жизнь. Рад был ощущать себя на родине, видеть возле себя лица американцев, чувствовать их менталитет. Радовался тому, что не надо было при каждом общении с соотечественниками каждый раз обдумывать свои слова, прежде чем их произнести. Наслаждался дыханием свободы и настоящей демократии. А с другой стороны, он все никак не мог отделаться от мании преследования. Ему все время казалось, что за ним неотступно следят вездесущие глаза агентов КГБ. В каждом встречном прохожем, он, прежде всего, старался разглядеть чуждые для него черты, которые бы выдавали «с головой» его вероятного палача. Он боялся одновременно, как открытых пространств – потенциально опасных для любого снайпера, так и закрытых, которые в любой момент могли стать для него роковой ловушкой. Одно время он всерьез размышлял над тем, чтобы сделать себе пластическую операцию. Он даже, как-то поделился своими мыслями на данный счет с одним из чиновников Пентагона, отвечающих за

комплектование посольств военными представителями. Но тот, слава Богу, отговорил его от этой безумной затеи. Аргументом, послужившим отказу от необдуманного шага, стало то, что ему, если он хочет продолжить свою службу на данном поприще, менять свой облик категорически нельзя, ибо на новом месте службы при получении и ознакомлении с его личным делом, обязательно затронут эту тему, и тогда придется давать не совсем удобные объяснения. Да и у страны пребывания, может возникнуть нездоровый интерес к причинам, послужившим для смены обличия.

Все восемь лет, служа помощником военного атташе, он не был ни разу в отпуске. Поэтому получив разом компенсацию за неиспользуемое время для отдыха не слишком-то переживал, что его новое назначение затягивалось. Все тот же знакомый чиновник, пояснил ему, в приватной беседе за ресторанным столиком, что нового назначения можно не ждать, пока в Белом Доме не сменится караул. Потому, как новая администрация, наверняка захочет сменить штат военных атташе, доставшихся ей в наследство от прежней власти. И не потому, что демократы обязательно должны были сменить республиканцев, а потому, что времена теперь наступали совсем иные, а значит, и требования к сотрудникам посольств, представляющим интересы Пентагона, должны были в корне поменяться. Время дипломатических расшаркиваний медленно, но верно уходило прочь. Соединенным Штатам, находящимся на краю экономической, полити-

ческой и социальной пропасти требовалось менять свою всегда жесткую риторику на еще более агрессивную. Мэтью, как далеко неглупый человек, рассчитывал и тут оказаться на коне и в авангарде перемен, ибо кто, как не он был, по сути, в самом центре заговора против русского президента. И хотя об этом нужно было помалкивать, он никогда не упускал случая принять многозначительную позу, если речь заходила о внутрироссийских делах. Он ведь всерьез рассчитывал, что государство осыплет его наградами с ног до головы, за умело проведенную операцию, но никто с этим делом, к его искреннему удивлению, не спешил ему навстречу. В какие бы высокие кабинеты он не заходил, все старательно отводило от него глаза и спешили поскорей сбегать кому-нибудь другому настырного соискателя почестей. Все, что удалось выцарапать из родного ведомства, так это реплику наручных часов «Rolex Paul Newman Daytona» стоимостью якобы 90 000\$ с дарственной гравировкой от главы Пентагона, но на самом деле, «красная» им цена в базарный день не превышала 400 «жабьих шкур». Желая, как следует о себе заявить, чтобы повысить стоимость своих акций, он даже добился встречи с самим Дэниелом Смитом – всемогущим руководителем «русского дома». Но тот до обидного был холоден с ним, ограничившись лишь вялым рукопожатием и отделавшись ничего незначимыми словами ободрения и поддержки. Это демонстративное пренебрежение к его заслугам, сильно ударило по больному самолюбию Скайлза. Ведь

кто, как не сам Смит, еще год назад, когда операция только готовилась, несколько раз сам связывался с Мэтью по закрытой линии связи и заискивающим тоном интересовался ходом подготовки к намеченной акции? А теперь он делает вид, что чуть ли не впервые видит его. И хотя Мэтью было обидно за невнимание к его заслугам, в душе он понимал, что чем меньше людей знает о его «подвигах», тем целее его личная шкурка, которую он любил больше чем лавры признания своих заслуг. Впрочем, денежное содержание, которым его щедро одарило родное ведомство, в какой-то мере, скрашивало весь негативный осадок от замалчивания его ведущей роли в деле дестабилизации извечного противника США. Поэтому не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать нового назначения. Он, разумеется, не рассчитывал, что его законопатят в какое-нибудь полудикое африканское государство, где одна хунта сменяется другой на постоянной основе, и где есть риск, если и не заболеть малярией, то спиться от тоски и безнадёги. Ему, конечно, хотелось бы попасть в какую-нибудь маленькую тихую страну, наподобие Швеции или Швейцарии. А уж попав туда, заниматься неспешной и размеренной работой, которая не несет в себе никаких рисков. Днем заниматься рутинными и скучными делами, связанными с посещениями брифингов для дипломатических представительств, посещениями посольств дружественных (вассальных) государств, присутствием на маневрах карликовых армий, а вечером посидеть в хорошей

компании коллег, где-нибудь в уютном кафе.

К своим тридцати пяти годам он так и не обзавелся семьей, все время, откладывая этот процесс на потом. Нет, он не был проповедником гендерного разнообразия в сексе, просто считал, что семейные обязанности могут плохо сказаться на его карьере. К тому же, наличие семьи всегда предполагало некую ответственность по отношению к женщине и возможным детям, а он не привык расходовать свою любовь на кого-то еще кроме себя самого. А вот мимолетных любовных интрижек он никогда не чурался, резонно считая про себя, что лучше отделаться парой сотней долларов и получить взамен этого мимолетное удовольствие без всяческих взаимных обязательств, чем постоянно делиться своим жалованьем и при этом постоянно чувствовать на себе давление со стороны супруги. С кучей денег на своем банковском счету, он мог себе позволить отдохнуть от пережитого стресса на каком-нибудь пляже Лос-Анжелеса или Флориды, в ожидании нового назначения, крутя романы налево и направо. Но он все время откладывал свой вояж на курорт, в ожидании, что его вот-вот заметят и вот-вот позовут сунуть ногу в стремя. Правда, можно было поехать к родным и близким. Но из родных и близких у него была всего лишь мать, проживающая в Айдахо. Близким для него человеком она никогда и не была. В особенности после того, как умер его отец, рано спившийся на почве ревности к своей супруге. Мэтью любил своего несчастного и безропотного отца, который не нашел в

себе силы противостоять постоянным изменам жены, а потому и выбравшего такой экзотический способ самоубийства. За это он так и не смог простить свою мать. После смерти мужа она еще дважды выходила замуж, пока не успокоилась в третьем браке, обремененная кучей ребятишек от разных отцов. Мэтью не то, чтобы уж совсем игнорировал мать. Нет. Просто предпочитал поддерживать с ней отношения на расстоянии, отделяваясь, время от времени поздравительными открытками на Рождество и День рождения. В результате, никуда он так и не поехал, решив остаться в Нью-Йорке. Из пятизвездочных апартаментов он съехал в отель попроще, но все равно с приличным комфортом. Уже привыкнув к тому, что все угрозы для его тушки остались позади, он проводил дни в походах по театрам, выставочным галереям, паркам и кинотеатрам. А по вечерам устраивал маленькие кутежи в одном из ресторанчиков Мидтауна, обычно заканчивавшихся тем, что под утро в его постели оказывалась то одна, то другая девица, имени которой он даже не старался запомнить.

I. II

17.09.2020г., США, Нью-Йорк, Бедфорд

Вот и сейчас он находился в приятном обществе знойной брюнетки, которую подцепил в ночном клубе на Леннокс-Авеню, что находился невдалеке от Центрального пар-

ка. Весь день он провел в Парке, валяясь на лужайке и нежась в лучах сентябрьского солнца. Трава вокруг него, хоть и была еще зеленой, но уже не такой яркой и сочной, как в летние месяцы. По всему чувствовалось, что осень уже не за горами и уходящее лето торопится отдать отдыхающим свои последние погожие дни. К вечеру уже становилось прохладно. И эта прохлада ему чем-то напоминала Москву. В русской столице даже в разгар лета редко выпадали дни, когда становилось слишком жарко. К тому же жара никогда там не чувствовалась по-настоящему из-за большого количества деревьев на улицах, а также парков, рощиц и тенистых аллей. В этом плане Нью-Йорк сильно проигрывал русской столице. Каменные джунгли американского мегаполиса могли своим видом удовлетворить только того, кто никогда не вылезал из них, а поэтому и не знал, что бывают места гораздо красивей, чем пышущий жар от раскаленного асфальта в окружении бетонно-стеклянных коробок, слепящих глаза прохожим своими отражениями солнечного света. Соперничать с Москвой, имея в загашнике, хоть и большой, но единственный крупный парк, не имело смысла. У русских в столице было таких пруд пруди. Тут тебе и Измайловский, и Сокольнический, и Горьковский. А уж Битцевский парк, так это вообще по меркам западных туристов представлялся тайгой в миниатюре. Мэтью очень любил посещать московские парки и делал это при всяком удобном случае. Видимо, ностальгия по прошлому заставляла его довольно часто посещать

и этот нью-йоркский парк. Чтобы как-то разнообразить впечатления, он приезжал сюда, каждый раз, с новой стороны. Солнце уже клонилось к закату и его косые лучи уже никак не согревали сентябрьский воздух. Большинство людей уже покинули парк, стремясь оказаться дома до сумерек. Мэтью, передернув плечами от вечерней прохлады, тоже засобиравшись к выходу, где на парковке стоял его «Ford-Mustang», взятый им напрокат. Тороватый Скайлз не хотел приобретать автомобиль в собственность, в чаянии своего нового назначения. Зачем нагружать себя лишней головной болью, если ты не знаешь, где очутишься завтра? А так – дешево и сердито. К тому же все девицы с пониженной социальной ответственностью и без того сговорчивые, еще охотнее отдавались молодому красавцу, когда он подкатывал к ним на ярко-красном «Мустанге» с мощным движком под капотом.

Вечер уже опустился на никогда не засыпающий город. Надо было подумать, как с пользой провести вечер, а возможно и ночь. Немного отъехав от стоянки, он краем глаза заметил сверкающую неонами вывеску на здании, облицованном красным кирпичом. Вывеска настойчиво призывала посетить бар-ресторан со смешным названием «Хихикающий Какаду». Скайлз отметил про себя машинально, что в этом заведении он еще ни разу не был. Мест для парковки возле этого «Какаду» было предостаточно, а это в свою очередь говорило о том, что народу внутри не так уж и много, значит можно спокойно посидеть расслабиться с очередной мимо-

летней пассивей, которая непременно должна будет клюнуть на его неотразимую внешность. Припарковав машину невдалеке от входа, Мэтью решительно толкнул от себя большую стеклянную дверь заведения. В приятном полумраке, было довольно уютно. Тихо и ненавязчиво играла музыка. Большой зал был, как бы разделен на три части. В одной располагались, как и положено столики с немногочисленными посетителями. Другая часть представляла собой нечто похожее на сцену, где возле шеста нехотя и с ленцой крутилась некрасивая полуобнаженная девица, демонстрируя пластику тела. Третья часть зала была отведена под длинную барную стойку с высокими табуретами на трех ножках. За стойкой суетился мальчишка-бармен, обслуживая немногочисленных клиентов, развлекая их виртуозной работой рук, смешивающих коктейли, буквально на лету. В эту часть и направил свои стопы «ветеран дипломатической службы», как нередко именовал он сам себя в кругу знакомых. Взгромоздившись на треножник, Мэтью прищелкнул пальцами, как завсегдатай подобных заведений:

– Эй, бой! – обратился он к бармену. – Сооруди-ка мне Маргариту.

Тот кивнул и широко улыбнулся:

– Вам со льдом, сэр?

– Ну, разумеется, – с барственной снисходительностью в голосе и слегка растягивая слова, проговорил Скайлз.

– Одну минуточку, – ответил юнец и кинулся исполнять

заказ.

Принимать внутрь горячительные напитки он, находясь за рулем, не боялся по той простой причине, что заведения подобной специализации, как правило, предоставляют услуги по доставке клиента в указанное им место на его же автомобиле. Услуга была не из дешевых, однако, она того стоила. Коктейль «Маргарита» был одним из самых его любимых напитков. К нему он пристрастился еще в Москве, часто посещая рестораны и ночные клубы. В классическом варианте в состав «Маргариты» входит текила, ликер «трипл-сек» и сок лайма. Обычно все ингредиенты просто смешивают в миксере и подают в специальных бокалах с кубиками льда. Некоторые любители любят поэкспериментировать: вместо сока лайма они добавляют любой другой сок, но Мэтью предпочитал придерживаться канонов. Буквально через минуту, получив требуемое, Мэтью смог с наслаждением прикинуть губами к соломинке.

– Что-нибудь еще, сэр? – осведомился бармен.

– Пока не надо, – вяло отмахнулся Мэтью от услуг работника общепита.

Пока между ними проходил этот незатейливый диалог, на соседнюю табуретку вспорхнула молодая девица с волосами цвета воронова крыла. Девица была хороша! Да, что там хороша?! Она была просто великолепна! Длинные, стройные и лишённые растительности ноги в комплекте с мини-юбкой, загар цвета светлого шоколада, идеальные черты лица

и тонкий запах дорогой косметики, все это приятно щекотало ноздри и возбуждало воображение. Усевшись рядом с Мэтью, она приветливо, но ненавязчиво улыбнулась ему, что он, естественно, посчитал приглашением к разговору.

– Не желает ли юная леди, чтобы джентльмен угостил ее чем-нибудь вкусеньким? – подмигнул он ей и соорудил гримасу, которая в его представлении должна было расположить девицу к дальнейшему общению.

– О-о-о! – быстро нашлась та, тоже улыбаясь во весь рот и демонстрируя хорошую работу дантиста. – Джентльмен, видимо, только что похоронил любимую тетушку, раз решил посорить деньгами?

– Ого! – удивился он, не ожидая таких слов от красотки. – А вам, оказывается, палец в рот не клади!

– Я не складываю в рот что попало, – продолжала она, прищутив насмешливый взгляд. – Бармен! Мне, пожалуйста, «Космополитен», – обратилась она к хозяину стойки, как только он кинул в ее сторону вопрошающий взгляд.

Эта девица, своим независимым и в то же время неотталкивающим поведением, сразу зацепила его, и он сам себе поклялся, что ни за какие бонусы не упустит ее. Поэтому, сразу сменил тактику знакомства, перестав изображать из себя покровителя, а просто представился, верно рассчитав линию своего дальнейшего поведения:

– Меня зовут Мэт, – отрекомендовался он ей, протягивая руку для пожатия, как равному. – Я тут впервые и не

знаю местных порядков. Поэтому прошу заранее простить мою неловкость в общении.

И не прогадал.

– А меня зовут Пилар, – не стала она чваниться и приняла его рукопожатие. – Я принимаю ваши извинения. И я, кстати, тоже здесь впервые.

– И каким же счастливым ветром занесло столь прекрасную розу в этот огород? – включил он на всю катушку свое обаяние.

– Исключительно, попутным! – проворковала девушка, вновь озаряясь светлой и искренней улыбкой, распалая собеседника все больше и больше. – Приехала из Фриско к подруге в гости, а к ней, как раз пришел поклонник, вот я и не стала мешать им своим присутствием, решив скоротать время в этом заведении.

Тут бармен принес ее заказ, и она грациозными движениями соломинки стала размешивать кубики льда в бокале.

– Я почти за честь скрасить для вас этот скучный вечер! – вновь распустил павлиний хвост мистер Скайлз.

– Ну, что ж, попытайтесь, – ответила она загадочно и на этот раз ее улыбка была сардонической.

Дальнейшее их общение уже проходило за отдельным столиком, куда они к обоюдному удовольствию и переместились. А потом все было, как в туманной зыбке. Он помнил, что они весело о чем-то болтали, заказывали еще какие-то напитки, явно пренебрегая закуской. Он делал при

этом неуклюжие попытки лапнуть ее за коленки под столом, а она ловко уворачивалась, и при этом маняще улыбалась, намекая, что все самое интересное их ждет впереди и не здесь. Пили наравне, насколько он мог видеть, но почему-то развезло только его, хотя именно он планировал напоить девушку, чтобы уложить ее к себе. Все-таки, несмотря на свой возраст и опыт работы в специфической организации, Мэтью, как был, так и оставался в чем-то до крайности наивным парнем из глубинки, проморгавшим, как ловкие девичьи пальчики незаметно опускают в свой стакан быстрорастворимые таблетки глутаргина. Именно их употребление не дало ей впасть в то свинское состояние, в которое попал ее неожиданный спутник. Она сама расплатилась за них обоим, и это опять не вызвало у него никаких подозрений на ее счет, что говорило либо о его низком профессионализме, либо о банальной потере бдительности. Как выходили из ночного клуба, он тоже помнил только в обрывочном режиме. На улице уже было поздно, и если бы не уличное освещение и свет от рекламных билбордов, то темень была бы несусветная. Помнил только, что они немного поспорили куда дальше направить свои стопы и кто из них при этом должен сидеть за рулем. Впрочем, второй вопрос, отпал, как-то сам по себе, ибо Мэтью с большим трудом сохранял вертикальное положение, уже не лапая свою новую подружку, а больше держась за нее, чтобы не упасть. В конце концов, сошлись на том, что она сядет за руль и привезет их в «одно тихое и уютное ме-

стечко, где можно провести незабываемую ночь», а он за это не сядет на заднее сиденье, а будет находиться рядом, осыпая ее своими пьяными ласками.

А когда тронулись с места, то он вообще выпал из действительности. Сколько они ехала до «тихого и уютного местечка» он опять не зафиксировал в своем мозгу. Помнил только, что сначала они ехали по широким и хорошо освещенным улицам, наполненным потоками автомобилей, а затем картинка сменилась, и передвигаться пришлось по каким-то скудно освещенным улочкам, а то и вовсе в непроглядной темени. Когда она все же затормозила в каком-то глухом урочище, иначе и не скажешь, глядя на угрюмые и лишь кое-где освещенные здания, первый звоночек тревоги дал о себе знать:

– Ты куда меня привезла?! – еще не боясь, но, уже порядком удивляясь спросил он у нее заплетающимся языком.

– Пойдем, – выволокла она его почти, что на себе из машины. – Тут недалеко.

– А куда пойдем? – пьяно поинтересовался он в очередной раз, крепко уцепившись за ее руку.

– Как и обещала – в тихое местечко, где у постояльцев, ищущих временный приют, не спрашивают документов.

– А как же моя машина? – спохватился он, пытаясь притормозить и повернуть обратно.

Но девица была на редкость сильной и неумолимой.

– Ничего с ней не случится. Здешние не балуются, а чужие

тут не ходят даже днем, – уверенно произнесла она, увлекая его за собой.

И опять он допустил ошибку, не сообразив, как это приезжая издалека девушка, так тонко разбирается в местных «раскладах». Они прошли еще какое-то расстояние, прежде чем вышли на более-менее открытое место.

– Где мы, вообще находимся? – наконец задал он вполне резонный вопрос, оглядываясь по сторонам, уже с явной опаской.

– В Бедфорде, сэр, – услышал он мужской насмешливый голос и увидел, как откуда ни возьмись, перед ними выросли трое рослых негров, одетых словно рокеры – в кожанки с большим количеством заклепок.

– Добро пожаловать! – глумливо продолжил один из них, демонстративно одевая на руку шипастую перчатку.

Еще ни разу в жизни Мэтью Скайлз не трезвел так стремительно. Алкогольные пары, до сих пор туманившие его разум улетучились со скоростью гоночного болида. Он оглянулся назад, чтобы оценить свои шансы на побег, но сзади неторопливо подходили еще двое таких же молодчиков. Звать на помощь полицию в Бедфорде, да еще в такой час – все равно, что вопить посреди пустыни.

Он сунул руку в карман, чтобы достать свою 15-ти зарядную «беретту», но к своему ужасу ничего не нашел. А ведь он никогда не расставался с ней.

– П-парни, я никому ничего не сделал плохого, – заикаю-

щимся от страха голосом начал причитать Скайлз, – просто провожал девушку.

– Просто провожал, говоришь? – недобро блеснул белоснежными зубами главарь шайки. – А то знаешь, белый, что за проводы в ночное время в нашем районе взимается налог?

– Ребята, какой налог? О чем вы говорите? – начал понемногу приходить в себя Мэтью, думая, что все закончится банальным ограблением.

– А ты разве не законопослушный гражданин Соединенных Штатов? Или ты никогда в жизни не платил налогов? – продолжал издеваться бандит и его слова были поддержаны нарочитым хохотком его подельников.

Пилар незаметным телодвижением выскользнула из-под руки своего ухажера и беззвучно испарилась в кустах, что росли по краям обочины. Но Мэтью, кажется, этого даже и не заметил. Чувствуя, что дело может кончиться мордобитием, бывший помощник военного атташе в последний раз попробовал разойтись с грабителями без телесного ущерба для себя:

– Я не знал, что за проход в ночное время по территории вашего района взимается плата, но раз уж на то пошло, то я готов отдать вам все, что у меня есть.

Он похлопал себя по карманам и вытащил на тусклый свет Луны и окон соседних домов дорогой кожаный бумажник и протянул его старшему налетчику.

– Там есть немного наличности и «Паркер» с золотым

пером. Впрочем, к этому я могу еще присовокупить часы. Очень дорогие, кстати, часы. Их стоимость, я полагаю, многократно превысит налоговую ставку за платный проход в неурочное время, – произнес он с чуть заметным высокомерием, расстегивая браслет с часами на руке и также протягивая его главарю.

Это еле скрытое высокомерие белого человека в конец вывело из себя чернокожего громилу и он, даже не взглянув на содержимое бумажника начал орать, страшно вращая белками глаз:

– Вы, белые, – выкрикивал он слова, будто выплевывая, – совсем очумели в своем проклятом расизме! Что ты мне суешь свою мелочевку, словно милостыню нищему? Ты, кусок вонючего дерьма кем себя возомнил?! Или ты считаешь нас папуасами, от которых можно отделаться блестящими побрякушками?! Кровожадные угнетатели моего народа! – орал он все больше и больше распаяясь от собственных криков. – А ну, встать на колени, в знак уважения к движению БЛМ!

Мэтью понял, что разойтись мирно не удастся и его сейчас просто начнут колошматить, возможно, даже и ногами. Он еще раз опасно оглянулся на тех двоих, что стояли у него за спиной, но они стояли в застывших позах, словно бы все происходящее их не касалось. Скайлз тихонько вздохнул и молча опустил на оба колена, в ожидании, что его сейчас начнут месить. Но никакого избиения не получилось. Один

из тех, кто стоял сзади, неуловимым движением достал из-за спины обрезок арматуры и с хаканьем изо всей мочи опустил его на затылок своей жертвы. Череп от такого удара по затылку просто раскололся и крошево от осколков затылочной кости вмялись в кору головного мозга. Смерть наступила мгновенно. Возможно, что он даже не понял, что уже умер, так быстро и сноровисто все было проделано. Видимо тот, кто наносил удар, был специалистом в своем деле. Скайлз, уже мертвый рухнул на асфальт, лицом вниз, заливая фонтанирующей кровью пространство вокруг себя. Громилы еще постояли немного возле него, убеждаясь, что вторичного удара не требуется. Затем, как по команде повернули головы в сторону темного проулка. Оттуда доносились неторопливые шаги уверенного в себе человека. К ним приближался смуглый с аккуратной бородкой араб. То, то это был араб не вызвало никаких сомнений, ибо он был одет в традиционную кандору и накинутую на голову гутру, в просторечии называемую «арафаткой». При виде «араба» главарь шайки расплылся в дружеской улыбке:

– Али, мы свою часть договора выполнили. Вот, можешь полюбоваться на труп своего врага, – сказал он, и члены шайки расступились, давая пройти «арабу» к месту убийства.

– За мной тоже дело не станет, – проговорил спокойным голосом заказчик. – Как и уговаривались, вот стальная часть оплаты.

Он порылся в складках своего балахона и извлек оттуда

девять пачек стодолларовых купюр перемотанных изолентой крест-накрест.

– Считай, Джошуа, – протянул он главарю упаковку.

– Я верю тебе, Али, – сказал негр, небрежно принимая деньги. – Мы с тобой уже не первый раз так плодотворно сотрудничаем. Согласись, сто кусков за такое плевое дело – отличный бизнес.

– Спасибо за доверие тебе и твоим парням, Джошуа, – все так же степенно ответил Али.

– Али, после долгого сотрудничества с тобой я имею право задать тебе вопрос? – продолжил Джошуа, не выпуская упаковку из рук.

– Задавай.

– Мы «Черные пантеры» убиваем белых, потому что хотим им отомстить за многовековое рабство наших предков, но что подвигло тебя на этот путь, ведь вы, арабы, насколько я знаю, с белыми в одной упряжке?

– Ты неправ, мой друг, – немного грустным голосом возразил ему Али. – Белые люди посеяли гроздь гнева не только в Африке, но и по всему миру. Аллаху уже давно надоело наблюдать с горних высей за их бесчинствами, и чаша его терпения уже наполнилась до краев.

– А чем конкретно этот, – негр указал в сторону плавающего в своей крови человека, – насолил вам?

– Он занимался в моей стране обычным для белых людей делом – стравливал между собой правоверных, – смиренно,

но туманно ответил араб.

– Ясно, – коротко кивнул тот. – Ладно, мы пошли. Если будет нужда, то ты знаешь, где меня найти.

– Храни вас, Аллах, ангелы священной мести! – напутствовал Али удаляющихся с места происшествия бандюганов.

Дождавшись, когда молодчики из левацкого движения «Черные пантеры», скроются за поворотом, Али, озираясь по сторонам, негромко произнес на чистом русском:

– Люська, зараза, ты куда делась?

Из кустов тут же вынырнула Пилар, отряхиваясь на ходу и доставая из сумочки мини-фотоаппарат:

– Я тут, Пал Никитич.

– Че так долго? Я уже все жданки съел, – проворчал он под нос.

– Не ругайтесь, и так тошно, – досадливо бросила она ему, делая снимки убитого с разных ракурсов.

– А что, так? – не унимался лже-араб, ехидно ослабившись в бородку.

– Замудохалась с этим окаянцем проклятым! Всю дорогу приставал. Всю меня обслюнявил, кабель драный. Хоть в хлорке мойся после его потных ручонок.

– Отпечатки свои стерла с руля? – продолжал наставительно допытываться Никитич.

– Первым делом, – буркнула красотка, засовывая фотоаппарат в сумочку.

– Ну, тогда, давай, ходу отсюда. У меня тут машина недалеко стоит.

II.I

Еще два с половиной месяца назад, когда военный атташе при посольстве Соединенных Штатов в Москве проводил обратный путь своего заместителя, его неприятно резанули слова о том, что и ему самому не худо было бы позаботиться о своей безопасности. Его – пятидесятивосьмилетнего бригадного генерала кинула в дрожь перспектива быть убитым не в бою, как это и полагается воину, а от действия какого-нибудь экзотического инструмента по устранению, включая пресловутый и не в меру распиаренный «Новичок». Он знал, что русские по части ликвидации политических противников, если те достали их до печенок, способны на любые хитрости. Ликвидации Бандеры, Шухевича, Георгиева, Хаттаба, Яндарбиева, Березовского и прочих негативных персонажей советской и российской истории говорили о том, что «девятая» лаборатория КГБ – большая выдумщица по этой части. И в то же время, Гаррик Хармон прекрасно осознавал, что русские, в отличие от представителей его родного государства и его англосаксонских союзников, всегда свято соблюдают международные конвенции, касающиеся неприкосновенности представителей дипломатического корпуса. Максимум, что могло ему угрожать, так это

высылка из страны со стандартной формулировкой за «деятельность несовместимую с дипломатическим статусом». В этой связи ему нечего было опасаться, какой бы шпионской деятельностью он не занимался на территории Российской Федерации. Хотя, чего уж там скрывать, деятельность любого военного атташе всегда, так или иначе, подразумевает под собой активную разведывательную работу. Его русский коллега в Вашингтоне, без всяких сомнений, занимается тем же самым. Он уже достаточно привык к своему теплому и сытному месту, резонно рассчитывая уйти на заслуженный отдых прямо с этого поста обласканным наградами и почестями за безупречную службу в интересах своего отечества. И для этого были все основания. Он, на протяжении всей своей командировки в столицу вражеского государства, старался не выходить за рамки служебных инструкций, предписывающих ему только шпионскую деятельность в неких окологонимых рамках, так, чтобы его нельзя было напрямую упрекнуть в нарушении своего статуса. И эта его относительно спокойная жизнь продолжалась в течение длительного срока его пребывания в Москве. Но все течет и все изменяется. Изменилась и жизнь бригадного генерала. Он даже точно помнит, когда это началось. А началось это, когда только-только избрали Трампа в президенты. Его уже избрали, но «старый» президент Обама еще не сложил окончательно свои полномочия. Тут-то и началась основная свистопляска. Уязвленный «непотопляемостью» своего русского виза-

ви, он решил напоследок, как следует хлопнуть дверью. И для этого он не смог придумать ничего лучшего, кроме как начать арестовывать российское государственное имущество на территории Штатов, включая генеральные консульства и торговые представительства, купленные в свое время Советским Союзом за немалые деньги. И все бы ничего, но глупый президент решил на этом не останавливаться и продолжил, как мог вредить и без того хлипким отношениям между двумя странами. Все дипломатические войны до ужаса похожи друг на друга, как однойцевые близнецы. Так было и в этот раз. Обвинив русское дипломатическое представительство в шпионской деятельности, причем без каких либо мало-мальски годных доказательств, Обама приказал выдворить из страны перед самым Новым годом, около четырех десятков дипломатов. Причем до этого он уже высылал их и в 2011 и в 2013 годах. Используя практику взаимности, русские не заставили себя долго ждать и немедленно ответили зеркальным методом. Разве что не отняли недвижимость, рассчитывая все же как-то договориться впоследствии. Но зная характер штатовских русофобов, на это не следовало слишком рассчитывать. Удивительно, но русские, четыре года, как-то крепились, и только лишь недавно предъявили претензии послу, после чего он, и так обремененный недугом, вовсе почти слег. Вот после обмена любезностями по высылке работников дипломатических представительств, в посольстве США и начались горячие денечки. Надо сказать,

что к концу 2016 года штатная численность посольства и так составляла 70% от требуемого количества (предыдущие высылки дали о себе знать). А после декабря 2016 вообще настал ужас-ужас. Чтобы работа посольства могла поддерживаться хотя бы на минимально допустимом уровне, многим его сотрудникам пришлось осваивать в срочном порядке смежные профессии. Разумеется, вся эта чехарда не могла не коснуться и военного атташе, с его невеликим штатом сотрудников. По традиции, никем и никогда не писаной, чисто шпионской деятельностью почти во всех посольских представительствах обычно занимаются вторые и третьи секретари. Их специально к этому готовят и они, за редким исключением все являются штатными сотрудниками ЦРУ или АНБ. Этим «секретарям» специально не давали высокий дипломатический ранг, чтобы потом, в случае провала, ими можно было пожертвовать без особого ущерба деятельности самого посольства, ну и чтобы не подставлять самого посла с его заместителями. В любой шахматной партии жертвуют, прежде всего, пешками, всячески оберегая более значимые фигуры. Коварный русский президент, знал, что делал, когда в отместку за высылку своих дипломатов, почти досуха вычистил штатовское шпионское гнездо, отправив домой всех, более-менее, опытных разведчиков. С радикальным сокращением штатной численности разведперсонала военному атташе волей-неволей пришлось взваливать на себя и своих сотрудников новые функции. Естественно, что он не был

в восторге от своих новых обязанностей. Он, как большинство военных и аристократов, всегда с некоей брезгливостью относился к людям, посвятившим свою жизнь «плащу и кинжалу». И вместе с тем он прекрасно осознавал, что если он не желает портить свой послужной список, то ему придется как-то приспособливаться к новым реалиям. Правда, и здесь он изо всех сил старался лукавить, сваливая почти всю «грязную» работу шпионажа на своих непосредственных подчиненных. Для себя же он оставлял, как военный, только шпионаж в военно-технической сфере, наблюдая за развитием военно-промышленного комплекса русских. Да и то предпочитал больше пользоваться открытыми источниками информации. Благо, что у глупых русских журналистов (а может и не глупых, но тщательно прикормленных) язык зачастую был не в ладах с головным мозгом. И этим их свойством разбалтывать полученные секреты, он и пользовался на абсолютно легальном основании. Однако объективные обстоятельства заставили и этого генерала пожертвовать своими прежними принципами. При остром дефиците профессионалов ему, скрепя сердцем пришлось-таки несколько раз самолично проводить инструктаж по шпионской и диверсионной деятельности среди завербованных ранее граждан Российской Федерации. Он даже имел несчастье однажды передать агенту Рахлину средство для устранения одного из видных российских ученых, работавших в сфере обороны. Этот досадный эпизод в его жизни не добавлял ему оптимизма.

И он не питал иллюзий по поводу того, что об этом теперь, после ареста "засыпавшегося" Рахлина, прекрасно осведомлены в КГБ. Но Хармон, ожидавший рестрикций в отношении себя и не дождавшийся их, в конечном счете успокоился, считая, что агент благоразумно умолчал об этом, дабы не усугублять своего и так незавидного положения. Что же касалось самого, пожалуй, на шумевшего дела о теракте на Красной площади, то он с чистой совестью считал себя никак к этому непричастным. Нет, как глава военной миссии, а также лицо, принявшее на себя бремя разведывательной и диверсионной деятельности, он, конечно, был в общих деталях ознакомлен с предстоящим планом по ликвидации всей российской верхушки. Однако активной деятельности в реализации этого плана не проявлял, ограничиваясь общим рисунком. Всю основную и неблагодарную работу взял на себя Мэт – честь ему за это и хвала. «Не перевелись еще дурни под солнцем» – рассуждал он про себя, самодовольно потирая руки. Да, конечно, все возможные лавры и пенки получит его заместитель, но вместе с этим он получит и несмыслимое ничем пятно грязного террориста, а значит, рано или поздно, рука возмездия достанет его, даже если он и будет находиться на другом конце Земли. Тем более, что со слов посла, еле приволочившего ноги домой после той выволочки, что ему устроила эта фурия – Хазарова, у русских в отношении Скайлза были весьма весомые доказательства обвинения. При том, что фамилия самого Хармона там ни разу

не упоминалась. Это вселяло некий оптимизм. Пока можно было спать относительно спокойно. Ибо, какими бы коварными и жестокими не слыли русские в глазах мирового сообщества, они еще ни разу не осуществляли насильственных актов против персон находящихся в дипломатическом ранге, за исключением давнишнего и единственного случая, когда в Москве был убит посол Германии Мирбах агентом ЧК Блюмкиным. Но все это было делом давно минувших дней, о котором теперь уже не упоминают даже историки. Угрозы же, раздавшиеся из уст Афанасьева в первые часы после совершения теракта Хармон не принял на свой счет, здраво рассуждая, что они, прежде всего, были рассчитаны на местную аудиторию и касались непосредственных исполнителей из числа российских граждан. Но вот с некоторых недавних пор эта его уверенность в своей неприкосновенности была существенно поколеблена. Буквально в течение недели были жестоко и цинично уничтожены очень влиятельные персоны на небосводе американского политикума. И если убийство Помпео можно было как-то связать, с клановыми разборками двух соперничающих предвыборных штабов, а самоубийство Милли с провалом операции на русском Севере (о чем смутно и невнятно шептались в Пентагоне), то жестокое и циничное убийство, хоть и бывшего, но все-таки руководителя ЦРУ, вместе с внуком, ясно указывало на, совсем иной след. А уж убийство Смита, почти никем незамеченное и там и тут, давало четкую наводку на русских. Правда, метод, ко-

торым расправились со Смитом, был нехарактерен для русских агентов. Насколько Хармон, был в курсе творящихся дел в российском ВПК, тот был не на том технологическом уровне, чтобы задействовать в такой операции сверхмалые дроны. У русских просто не могло быть ничего подобного, в противном случае, он просто даром ест свой хлеб. Новости об убийстве своего бывшего помощника еще не дошли до его московской штаб-квартиры, иначе бы он еще больше уверился в том, что в сознании русских произошли кардинальные изменения и теперь никаких «красных» линий для них просто не существует. Тело несчастного Скайлза пока еще находилось в одном из районных моргов Нью-Йорка, пока никем неопознанное, так как при нем не было никаких документов, а лицо в результате страшного удара по затылку было изуродовано до неузнаваемости. Результатов теста на ДНК-идентификацию, нужно было ждать еще, как минимум, сутки. Поэтому, не будучи в курсе последних событий, бригадный генерал Гаррик Хармон с чистой совестью и с относительно спокойной душой (кошки все-таки скреблись помаленьку) отправился сегодня в парк Патриот, что находился на 55-м километре минского шоссе.

II. II

19.09.2020 г., Россия, парк Патриот.

С тех пор, как русским оружейникам закрыли вход на

площадки европейских ярмарок-выставок, им волей-неволей пришлось выкручиваться, чтобы не оказаться на обочине общемировых процессов прогресса в данной сфере. С этой целью, стараниями ныне покойного министра обороны и была организована выставка новинок местного военно-промышленного комплекса. Власти не поскупились и выделили огромный участок земли, примерно в 50-ти километрах от столицы под строительство павильонов для демонстрации достижений в области обороны. Вот и сегодня выставка «Армия-2020» распахнула свои двери перед теми, кому интересна была эта тема. По уже устоявшейся традиции, первые два дня выставка работала в закрытом режиме. Эти два дня она принимала только иностранных представителей, перед которыми демонстрировались образцы вооружений предназначенные, прежде всего для экспорта. Кроме того для них были специально организованные тематические показы с демонстрацией техники, что называется «в деле». Тут же, ради удобства, были приготовлены места для обсуждения будущих контрактов и подписания деклараций «о намерениях». Приглашение посетить выставку рассылалось всем аккредитованным в Москве дипломатическим представительствам. Народу, в связи с пандемией ожидалось немного, поэтому устроители из всех сил старались ублажить тех немногих, кто решился бы посетить ее в такое непростое время. Получил персональное приглашение на выставку и бригадный генерал Гаррик Хармон. Ему, как военному ат-

таше, сам Бог велел участвовать в мероприятиях подобного рода. И он, конечно же, не преминул им воспользоваться, взяв себе в компанию одного из своих помощников. Посольский «Линкольн» с флажком на капоте, они с помощником оставили в распоряжение водителя возле входа в парк, а сами направились внутрь. Изучение вблизи военной техники потенциального, а теперь уже, скорее всего без всяких околичностей, прямого и ближайшего противника входило в его непосредственные обязанности. Он, по долгу службы, неплохо разбирался в образцах военной техники. Однако, будучи по своей основной специальности военным инженером, более всего интересовался новинками именно в этой области. Особым образом его интересовали системы дистанционного разминирования местности, а также мостоукладчики и понтоноукладчики. У Штатов, как бы это не показалось странным, по этой части были существенные пробелы, в то время, как русские умельцы каждый раз демонстрировали что-то новенькое. У них явно было чему поучиться. Ко всему прочему, Хармону порядком-таки надоело сидеть взаперти по причине соблюдения карантинного режима. От русской вакцины он отказался в демонстративном порядке, а собственная «moderna», как на грех, где-то застряла. Но наблюдая за беспечно фланирующими москвичами, иногда и вовсе без масок, из окна своего офиса, ему страстно хотелось вернуться к активному образу жизни и деятельности. А тут представился такой случай – не только самому выбрать-

ся из четырех стен, но и пообщаться со своими коллегами из других стран, при этом демонстрируя перед ними свою решительность и бесстрашие. Все иностранные военные атташе, из числа союзников, да и не только их, должны знать, что представитель Соединенных Штатов ничего не боится и по-прежнему готов возглавить, в случае чего, весь прогрессивный мир. Так что повод посетить выставку был очень весомым. На кону стояла репутация страны, которую он здесь представлял.

Официальных делегаций на открытии выставки было немного. Как русские не пытались рекламировать свою выставку, заявляя, что она будет самой насыщенной и информативной, на деле же открытие чуть было не превратилось в полный провал. Если не считать делегатов из Ближнего Зарубежья, посещать которым подобные мероприятия вменялось в обязательном порядке, большинство военных атташе проигнорировало приглашение. Из европейских представителей были только сербы, которым русские пообещали подарить несколько устаревших МиГ-29 и небольшую партию модернизированных танков Т-72. Были китайцы (куда же без них!), но то, что их действительно могло бы заинтересовать, здесь представлено не было. А интересовали их только новые двигатели НК-32-02 для стратегического ракетно-носца и станции ПРН. Двигатели, русские, ни в какую продавать не хотели, а вот с постройкой СПРН модульного типа и высокой заводской готовности, обещали помочь при усло-

вии, что данными, полученными от них, китайцы будут делиться на безусловной основе. Подобная кооперация не могла не тревожить Соединенные Штаты, потому, как эти станции полностью вскрывали всю воздушную обстановку в западной части Тихого океана, едва не до Австралии. Были на выставке богатые представители Ближнего Востока и арабских сатрапий. Эти не пропускали ни одной военной выставки, бегая по миру и скупая в огромных количествах все, на что падал их завистливый взор. Поэтому для русских они сейчас представлялись самыми желанными гостями. Сейчас арабские шейхи хлопотали о приобретении новейших зенитных комплексов. По сведениям, полученным из неофициальных источников, Саудиты и эмиры Абу-Даби обхаживали главу «Ростеха» Чеземова, в чаянии приобрести знаменитые С-400 для защиты своих нефтяных терминалов. И это было неудивительно, после того конфуза, что случился с «Пэтриотами» не сумевшими отбить недавнюю атаку со стороны хуситов на нефтехранилища. Незримая черная кошка пробежала между представителем Штатов и арабами, поэтому ни Хармон, ни шейхи старались не замечать друг друга. Гоголем ходил военный атташе Турции, которой уже было обещано на самом верху заключение договора на поставку подобных комплексов. Представители беднейших государств мира, таких как Мьянма, Боливия и Эквадор, не имея за душой ломаного гроша, рыскали по павильонам в чаянии подешевле оформить с директором «Калашникова» хотя бы

лицензию на производство АК-102. Вот, собственно и все, кого можно было встретить на территории парка, но русские были и этому несказанно рады после того, как перед ними захлопнулись двери самых престижных площадок для показа военной техники.

Мельком оглядев уже хорошо известное оружие, которое успело себя зарекомендовать в череде региональных конфликтов, генерал направил свои стопы к открытой площадке-экспозиции № 1, где располагалась, как уже стоявшая на вооружении, так и все еще испытываемая спецтехника. Для человека, разбирающегося в этой технике, здесь было на что посмотреть. Первым делом Хармона привлекло досмотровое устройство «Сфера» предназначенное для оперативного сбора видео, аудиоинформации в труднодоступных и опасных для человека зонах, и передачи по радиоканалу на пульт видеонаблюдения и дистанционного управления. И хотя у американцев существовал свой аналог подобного устройства, генерал с неприязнью для себя отметил, что русская «Сфера» по энергоемкости и миниатюризации оставила далеко позади всех своих конкурентов. Вторым экспонатом, привлечшим к себе внимание, стал нелинейный локатор NR-900ЕК "Коршун", предназначенный для поиска полупроводниковых устройств (специальных технических средств негласного получения информации), "жучков", "закладок", сотового телефона, sim-карт и т.д. И если бы не напряженные отношения с Москвой, которые ухудша-

лись с каждым днем, он с удовольствием приобрел один из таких аппаратов для своей миссии. Было у него такое стойкое подозрение, что в посольстве, несмотря на тщательные поиски русских «закладок», далеко не все они были выявлены. Ну, и, конечно же, он не мог обойти своим вниманием «хит сезона» – танковый мостовкладчик МТУ-2020. Это был поистине предмет его искренней зависти. Ничего подобного ни в Штатах, ни в других странах НАТО даже и близко не было. А ведь с учетом того, что, как многие предрекают, следующая война в Европе может начаться вот-вот, такие мостовкладчики весьма быгодились наступающим на Россию армиям Объединенной Европы. Возле этого экспоната он задержался надолго. А так как он не был огорожен от любопытствующих глаз, то генерал не поленился и облазил его всего, заглядывая во все его закоулки, попутно отмечая для себя весьма важные детали. Взяв у любезно улыбающейся девушки цветной буклет с описанием характеристик мостовкладчика, он еще немного послонялся по парку в сопровождении своего помощника и, убедившись, что ничего более ценного для себя не обнаружит, решил более не убивать свое время бесцельным хождением по полупустым залам и открытым площадкам.

II. III

19.09.2020г., Россия, Минское шоссе

Выйдя из парка они, отыскав свой припаркованный автомобиль, уселись в него, предварительно растолкав сладко дремлющего водителя. Помощник сел рядом с водителем, а сам атташе вольготно разместился сзади, как и положено генералу и руководителю военной миссии. До Москвы было не более часа езды. Выбравшись с парковки, уставленной автомобилями (и откуда столько взялось?), они помчались по трассе Минского шоссе.

– Ну, что скажешь, Нэд, про русскую выставку? – начал разговор атташе со своим помощником.

– Русские по-прежнему верны своей манере, наводить тень на плетень, – ответил тот, причем последние слова проговорил на русском.

И он, и генерал знали язык страны пребывания, поэтому фразу не пришлось переводить.

– В чем же ты видишь подвох, мой мальчик? – удивился Хармон ответу своего помощника.

– Вы заметили, сэр, что после 18-го года они не продемонстрировали широкой общественности ни одной сколько-нибудь значимой новинки? Экспонаты, представленные на выставке, в подавляющем своем большинстве – это либо уже хорошо известные образцы, либо, в лучшем случае, модернизированные, – со знанием дела сказал Нэд.

– А чего ты хотел от русских? – гыгыкнул Хармон. – Много ли можно представить новинок, находясь под жестким прессингом санкций? Напротив, я удивлен, что они вообще,

что-то могут еще производить на свет.

– Вы так думаете? – удивился помощник, оборачиваясь к сидящему сзади атташе.

– А разве нет? – в свою очередь разыграл удивление генерал. – Но если ты мне не веришь, то почитай хотя бы сводки Стокгольмского международного института исследований проблем мира за прошлый год. Там предельно ясно изложена ситуация с продажей оружия у русских. Если до 2015 года они худо-бедно, но удерживали за собой второе место в списке экспортеров, в основном за счет Китая, Индии и Алжира, то теперь они еле-еле могут претендовать на четвертое место, пропустив вперед себя Китай и Францию. Это о многом говорит. А тебе, как моему помощнику, неплохо было бы иногда заглядывать в международные справочники, – назидательно ввернул генерал напоследок.

– Смею заметить, сэр, что все справочники лгут и шведский не составляет исключения, – смело возразил Нэд своему начальству.

– Вот как? – искренне изумился босс никак не ожидавший от своего помощника альтернативной точки зрения по данному вопросу. – И на чем же базируется твой скепсис?

– То, что у русских «просели» продажи вооружений никак не объясняется разрывом кооперационных связей с Западом и технологической деградацией производства. Просто они поняли, что продавать оружие за доллары теперь не имеет никакого смысла, если их лишают права что-либо поку-

пать на них. Вот они и перешли на свою валюту. Конечно, не всем это нравится, да и рубль на рынке не пользуется большим спросом. Но можете мне поверить, что не пройдет и пары лет, как они восстановят свое положение на этом рынке. Те же самые арабы прибегут к ним за зенитными установками, как турецкий султан.

– Пока что эти арабы заключили с нами сделку на 100 миллиардов, – дернул щекой, уязвленный генерал.

– Боюсь, сэр, что это был наш последний успех, – вздохом констатировал Нэд.

– И все-таки ты не можешь отрицать того факта, что торговля оружием приносило им в бюджет немалые суммы, уступая всего лишь продаже нефти и газа, – попробовал настоять на своем генерал.

– А я и не отрицаю, – пожал плечами помощник. – Просто справочники всегда оперируют открытыми источниками информации, а это, как вы сами знаете, всего лишь вершина айсберга. К тому же русские всегда славились своими подпольными поставками вооружений в «горячие» точки планеты. Плюс ко всему, у меня складывается такое впечатление, что они сами тормозят экспорт.

– Как это?! Почему?! – опять изумился Хармон логике собеседника.

– Мне кажется, что они сейчас усиленно работают «на склад», пополняя и без того свой огромный арсенал. Во всяком случае, вы не могли не заметить, что их военные про-

изводства, еще с конца прошлого года перешли на работу в две, а то и в три смены. А это в свою очередь говорит о том, что они всерьез готовятся к полномасштабной войне.

– Ты думаешь, Украина? – задумчиво спросил Хармон.

– Да, – коротко кивнул собеседник, не оборачиваясь. – Я очень вдумчиво изучал биографии руководителей русской хунты.

– И к какому выводу пришел после изучения?

– Они все очень хорошо подходят друг к другу. У них имеется одна общая черта, которая их объединяет.

– Какая? – нетерпеливо заерзал на своем месте Хармон.

– Все они очень злопамятные люди, лишённые всяческого сентиментализма, – с трудом подбирая нужные слова, ответил Нэд. – Они никогда не простят Украине ни обстрелы Донецка, ни недавнюю атаку на спящий Белгород. Они обязательно нанесут удар. Вот только не знаю, когда и в каком месте.

Машина неслась по гладкому, как немецкий автобан шоссе, поглощая километр за километром со скоростью лентопротяжного механизма. Дорога была оживленной. Тут и там носились грузовые автомобили, перевозящие строительные панели, щебень и кирпич. Часто попадались бетономешалки. Чтобы хоть как-то сгладить углы неприятной беседы, генерал решил сменить тему разговора. Поглядывая на несущиеся за окном грузовики, он отметил:

– А этот московский мэр рьяно взялся за обустройство

своей столицы. Строительство и реконструкция не прекращаются ни днем, ни ночью.

– Он просто очень дорожит местом, которое ему досталось с таким большим трудом, – с безразличием ответил помощник, явно погруженный все еще в свои невеселые мысли.

– Да, – согласился босс, – ему изо всех сил надо выказать свою лояльность новым властям, ибо они с большим подозрением относятся ко всему, что им досталось в наследство.

Как-то совсем незаметно их машина оказалась в потоке большегрузного транспорта. Большие и тяжелогруженные «Камазы» ехали и спереди и сзади. Ехали не так, чтобы очень уж быстро, хотя на трассе не было никаких ограничений. Водителю посольского «Линкольна», привыкшего к большим скоростям и к тому, что ему всюду уступали дорогу, очень не нравилась эта неспешность. И он несколько раз пытался выехать на встречную полосу, чтобы обогнать эту вереницу, но раз за разом отказывался от исполнения задуманного. По встречной полосе также длинной чередой двигались грузовики, оставляя лишь небольшие просветы, поэтому рисковать собой и пассажирами он не решался. Приходилось ехать, невольно подчиняясь той скорости движения, которой следовала бесконечная гусеница большегрузов. Проехали Голицыно с его двухуровневой развязкой, затем Митькино, а дальше дорога из восьмиполосной превратилась в четырехполосную. Дистанция между автомобилями была ми-

нимальной. И тут в их колонне, что-то незримо изменилось. Двигавшаяся, до сих пор неспешно – в пределах 60-70 километров в час, она заметно прибавила в скорости. Взятому в «коробочку» автомобилю атташе не оставалось ничего другого, как тоже прибавить скорости, иначе следующий позади него грузовик неминуемо врежется в него. По спине водителя пробежали первые мурашки. Он, сейчас, пожалуй, был единственным, кто понимал всю серьезность создавшейся обстановки. Ведь стоит только впереди идущему «Камазу» резко тормознуть, как следующий за ним «Линкольн» врежется в него, а в качестве десерта получит еще и удар сзади от следующего за ним грузовика. А колонна, тем временем продолжала набирать скорость. Стрелка спидометра сначала недолго продержалась на отметке в 90 км/ч, а затем не спеша, но уверенно подобралась к 120. Водитель начал впадать в нешуточную панику, которая тут же передалась и его пассажирам.

– Эрл, что происходит?! – чуть не завопил от страха Хармон.

– Сам не могу понять, сэр! Они словно все сошли с ума! – прохрипел от натуги водитель, судорожно вцепившись в рулевое колесо.

– Это ловушка! – заорал помощник, упираясь руками переднюю панель. – Надо выскакивать из нее!

– Как?! Как выскакивать на такой скорости?! – начал орать в ответ водитель.

Все они понимали, что при таком плотном двустороннем движении – выскакивать на встречную полосу – значит выписать себе билет на тот свет. Водитель, не переставая нажимал на сигнал, чтобы грузовики обратили на него свое внимание. Но все было тщетно. Казалось, что за водительскими баранками там сидели не люди, а бездушные роботы. Им не было никакого дела до легковой машины с развевающимся на капоте флагом, похожим на матрас. Сворачивать направо тоже не имело смысла, ибо дорога имела бетонное ограждение. А колонна опять начала набирать скорость. Теперь уже стрелка спидометра лежала почти горизонтально, показывая скорость выше 130 километров в час.

– Эрл, сделай же что-нибудь! – верещал с заднего сиденья атташе, от страха белый, как полотно после стирки.

В какой-то момент водителю показалось, что встречный поток машин чуть поредел и можно выскочить из того капкана, в который они сейчас угодили. Он слегка шевельнул рулем влево, чтобы убедиться в безопасности перестроения, но все равно было плохо видно из-за обильных выхлопов от грузовиков. Черно-коричневая копоть, буквально стелилась над шоссе, мешая, как следует разглядеть обстановку. Наконец, он все же решился и крутанул резко влево – выскакивая из клещей. И ему бы удалось завершить благополучно этот маневр, если бы не проклятая копоть. Именно она помешала ему разглядеть мчавшийся навстречу груженный панелевоз. Удар пришелся лоб в лоб. Он был настолько силен, что по-

сольский «Линкольн» просто смяло в лепешку и отшвырнуло метров на двадцать назад. Пары высокооктанового бензина в баке от мощного удара детонировали, и он моментально вспыхнул, превратившись в огненный шар. Нечего даже и думать, что кто-то из его пассажиров смог выжить в этом адском пламени.

Так погиб последний фигурант дела о теракте на Красной площади.

III.

19.09.2020 г., Москва, Фрунзенская набережная, д. 22, Национальный Центр управления обороной РФ.

Вечером, уже перед концом рабочего дня, Михайлов связался по селектору с Афанасьевым:

– Товарищ Верховный, к вам товарищи Тучков, Барышев и Костюченков. Прикажете впустить?

– Конечно, впускай! В чем вопрос? – отозвался Валерий Васильевич, морщась от того, что опять, кажется, придется задержаться на работе.

Они вошли гуськом, строго и чинно. Все были одеты в парадное. И даже Барышев, не любивший светиться в генеральском мундире, на этот раз был одет с иголки, сияя погонами генерал-полковника.

– Ага! – невольно вырвалось у диктатора. – Видимо случилось что-то из вон выходящее, раз Дмитрий Аркадьевич

изменил своей профессиональной привычке – нигде и ничем не выделяться. – Ну, что ж, товарищи, я слушаю вас, – он поднялся со своего кресла и тоже весь внутренне подобрался, чтобы соответствовать обстановке.

Троица переглянулась и Тучков, как самый молодой и отчаянный, откашлявшись, начал торжественно:

– Товарищ Глава Высшего Военного Совета России, разрешите доложить?!

– Докладывайте, – степенно кивнул он головой, в душе уже догадываясь о чем пойдет речь (сводки об обстановке в мире поступают в режиме реального времени).

– Ваше поручение о свершении возмездия тем, кто непосредственно принимал участие в планировании и совершении теракта на Красной площади, выполнено. Последний соучастник этого преступления – военный атташе Гаррик Хармон ликвидирован нами два часа тому назад. Правосудие свершилось! – торжественным и в то же время траурным голосом возвестил Николай Павлович.

– Спасибо, товарищи! Спасибо! – расчувствовался он, проникаясь духом обстановки. – От меня лично и от тех, кто стал жертвой той страшной трагедии! Пусть они спят спокойно, их смерти отомщены, а дальше Бог расставит все по своим местам.

– Какие будут дальнейшие приказания?! – не утерпел и встрял адмирал.

– Подготовьте списки всех, кто участвовал в операции. Их

всех надо достойно наградить, как морально, так и материально.

– Есть, подготовить списки! – козырнул Барышев, приложив ладонь к фуражке, явно чувствуя неловкость от того, что приходится стоять в мундире.

– Присаживайтесь, товарищи, – пригласил Афанасьев своих соратников.

И когда те расселись у приставного стола, продолжил:

– Что же насчет дальнейших приказаний, то они, конечно же, будут. Дел у нас с вами невпроворот. До сих пор мы играли вторым номером, отдавая инициативу нашим врагам. Пора заканчивать с этой порочной практикой – отвечать на вызовы со стороны. Настает пора наносить удары первыми. И мы с вами это обсудим в ближайшее время. А сейчас, давайте-ка отметим конец старой эпохи и приход новой. Борисыч! – окликнул он замершего у дверей адъютанта. – Питье у нас имеется, а ты, голубчик, расстарайся-ка насчет закуски.

Лица сидящих засветились невольными улыбками, а носы зашмыгали в предвкушении хорошего междусобойчика.

Продолжение следует

12.04.2023г.

г. Новокуйбышевск

Notes

[

←1

]

Социальная сеть, запрещенная на территории РФ.